

63.1243

Д53

П. Ф. Дмитричков

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Могилев 2018

63.12.13
Д53

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. КУЛЕШОВА»

П. Ф. Дмитричков

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

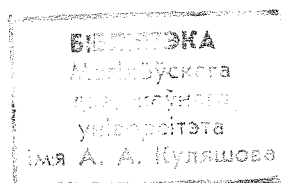
Курс лекций
для магистрантов

000008 295248

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2018

417960

УДК 930.2(476)(075.8)

ББК 63.1(4Бел)я73

Д53

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
МГУ имени А. А. Кулешова*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени БГУ
В. С. Кошелев;

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси
И. А. Марзалиук

Дмитрачков, П. Ф.

Д53

Современные проблемы изучения истории Беларуси : курс лекций для магистрантов / П. Ф. Дмитричков. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 212 с.

ISBN 978-985-568-477-1

В издании рассмотрен комплекс вопросов, связанных с научной деятельностью белорусских историков в постсоветский период. Проанализировано состояние и особенности развития белорусской исторической науки, выделены те задачи, которые предстояло решать ученым в условиях, когда Беларусь стала самостоятельным суверенным государством. Темы, выделенные в книге, касаются проблем, которые приобрели актуальность, становились первоочередными. Это – этнонациональная проблематика отечественной истории, проблемы белорусской государственности, истории зарождения и развития белорусского национального движения. В издании отражены общетеоретические положения, рассматриваемой проблематики, выделены нерешенные дискуссионные аспекты.

Изложенные материалы и рекомендации, приведенная и выделенная в качестве основной литература могут быть использованы аспирантами, соискателями и студентами первой ступени получения высшего образования, всеми, кто интересуется прошлым нашей страны.

УДК 930.2(476)(075.8)

ББК 63.1(4Бел)я73

ISBN 978-985-568-477-1

© Дмитричков П. Ф., 2018

© МГУ имени А. А. Кулешова, 2018

ОТ АВТОРА

Организация учебных занятий со студентами второй ступени высшего образования (магистратура) требует от кафедр разработки учебно-методических материалов, в т. ч. и пособий по дисциплинам учебного плана исторических специальностей. Это касается и такой важной и комплексной дисциплины как «Современные проблемы изучения истории Беларуси», которая предусмотрена по специальности 1-21 80 16 «Отечественная история» для студентов историко-филологического факультета.

Задачи учебной дисциплины, ее содержание определены программой, разработанной кафедрой истории Беларуси и восточных славян и утвержденной научно-методическим советом МГУ имени А.А. Кулешова. С ее учетом подготовлен данный лекционный курс.

В нем изложены материалы по четырем темам, предусмотренным учебной программой. Первая тема требует от магистрантов усвоения вопросов, касающихся состояния и особенностей развития белорусской исторической науки в постсоветский период, и материалы по этой теме изложены в хронологических рамках 1990–2000-х гг., что позволяет проследить не только те изменения, которые происходили в ней, но и выявить актуальную проблематику, вышедшую на первый план и ставшую объектом и предметом научных исследований. Эта проблематика затрагивала многие аспекты отечественной истории и, в частности, те, что рассматриваются во второй, третьей и четвертой темах. Здесь проанализированы исследования по этногенезу белорусов, истории белорусской государственности, национальному движению, развивавшемуся на белорусских землях. При этом в лекционном курсе раскрываются как достижения, новые подходы к выделенным темам и в целом к изучению прошлого Беларуси, так и дискуссионные, нерешенные вопросы. Литература по всем темам отражена в примечаниях и прилагаемом списке.

В основу курса положены лекционные материалы, подготовленные автором с учетом программы магистратуры. Имеются также и планы семинарских/практических занятий, в которых предусмотрены вопросы по изучаемым темам.

Материалы могут быть использованы и студентами первой ступени высшего образования для более углубленного изучения истории Беларуси по рассматриваемым проблемам. На эти же материалы, выделенную литературу могут опираться и преподаватели при разработке тематики спецкурсов и спецсеминаров, а также дисциплин специализации.

Автор выражает благодарность специалистам кафедры истории Беларуси и восточных славян О.П. Климовой и Е.С. Голубевой за помощь в подготовке рукописи лекционного курса и заведующему кафедрой А.С. Мельниковой, стремившейся создать условия для его издания. Автором учтены замечания и предложения рецензентов.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кушнецова

I. ПЛАН ПРОХОЖДЕНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

– *Дневная* форма получения образования. Дисциплина изучается на первом курсе в объеме 108 часов учебных занятий, из них 34 аудиторных (24 часа лекционных и 10 часов практических занятий).

Форма контроля знаний студентов – *экзамен*.

Семестр/ курс	Название раздела, темы (коротко)	Количество аудиторных часов			Форма контроля (зач./экз.)
		лекции	практ. (семина.)	лабор.	
1 сем./ 1 курс	Предмет и задачи курса, его содержание и структура.	2			
	Состояние и особенности развития белорусской исторической науки в постсоветский период: задачи, актуальные проблемы.	6	4		
	Этнонациональная проблематика отечественной истории в исследованиях белорусских ученых.	6	2		
	Современные научные подходы к изучению истории белорусской государственности.	6	2		
	Возникновение и развитие белорусского национального движения: разрабатываемые проблемы, дискуссионные аспекты.	4	2		
	Всего	24	10		Экзамен

– **Заочная** форма получения образования. Дисциплина изучается на первом курсе в объеме 108 часов учебных занятий, из них 8 аудиторных (4 часа лекционных и 4 часа практических занятий). Форма контроля знаний студентов – **экзамен**.

Семестр/ курс	Название раздела, темы (коротко)	Количество аудиторных часов			Форма контроля (зач./экз.)
		лекции	практ. (семин.)	лабор.	
1 сем./ 1 курс	Предмет и задачи курса, его содержание и структура.	1			
	Состояние и особенности развития белорусской исторической науки в постсоветский период: задачи, актуальные проблемы.	3			
2 сем./ 1 курс	Этнонациональная проблематика отечественной истории в исследованиях белорусских ученых.		2		
	Современные научные подходы к изучению истории белорусской государственности, белорусского национального движения.		2		
	Всего	4	4		Экзамен

II. ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ ИЗУЧЕНИЮ

Тема 1. Состояние и особенности развития белорусской исторической науки в постсоветский период: задачи, актуальные проблемы

Белорусская историческая наука, как известно, прошла большой и сложный путь становления, а ее развитие во многом было обусловлено не только историческими условиями, в которых находились белорусские земли, но и общественно-политическими обстоятельствами, складывавшимися в тот или иной период.

Эти условия и обстоятельства не всегда были благоприятными. Сказывался прежде всего тот факт, что белорусские земли в течение довольно длительного времени развивались не в рамках собственного государства, а находились в государствах, где белорусский этнос не играл определяющей роли и даже не признавался как особая общность, а значит, и не рассматривался как субъект истории, а ее изучение игнорировалось.

Положение изменилось лишь после создания белорусского национального государства – БССР, провозглашенного 1 января 1919 г. и оказавшегося с начала 20-х гг. в составе более широкого государственного образования – Советского Союза. С этого времени белорусская историческая наука развивалась уже как самостоятельная отрасль научных знаний, имея как объект, так и предмет своих исследований.

Постепенно сложились и ее организационные структуры, формировались национальные кадры историков, имевших профессиональную подготовку. Это были специалисты с учеными степенями и званиями, разрабатывавшие все основные аспекты отечественной истории.

Надо отметить, что за годы советской власти численность таких профессиональных историков в Беларуси существенно возросла. Их подготовка осуществлялась уже в 20-е гг., а в 30-е гг. в СССР была восстановлена и защита диссертаций, на основе которой присваивались ученые степени кандидатов и докторов исторических наук (степень доктора наук могла присуждаться и без защиты диссертации ученым за выдающиеся научные открытия и труды). Стали присваиваться и ученые звания доцента, профессора. Коренной пе-

рестройке системы формирования научных и педагогических работников способствовало постановление СНК СССР «О подготовке научных и научно-педагогических кадров» (январь 1934 г.). Основной же формой подготовки исследовательских и преподавательских кадров становилась аспирантура. В БГУ, АН БССР были созданы ученые советы по защите диссертаций. В Белорусском государственном университете такой совет был открыт в марте 1937 г., всего в БГУ в довоенный период ученые степени кандидатов исторических наук были присуждены более 10 соискателям [1, с. 31–32]. Важную роль в подготовке кадров историков, развитии белорусской исторической науки играл тогда Институт исторических наук, созданный в Академии наук Беларуси. Несмотря на небольшое количество своих сотрудников (в 1935 г. их было 20) Институт истории уже в довоенные годы провел большую исследовательскую работу по изучению прошлого белорусских земель, в 1924–1941 гг. его сотрудниками были изданы 32 монографии, готовились и обобщающие работы по истории Беларуси. Так, академик В. Щербаков в 1934 г. опубликовал первую часть «Очерков по истории Беларуси» (вторая была задержана в издательстве). Коллектив авторов под руководством В. Пичеты подготовил и издал обобщающую работу «Очерки по истории Беларуси. Ч. I» (1941). Готовились и учебники по истории для средней школы и вузов. Институт истории АН БССР организовал и провел три научных конференций – в 1935, 1939 и 1941 гг. [2, с. 14, 16].

Таким образом, уже в первые сложные годы советской власти в Беларуси были осуществлены крупные и важные организационные меры, способствовавшие становлению и оформлению истории Беларуси как самостоятельной отрасли научных знаний. Однако кадры высококвалифицированных историков в довоенные годы были немногочисленны. Например, в начале 1935 г. в БССР насчитывалось 92 историка высшей квалификации, включая археологов, этнографов и аспирантов. Но большинство из них занимались разработкой истории Компартии (27 чел.), историю Беларуси изучали только 15 человек. Академиков и профессоров было 9, доцентов – 19, младших научных сотрудников и ассистентов – 29. В аспирантуре занималось 35 человек [3, с. 33].

В сложных условиях развивалась белорусская историческая наука в послевоенные годы, сказывались военные разорения, недостаток материально-финансовых средств, научных кадров. Но численность профессиональных историков возрастала, что стало заметно в 60-е гг., о чем свидетельствуют цифры, содержащиеся в таблице 1.

Таблица 1 – Количественный состав кадров высшей квалификации в области истории БССР (1930–1988 гг.)

Научные степени	1936	1960	1973	1980	1988
Всего	36	476	989	1082	1056
Докторов наук	?	6	32	50	62
Кандидатов наук	?	165	268	457	602

Таблица содержится в пособии, составленном В. Белазааровичем и приведенные цифры не требуют особых комментариев. Но, как отмечает В. Белазаарович, в начале 80-х гг. БССР по количеству кандидатов наук в расчете на 100 научных работников уступала другим республикам СССР, в 1981 г. она занимала 14-е место среди союзных республик, а по количеству докторов наук – 13-е. Но уже в 1986 г. эти показатели улучшились, составили соответственно – 9 и 8 [4, с. 259].

Еще более широкие и благоприятные возможности для развития белорусской исторической науки открылись в начале 90-х гг., когда Беларусь стала самостоятельным, суверенным государством. Но возник целый ряд и новых задач. Следовало прежде всего сохранить все то, что было создано, достигнуто ранее и, в частности, сохранить и укрепить кадровый потенциал белорусской исторической науки, продолжить подготовку высококвалифицированных специалистов по всем ее направлениям.

В целом эта задача решалась успешно, но в 90-е гг. количество кандидатов и докторов исторических наук уменьшилось. Так, если в 1980–1990 гг. в Беларуси было подготовлено по разным специальностям 165 кандидатов и 36 докторов исторических наук, то в 1991–1995 гг. только 95 человек успешно защитили кандидатские и 21 – докторские диссертации.

Это объяснялось многими причинами и не только сложностями, возникшими после развала СССР. Негативно сказывался тот факт, что в 90-е гг. в нашей стране, по сути, отсутствовала целенаправленная кадровая государственная политика, подготовка ученых проводилась без учета их потребностей и перспектив развития науки, в т. ч. и исторической.

Однако уже во второй половине 90-х гг. в системе подготовки научных кадров историков наметились положительные тенденции и их численность стала возрастать. Как и прежде основной формой подготовки профессиональных историков были аспирантура и докторантура, сохранено было и соискательство. При этом в Бела-

руси в 1992 г. была создана и своя национальная система государственной аттестации научных и научно-педагогических кадров, ее осуществляла Высшая аттестационная комиссия (ВАК) Республики Беларусь. Нормативно это было закреплено постановлением Совета Министров от 18 сентября 1992 г. Вначале Высшая аттестационная комиссия была подчинена Совету Министров Республики Беларусь, а затем ее статус был повышен. На основании Декрета Президента Республики Беларусь от 30 января 2003 г. № 6 ВАК Республики Беларусь была определена как «республиканский орган государственного управления, проводящего государственную политику и реализующего функцию государственного регулирования в области аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации...». Этим же Декретом ВАК была подчинена непосредственно главе государства.

Необходимо подчеркнуть, что ВАК с момента своего создания не являлась обычным государственно-бюрократическим органом. Это – сложная структура, включавшая в себя не только аппарат ВАК, но и сотни ведущих ученых нашей страны, которые были включены в коллегиальные органы системы государственной аттестации: Президиум и экспертные советы ВАК, советы по защите диссертаций, а также научные работники, привлекаемые к научной экспертизе на этапах предварительного рассмотрения диссертационных работ [5].

Как и в советский период, защита диссертаций стала основным источником формирования национальных кадров историков и их численность стала возрастать. Только в течение 1991–2005 гг. в нашей стране было защищено более 430 докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам, что иллюстрируют данные таблицы 2 (таблица составлена белорусскими историками Г. Корзенко и Ю. Зенькевичем) [6, с. 12].

Таблица 2 – Защита докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам в Республике Беларусь (1991–2005 гг.)

Год	Докторские диссертации	Кандидатские диссертации	Всего
1991	3	20	23
1992	6	15	21
1993	5	20	25
1994	2	21	23

Год	Докторские диссертации	Кандидатские диссертации	Всего
1995	5	19	24
1996	5	12	17
1997	1	12	13
1998	3	10	13
1999	5	30	35
2000	8	29	37
2001	6	30	36
2002	8	28	36
2003	7	45	52
2004	3	29	32
2005	3	43	46
Всего	70	363	433

Как видно из таблицы, количество высококвалифицированных кадров историков, защитивших докторские и кандидатские диссертации, к 2005 г. выросло, особенно этот рост был замечен с конца 90-х гг. Всего же за период с 1994 г. решением Президиума ВАК ученая степень доктора и кандидата исторических наук присуждена была 635 соискателям ученых степеней.

Следует отметить, что несмотря на все трудности, связанные с изменениями в обществе в постсоветский период, аспирантура и докторантура продолжали играть основную роль в воспроизводстве научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Как показали исследования, число аспирантов по историческим специальностям с конца 90-х гг. стала увеличиваться, со 152 чел. в 1998 г. до 253 чел. в 2002 г., возросло и число выпускников аспирантуры [7, с. 40].

Однако далеко не все аспиранты, да и те, кто находился в докторантуре, вовремя защищали диссертации. В 2002 г. аспирантуру окончили 53 чел., из них 94% без защиты диссертаций. Не отличалась высокими показателями и докторантура. Так, в срок до года после ее окончания в 1991–2005 гг. докторские диссертации по историческим специальностям защитили только 10% соискателей, до 2 лет – 3%, до 3 лет – 30%, до 4 лет – 10% и до 5 лет – 20% [8, с. 12]. Количество докторов наук оставалось недостаточным на протяжении всех 1990–2000-х гг., что негативно сказывалось на полноценном развитии белорусской исторической науки.

Следует отметить и тот факт, что имелись уже защищенные диссертации, уровень которых не соответствовал предъявленным требованиям и они, после экспертизы, не утверждались ВАКом. Аспиранты, а иногда и даже докторанты не могли четко сформулировать цели, задачи и результаты исследования, определить его методы и методологию, сделать профессиональный историографический и источниковедческий анализ темы.

Негативные явления отразились и в «старении» кадров, были нарушены оптимальные пропорции исследователей молодого, среднего и старшего возраста в научных и вузовских коллективах. Особенно неблагоприятная ситуация складывалась в структуре докторов наук, среди которых доля возрастной группы моложе 40 лет составляла менее 0,5%. И, наоборот, почти 2/3 докторов исторических наук имели 60 лет и более. Большая часть докторов и более 400 кандидатов, работавших в вузах республики в начале 2000-х гг., имела пенсионный возраст [9, с. 13].

Таким образом, в состоянии и развитии кадрового потенциала белорусской исторической науки в 1990–2000-е гг. возникли проблемы, требовавшие решения на государственном уровне. И такие решения были определены в двух важных документах: *«Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь»*, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь в 2001 г. и в программе *«Научные кадры»*, которая была утверждена Советом Министров Республики Беларусь в 2002 г. В этих документах перед научными учреждениями была поставлена задача не только повышать эффективность подготовки кадров высшей научной квалификации, но и вовлекать в науку, научные учреждения и вузы талантливую молодежь, поддерживать и стимулировать ее научную деятельность.

Важным фактором развития белорусской исторической науки стали структурные преобразования, осуществленные в 2000-е гг. в академическом институте и в вузах республики. Такие преобразования проводились и ранее и вызывались как научными интересами, так и изменениями в обществе. В конце 80-х – начале 90-х гг. реорганизация научных учреждений и вузов приобрела более широкий характер и позволила сконцентрировать внимание ученых на тех новых задачах, которые встали перед нашим государством после распада Советского Союза. Так, в Институте истории НАН Беларуси вместо научных секторов были созданы отделы с более высоким статусом. В их основу был положен проблемно-хронологический принцип с учетом всех важнейших сфер общественной жизни, начиная с древних времен. Всего имелось 11 отделов, ко-

торые возглавили наиболее известные ученые. При этом появились новые структурные единицы, которых не было ранее: отдел военной истории, национально-культурного развития Беларуси, истории национальных и международных отношений, специальных исторических наук, в состав которого входила и группа исторического картографирования. Такая структура Института истории сохранялась и в 2000-е гг., но вносились определенные изменения. Кроме того, Институту истории были переданы ученые, занимавшиеся антропологическими исследованиями (ранее находились в Институте искусств, этнологии и фольклора), а также и Центральный научный архив НАН Беларуси. В отделе же истории национально-культурного развития Беларуси работала группа истории науки. При институте действовал Центральный научный архив НАН Беларуси, в 108 фондах которого сохраняется более 52 тыс. дел, а также единственный в стране Архив археологической научной документации, насчитывающий свыше 3 тыс. отчетов о полевых исследованиях.

Важной частью работы по перестройке деятельности Института истории НАН Беларуси стало совершенствование кадровой политики, обновление кадрового состава сотрудников, но общая численность научных сотрудников уменьшилась почти на одну треть. В 2014 г. в Институте истории работал 101 человек, из них 89 – ученые, среди которых было 12 докторов наук (в т. ч. 1 академик) и 50 кандидатов наук, 8 профессоров и 21 доцент. Молодые ученые в возрасте до 35 лет составляли 22% [10, с.11]. Пополнение коллектива института молодыми кадрами осуществлялось в основном через аспирантуру. За период 1985–1998 гг. ее окончили более 80 человек, в т. ч. 46 из них с представлением диссертаций к защите. В подготовке кадров высшей квалификации (докторов наук) большую роль играла докторантура при институте [11, с. 53–54].

Новая структура института позволила сконцентрировать научные исследования по трем основным направлениям: 1) организация фундаментальных и прикладных исследований; 2) обеспечение сохранения национально-культурного наследия; 3) широкая трансляция результатов научных исследований.

Структурные изменения произошли и в вузах республики, в частности, были перепрофилированы кафедры общественных наук, созданы и укреплены кафедры истории Беларуси. В советский период они имелись не во всех вузах. В БГУ такая кафедра впервые была организована в послевоенный период (ее возглавил партийный идеолог Т.С. Горбунов, а в 1948 г. – сотрудник Института истории АН БССР Н.В. Каменская). Но в ноябре 1949 г. ее ликвидировали,

восстановили в конце 50-х гг. В 70-е гг. кафедры истории Беларуси имелись в Минском, Могилевском и Гродненском пединститутах, на них работало более 150 преподавателей, в т. ч. 10 докторов и 60 кандидатов исторических наук, среди них имелись и многие историки реорганизованных кафедр общественных наук.

Роль кафедр истории Беларуси еще более возросла в 2000-е гг. Причем их преподаватели осуществляли научно-педагогическую деятельность не только на истфаках, но и на других факультетах, где было также предусмотрено изучение отечественной истории.

Однако глубокие изменения, происходившие в обществе уже в годы перестройки в СССР, и особенно после его распада, создание самостоятельного белорусского государства не могли не сказаться на позиции и взглядах профессиональных историков. В их среде произошел, по сути, раскол, выделились как консервативно настроенные, отстаивавшие методологические принципы, господствовавшие в советской историографии, так и национал-радикалы, которые отвергали достижения и выводы советской исторической науки и отстаивали взгляды по ряду важных проблем отечественной истории, названные И. Марзалюком «мифами адраджэнскай историографіі Беларусі» [12]. Эти группы отражали крайние, политизированные позиции. При этом противники обновления белорусской исторической науки использовали созданное в Минске весной 1996 г. общественное объединение «Гістарычныя веды», а также общественную организацию «Славянский собор «Белая Русь», а национал-радикалы оказались под воздействием Белорусского народного фронта (БНФ) и других национальных политических партий и движений.

Развернулись не только острые споры, отражавшиеся в публикациях, выступлениях на конференциях, но и открытое противостояние, конфронтация. Стали даже поступать письма и обращения в газеты, органы государственной власти и даже на имя Президента Республики Беларусь. Все это подробно описано в книге М.П. Костюка, возглавлявшего тогда Институт истории НАН Беларуси, вышедшей в 2015 г.

Белорусская историческая наука оказалась тогда в сложном, можно сказать, кризисном положении, что было характерно и для других государств, возникших на постсоветском пространстве — стран СНГ. Возникли новые задачи, появились новые проблемы, и их необходимо было решать, учитывая не только сложившуюся общественно-политическую ситуацию, но и появление самого белорусского государства. И надо отметить, что среди профессиональ-

ных историков Беларуси оказалось немало тех, кто понимал, что возникшие трудности, кризисные явления следует преодолевать не путем конфронтации, а на основе консолидации, используя те возможности, которые открылись перед белорусской исторической наукой, чтобы поднять ее развитие на новый уровень.

Этому во многом способствовала позиция тех ученых, которые вошли в Белорусскую ассоциацию историков (хотя в ней имелись и радикально настроенные), созданную в 1993 г. и зарегистрированную Министерством юстиции Республики Беларусь в 1994 г. В ассоциации насчитывалось около сотни профессиональных историков – известных ученых, научно-педагогических работников, сотрудников архивов и музеев. Возглавил ассоциацию директор Института истории НАН Беларуси, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук М. Костюк. Позднее был организован и Национальный комитет историков Беларуси (в 1993 г. он был принят и в Международный конгресс исторических наук). В 1993 и 1997 гг. Белорусская ассоциация историков организовала две Всебелорусские конференции историков.

Однако консолидация белорусских профессиональных историков происходила сложно, противостояние продолжалось. И тем не менее кризис преодолевался, а научно-исследовательская деятельность активизировалась. При этом основное внимание историков уже в 90-е гг. было сосредоточено на решении трех важнейших задач: 1) расширить и обновить источниковедческую базу исторической науки; 2) переосмыслить методологию и методы научных исследований; 3) определить научные проблемы, требовавшие первоочередной разработки. Это были задачи принципиальной, стратегической важности и к их решению были привлечены как сотрудники научных учреждений, так и вузовские преподаватели, аспиранты и докторанты.

Значение источников для исторической науки общеизвестно. Без источников невозможно восстановить прошлое, изучить историю развития общества, поэтому работа с источниками для историка является непременным условием успешной научной разработки той или иной проблемы. Важно при этом учитывать тот факт, что исторический источник является продуктом человеческой деятельности, отражает эту деятельность и дает возможность ее изучить *«Разнообразие исторических свидетельств, – писал М. Блок, – почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения»* [13, с. 39].

Именно анализ источников, при разнообразии и максимально возможном их количестве, полноте и комплексном использовании

позволяет исследователям выявить исторические факты, на основе которых делаются выводы и обобщения, пишется история. Особенно большое значение приобретает работа с письменными источниками, отражающими все сферы государственной и общественной жизни и обладающими широкими информационными возможностями. *«Там, где письменные источники отсутствуют, – писал российский ученый, академик М.Н. Тихомиров, – историк блуждает в потемках»* [14, с. 5]. К 90-м гг., когда Беларусь стала самостоятельным государством, для развития белорусской исторической науки была создана широкая источниковедческая база. Однако в советский период источниковедению истории Беларуси не уделялось должного внимания. Источниковедческая проблематика слабо разрабатывалась, не защищались диссертации по ней, а источниковедение истории Беларуси не изучалось даже на истфаках. Ограничивался доступ к архивным материалам, некоторые фонды вообще не были открыты.

А между тем в архивах нашей республики хранится огромное количество письменных источников. Так, в Национальном историческом архиве Беларуси на начало января 1998 г. имелся 3091 фонд, содержащий более 1 млн дел и свыше 7 млн кадров фотокопий [15, с. 308]. Значительное количество письменных материалов и других источников хранится в Гродненском историческом архиве – филиале Центрального исторического архива, в областных и ведомственных архивах, архивах зарубежных стран: России, Литвы, Украины, Польши, ряде европейских государств, США, Канаде.

Задачи, вставшие перед белорусской исторической наукой в 1990-е – 2000-е гг., потребовали совершенствования архивного дела, расширения доступа исследователей к источникам, хранившимся в архивах. И этому способствовало не только снятие существовавших ограничений. Принимались меры и по переводу архивных дел на носители, информацию с которых можно считывать с помощью технических средств. Отечественная археография становилась важной сферой научной деятельности. С начала 1996 г. в Беларуси стало действовать специальное научное учреждение – Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (БелНИИДАД), основными направлениями научной деятельности которого явились развитие теории документоведения, архивоведения, археографии и источниковедения, разработка научных принципов публикации документов и материалов национального архивного фонда Беларуси. С начала 2000-х гг. действовала и Архе-

ографическая комиссия, в ее состав входили руководители и представители архивов и отделов, занимавшихся изданием источников.

Несмотря на все трудности, особенно в 90-е гг., усилиями историков, сотрудников архивов удалось издать большое количество письменных источников по отечественной истории как досоветского, так и советского периодов. Причем изданием источников занимались не только государственные учреждения, но и частные издательства, религиозные организации. Многие важные документы и материалы публиковались на страницах периодических изданий. Регулярно публиковались архивные источники в «Беларускім археаграфічным штогодніку».

Среди источников по досоветской истории Беларуси следует выделить возобновление издания книг Литовской Метрики, т.е. архива канцелярии ВКЛ, в котором содержались уникальные и разнообразные материалы и документы, имевшие непосредственное отношение к истории Беларуси. Первая из книг Литовской Метрики (16-я) в Беларуси была опубликована еще в 1928 г., но вскоре эти публикации прекратились. Возобновилось их издание лишь в 2000-х гг. При этом в Беларуси был создан и реализуется совместный проект альманаха истории и культуры Athenaeum и Отдела специальных исторических наук Института истории НАН Беларуси «METRICIANA», в рамках которого разрабатываются вопросы, касающиеся Метрики ВКЛ, в т. ч. и публикации ее книг. Так, в 2000 г. в Беларуси была издана Книга 28 Метрики, затем вышли и другие, всего же за период с 1928 по 2008 гг. в нашей стране опубликовано 8 книг Метрики ВКЛ. При этом Книга 28 была издана и на компакт-диске, тем самым было положено начало создания электронного ресурса Метрик ВКЛ. Реализуется в Беларуси и идея периодического издания «Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага» (первый том вышел в 2000 г.). Активно занимаются изданием книг Литовской Метрики в Польше, Литве и Украине [16, с. 121–128]. В ноябре 2003 г. в Минске состоялась даже международная научно-практическая конференция с участием специалистов из России, Польши, Литвы и Украины. Были не только подведены результаты изучения и издания книг Метрики, но и определены новые задачи.

В 1990–2000-е гг. в нашей стране были изданы и новые сборники летописей, в которых отражалась история Беларуси. Расширялась публикация письменных источников по истории Беларуси XIX – начала XX в., в которых отражались важные события того времени. Так, в 2006 г. Национальным историческим архивом Бе-

ларуси в г. Гродно был издан сборник «Повстанческое движение в Гродненской губернии», в нем содержится более 100 документов, которые касались восстания 1863–1864 гг. в Гродненской губернии. В 2014 г. коллектив Национального исторического архива Беларуси издал сборник документов и материалов «Паўстанне 1863–1864 гг. у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях», в котором помещены тексты 223 документов периода восстания. В 2011 г. совместными усилиями Национального исторического архива и Национального исторического архива г. Гродно к годовщине войны 1812 г. был издан тематический сборник документов «Беларусь и война 1812 г. Документы» [17]. В 2014 г. в связи со 100-летием Первой мировой войны вышел первый в отечественной историографии сборник документов по истории этой войны, в котором отражались события на белорусских землях [18].

Расширялась публикация письменных источников по истории Беларуси советского периода. Так, к 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР был издан сборник документов и материалов «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...» в двух книгах (Мінск, 2009). Важные письменные источники содержатся и в сборнике «Документы и материалы», подготовленном историками России, Беларуси и Украины в ходе реализации в 2007–2011 гг. совместного народного проекта «1941 г.: страна в огне». В нем помещено большое количество новейших фактических и статистических данных, в т. ч. и ранее недоступных.

В числе публикаций источников по истории Беларуси надо выделить издания учебного характера. Так, в 1996 г. вышел сборник «Сведкі беларускай мінуўшчыны (Зборнік дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі VI–XVI стст.)», предназначенный для студентов и учителей истории. В 2008 г. была издана новая «Хрестоматия по истории Беларуси» (часть 1), рекомендованная в качестве учебного пособия студентам вузов. Ее подготовила группа историков Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова в составе Я. Трещенка, К. Бондаренко, А. Воробьева, Н. Пурышевой. В ней содержится комплекс исторических документов по истории нашей страны с древнерусского периода и до начала 1917 г. Вторая часть хрестоматии вышла в 2012 г.

Были изданы сборники источников и по отдельным важным проблемам и аспектам отечественной истории. Это – «Унія в документах. Сборник документов и материалов» (сост.: В. Теплова, З. Зуева, издан в 1997 г.), содержит письменные источники по истории Брестской церковной унии; «Гісторыя дзяржавы і права

Беларусі ў дакументах і матэрыялах» (Минск, 1998, 2003 гг. сост.: А. Вишневский, И. Юхо); «История общественной и философской мысли в Беларуси: эпоха средневековья: хрестоматия; пособие» (сост. В. Старостенко, Могилев, 2010); «История общественной и философской мысли в Беларуси: раннее и развитое Возрождение: хрестоматия; пособие» (сост. В. Старостенко, Могилев, 2010).

Важным был и тот факт, что в 90-е гг. XX – начале XXI вв. в нашей стране расширилось издание и мемуарной литературы, она публиковалась не только на страницах журналов, но и в виде книг и целых серий.

Многие письменные источники по истории Беларуси содержались и на электронных носителях. Как пример можно привести электронный ресурс «Гісторыя Беларусі IX–XVIII стагоддзяў. Першакрыніцы» – режим доступа: <http://www.starbel.narod.ru>.

В научно-исследовательскую деятельность внедрялись и новые технологии, связанные с использованием компьютерной техники. В 1996 г. при участии кафедры источниковедения БГУ была создана Белорусская ассоциация «История и компьютер» как ветвь международной ассоциации с аналогичным названием. На исторических факультетах вузов республики стала изучаться учебная дисциплина «Историческая информатика», издано учебное пособие для исторических специальностей «Историческая информатика» (Мн., 1998). Важную роль играли и учебные курсы «Источниковедение», «Источниковедение истории Беларуси». Усилено было внимание и к научной разработке проблем источниковедения, в частности, была предусмотрена подготовка диссертаций по этим проблемам. В течение 1991–2003 гг. в республике было защищено 5 докторских и 23 кандидатских диссертаций по специальности 07.00.09 «Историография и методы исторических исследований» [19].

Все это было очень важно. Совершенствование работы с источниками позволяет более глубоко отражать реальную историческую действительность, опираясь на выявленные исторические факты. При этом важно использовать все доступные типы и виды исторических источников с максимально возможной их полнотой, не преувеличивая и значения отдельных фактов. «*Правда отдельных фактов, – писал польский историк С. Грабский, – не составляет еще полной исторической правды*» [20, с. 126]. Историческую правду можно обосновать только на основе анализа многих и разнообразных фактов, учитывая современное понимание «исторического факта». Научные представления о понятии «исторический факт» сложились не сразу. «Исторический факт» как определенная науч-

ная категория был осмыслен только в начале XX в. До этого «факт» понимался как сведение, зафиксированное в источнике, и знание, полученное из источника, считалось истинным. Такого понимания исторического факта придерживались ученые-позитивисты. В настоящее время «исторический факт» рассматривается в более глубокой трактовке и понимается в трех значениях: 1) *факт как событие или явление исторической действительности*; 2) *факт как сообщение источника, в котором зафиксировано и отражено историческое событие или явление, т.е. как определенная информация*; 3) *исторический факт как результат научной обработки источников, элемент познавательной конструкции*. Таким образом, «научный факт в отличие от факта исторического является отражением определенного явления действительности в нашем сознании. Он возникает на стыке субъекта и объекта познания и обязательно включается в систему научного знания» [21, с. 95–96]. Причем научный факт современными учеными рассматривается «не как фиксация единичного изолированного события, выхваченного из множества связей и процессов, но как сложная реконструкция связей данного события с другими, всех определяющих его факторов и ситуаций, в свою очередь, определяемых им» [22, с. 212]. Только на основе такого понимания исторических фактов возможно научное осмысление прошлого, его правдивая, достоверная реконструкция. На необходимость преодоления неверных, ложных выводов и обобщений указывали многие историки, мыслители уже в древности. «Первая задача истории, – говорил Цицерон, – воздержаться от лжи, вторая – не утаивать правды, третья – не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии и в предвзятости» [23].

Но добиться исторической истины, правдивого знания о прошлом не просто, сказываются как объективные, так и субъективные причины и, в частности, особенности самой исторической науки, которая получает знания из источников кем-то составленных и уже искаженных из-за разной степени осведомленности автора, его преднамеренного или искреннего заблуждения. Да и самих этих источников не хватает, особенно по отдельным временам, нередко исторические источники доходят до нас даже в сфальсифицированном виде. Результаты научных исследований, а значит и исторические знания во многом зависят и от уровня профессиональной подготовки исследователя, от его убеждений и идеологических пристрастий. Следует учитывать и то обстоятельство, что историческая наука всегда в той или иной степени была связана с политикой государств, правящих режимов, оказывавших воздействие на исто-

риографию. Это касается и историографии тех государств, в составе которых находились белорусские земли. Так, в Речи Посполитой взгляды историков на прошлое страны, всех ее земель, в т. ч. и белорусских определялись политикой правящей элиты и идеологией сарматизма, которая распространена была в ней. Речь Посполитая представлялась как государство национально-польское, белорусский этнос не признавался, его считали частью польской народности. Такой взгляд был характерен для многих польских историков XVIII, XIX и даже XX вв. В России история белорусских земель освещалась с позиций «западнорусизма», коренные жители белорусских земель восточнославянского происхождения рассматривались в качестве одной из ветвей «триединого народа русского», как его западная ветвь, т. е. как западнорусы. А это не только принижало белорусов как этнос, но и не позволяло дать объективную оценку их исторического наследия, сдерживало развитие национальной белорусской историографии. Весьма политизированы были научные исследования в Советском Союзе, они находились под контролем Компартии, да и самого советского государства.

Все это, безусловно, усложняет познание прошлого, как считают постмодернисты, «прошлое как бы не существует, а есть представленное в дискурсе *информационное поле*, которое, собственно и есть история» [24, с. 185]. Но есть и иное мнение. Авторы многих работ, вышедших в 1990–2000-е гг., отмечали, что проблеме истинности исторических знаний следует рассматривать в общеприкладном философском плане, учитывать тот факт, что наши знания вообще носят ограниченный незавершенный характер, ибо научная истина не является абсолютной, она изменяема, динамична. Целью науки, по сути, является поиск нового как опровержение старого. Белорусский историк Н. Смахович, учитывая специфику исторического познания, предложил ввести понятие «*абмежаваная навуковасць*» (т. е. ограниченная научность) и отметил, что истинность в научном познании достигается «*вынікам сумарных даследаванняў*» [25, с. 19]. К тому же не следует забывать и то обстоятельство, что наука, как писал российский философ Э. Чудинов, «не сводится к совокупности истин. В ней могут существовать (и они всегда существуют) ошибочные гипотезы и теории».

Поэтому важно было совершенствовать методологию исторической науки, опираясь на философские, общетеоретические представления об общественных процессах. Влияние философии на восприятие прошлого, его понимание прослеживается уже в древности, еще более оно усилилось в период Нового и Новейшего вре-

мени. Так, на развитие исторической науки в европейских странах в XIX в. большое влияние оказал позитивизм. В советский период историки в своих исследованиях опирались на марксистское понимание исторического процесса. Историки-марксисты исходили из того, что главным фактором развития человеческого общества является рост производительных сил, изменения в материальной сфере, способах производства, на основе которых возникали и закономерно сменялись общественно-экономические формации. При этом большое значение придавалось классовой борьбе, ее считали главной движущей силой истории. Эту теорию так и называют – формационной и она сыграла свою роль в становлении и развитии белорусской исторической науки.

В новых общественных условиях, сложившихся после распада Советского Союза, белорусские историки могли использовать познавательные возможности и других философских учений. Однако реализовать эти возможности оказалось не просто, и историческая наука в Беларуси, да и на всем постсоветском пространстве, как справедливо отметил А.Н. Нечухрин, *«на какое-то время утратила методологические ориентиры... Образовавшийся теоретический вакуум белорусские, как и российские историки стали заполнять самыми разнообразными идеями и концепциями, заимствованными из арсенала не только современной западной науки, но и историографии второй половины XIX – начала XX в... В ряде случаев отвергнутые марксистско-ленинские схемы оказались заменены не менее идеологизированными национальными, а методологическая база отдельных работ не выдерживает критики даже по критериям первого позитивизма»* [26, с. 36].

Многие ученые, и не только историки, говорили о кризисе, в котором оказались общественные науки. Вот как писал по этому поводу доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии университетского образования В.Ф. Берков: *«Мы являемся свидетелями того факта, что на рубеже XX–XXI вв. общественно-гуманитарные науки оказались в состоянии методологического кризиса. Под давлением социума и соответствующего идеологического воздействия поставлена под сомнение концепция материалистического понимания истории: ей на смену пришли разные варианты давно изжившего себя позитивизма»* [27, с. 87].

Но любой кризис, как известно, преодолевается, наступает стабилизация, а дальнейшее развитие происходит уже на новой основе. Это относится и к белорусской исторической науке, ее методологии. Ее проблематика стала активно обсуждаться как в научных

учреждениях, так и на вузовских кафедрах. Состоялся ряд специальных научных конференций. Первая из таких конференций была проведена по инициативе ученых БГУ в 2001 г. Затем было организовано еще три конференции – в 2006, 2008 и 2012 г. Целый ряд вопросов методологического характера был поднят и обсужден на «круглом столе» «Историческая наука и историческое образование в Республике Беларусь», который был организован Институтом истории НАН Беларуси в сентябре 2006 г. С целью ознакомления белорусских ученых с основными направлениями, достижениями и приоритетами в научных исследованиях за рубежом был издан информационно-аналитический обзор «Современная мировая историческая наука», в котором представлены материалы XVIII Международного конгресса историков и X Международной конференции «История и компьютер», состоявшихся в августе-сентябре 1995 г. в Монреале. В нем были представлены историки многих стран, всего в работе конгресса приняли участие 1690 человек из 80 государств. 28 стран, в т. ч. и Республика Беларусь, были представлены одним участником. От Беларуси им был директор Института истории Академии наук М.П. Костюк.

Появился и ряд научных публикаций, в которых рассматривались разные аспекты методологии и теории исторического познания, что позволило уточнить как сам объект и предмет исследований методологии исторической науки, так и ее научно-понятийный аппарат и принципы исторического познания.

Это важно было и потому, что методология истории как самостоятельная учебная дисциплина была введена в учебные планы исторических факультетов, а затем и магистратур. В связи с чем были разработаны соответствующие государственные стандарты, типовые учебные программы, изданы учебные пособия и дополнительная научно-методическая литература. Вопросы повышения уровня профессиональной подготовки студентов и магистрантов, их методологической компетентности поднимались и в периодических изданиях. Им посвящен был ряд монографических работ. Большой вклад в разработку методологических проблем внесли в те годы своими публикациями А. Нечухрин, О. Шутова, М. Соколова, Н. Минницкий и др.

В целом белорусская историческая наука в методологическом отношении оказалась под воздействием трех основных общественных теорий – формационной, цивилизационной и теории модернизации или технологической теории. При этом многие белорусские ученые, в т. ч. и историки отмечали, что эти теории имели много общего и что научная деятельность по изучению прошлого

Беларуси не должна строиться на противопоставлении одних методологических походов другим в формате «или-или». Было бы неверным отрицать познавательные возможности и формационной теории, лежавшей в основе марксистско-ленинской методологии. *«Следует признать, – говорил белорусский историк В.С. Кошелев, – что формационный подход к изучению истории не исчерпал своих эвристических возможностей. Так считают многие, в том числе зарубежные, исследователи. Совсем не случаен настоящий бум марксведения на современном Западе. Естественно, формационный подход должен применяться творчески, в сочетании с другими методологическими подходами, и прежде всего с такими, как цивилизационный, культурологический, мир-системный»* [28, с. 66]. Многомерность исторического процесса, сложность социальных связей общества диктуют необходимость использования разных методов научного анализа и это находило отражение во многих научных исследованиях белорусских историков. Так, некоторые из них стали опираться на синергетическую, мир-системную, постмодернистскую концепции, использовать ценности и принципы школы «Анналов» (возникла во Франции в 20-е гг. прошлого столетия). В Беларуси в 1990–2000-е гг. стала разрабатываться история ментальности, гендерная тематика, антропологические аспекты общественных процессов, проблемы повседневной жизни. Усилилось внимание к политической и социальной истории.

Одновременно обращалось внимание на важность интеграции всех наук об обществе и природе, выхода истории за рамки узкопрофессиональной специализации, овладения методами других социально-гуманитарных наук, что позволит глубже и с большей объективностью отразить историческую реальность. *«Сёння нам неабходна больш актыўна ўзняць праблему інтэграцыі гуманітарных ведаў, – говорил академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, доктор исторических наук А. Коваленя, выступая на международной научной конференции «Методология исследований истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы», состоявшейся 9 октября 2012 г. в Минске, – гэта тым больш актуальна, што гістарычная навука ў параўнанні з іншымі грамадска-гуманітарнымі навукамі выступае як навука комплексная, інтэгральная, якая мае справу з усімі грамадскімі з'явамі і працэсамі, якія імі вывучаюцца»* [29, с. 137].

В ходе обсуждения путей развития белорусской исторической науки в 90-е гг. важность приобрела и третья задача – определить актуальную проблематику, требующую первоочередного внимания,

причем необходимо было ее разрабатывать не только с новых теоретико-методологических позиций, но и на основе национальных подходов. Этого требовали интересы как белорусского государства, так и самого белорусского народа, и ряд ученых уже в начале 90-х гг. стал вносить свои предложения, поставил вопрос о подготовке национальной концепции отечественной истории.

Надо отметить, что предпосылки для появления такой концепции складывались уже в XIX в., когда шло формирование белорусской нации. Для многих исследователей становилось очевидным, что коренные жители белорусских земель восточнославянского происхождения – это не поляки (как утверждали многие польские ученые) и не западнорусы (как считали российские власти), а самостоятельный этнос/народ, имеющий свою историю, являющийся ее субъектом и поэтому следует ее изучать, выделив из общепольской и российской истории. Первым, как известно, это сделал О. Турчинович – автор книги «Обозрение истории Беларуси с древнейших времен», вышедшей в 1857 г. в Санкт-Петербурге. Однако О. Турчиновичу не удалось преодолеть западнорусизм, создать национальную концепцию истории Беларуси. Эта концепция стала приобретать все более выраженный характер и наполняться содержанием в конце XIX – начале XX в. благодаря исследованиям и публикациям М. Довнар-Запольского и В. Ластовского. Еще будучи студентом Киевского университета М. Довнар-Запольский проявил интерес к Западным губерниям России и на основе собственно собранных этнографических и археологических материалов и изучения других источников подготовил и издал ряд научных работ, в т. ч. и общую работу «О прошлом Беларуси» (в виде статей, опубликованных в 1888 г. на страницах газеты «Минский листок»), которые характеризовали его как глубокого, патриотически настроенного исследователя, понимавшего важность и необходимость научной разработки истории Беларуси, проблем происхождения белорусов. Он, как справедливо заметил А. Смоленчук, «не ўвайшоў, а ўварваўся ў навуку» и обогатил нашу отечественную историю, подчеркивая важность ее изучения с национальных позиций [30, с. 20–30].

На таких же позициях стоял и В. Ластовский. Как один из активнейших участников белорусского освободительного движения, он придавал большое значение историческим знаниям, рассматривал их как важнейший источник этнического самосознания народа, его национального пробуждения. Именно этим целям служила книга В. Ластовского «Кароткая гісторыя Беларусі», отрывки из которой печатались на страницах газеты «Наша Нива» и которая

вышла в 1910 г. отдельным изданием в двух вариантах – кириллицей (для православных) и латинским шрифтом (для белорусских католиков). Это была первая обобщающая работа по истории Беларуси, подготовленная на белорусском языке и предназначенная белорусам. Раскрывая значение истории в предисловии своей работы, В. Ластовский писал, что *«эта фундамент, на котором будующа жыццё народу. І нам, каб адбудаваць свае жыццё, трэба пачаць фундаменту, каб будынак быў моцны. А фундамент у нас важны, гісторыя наша багатая...»* [31, с. 5]. В. Ластовский, как и другие организаторы и участники зарождавшегося белорусского национального движения, исходил из принципиально важного положения – белорусский народ – это не только объект истории, но и ее субъект и имеет право на создание своего государства, своего языка, развитие культуры.

Широкие возможности для становления и развития белорусской исторической науки, разработки ее на основе национальных подходов открывались с установлением советской власти и созданием БССР. Эти возможности стали реализовываться уже в 20-е гг., чему способствовала проводимая тогда политика белорусизации, создание Белорусского государственного университета, научных учреждений, и, в частности, АН Беларуси, в структуре которой имелся и Институт истории. Положительно сказывалось и то, что за национально-культурное возрождение Беларуси выступали в 20-е гг. и многие политические деятели, придерживавшиеся разной идеологии, активно участвовавшие в организации белорусского национального движения еще до установления советской власти на белорусских землях – Д. Жилунович, В. Игнатовский, Е. Канчар, В. Ластовский, возвратившиеся из эмиграции А. Луцкевич, Б. Тарашкевич, Ф. Турук, А. Цвикевич и др. Формированию белорусской национально-исторической концепции во многом способствовал и приехавший в БССР В.И. Пичета, возглавивший Белорусский государственный университет, и оказавшийся здесь М.В. Довнар-Запольский и их ученики и последователи А. Бурдейко, Ф. Забелло, К. Кернажицкий, Т. Степанова, В. Дружич, В. Мелешко. Все они, и политические и общественные деятели и историки, стали авторами публикаций, в которых с национальных позиций отражалось прошлое белорусских земель. В 20–30-е гг. складывалась т. н. «наддэмовская» школа белорусской историографии, которая в советский период оценивалась негативно. Но отмечая роль представителей этой школы в разработке национальной концепции истории Беларуси, следует учитывать и

тот факт, что их взгляды были политизированы, имели националистическую окраску и русофобскую направленность. Они стремились связать историю Беларуси лишь с западноевропейской цивилизацией, идеализируя положение белорусских земель в составе ВКЛ да и в Речи Посполитой. Время нахождения белорусских земель в ВКЛ они рассматривали как «золотой век» белорусской истории, под которым понимали XV–XVI вв. Считалось, что именно с XV в. Беларусь отошла от «российско-византийского» мира и стала развиваться по западноевропейским образцам. М. Довнар-Запольский прямо называл Беларусь «восточной границей западной культуры» [32, с. 170–177]. Формировавшаяся в 20–30-е гг. белорусская историческая наука не могла не испытывать воздействие политических событий, происходивших на просторах бывшей российской империи, а значит и на взглядах ученых, стремившихся осмыслить исторический путь белорусского народа. Это было сложное и противоречивое время. Но уже тогда белорусская историческая наука стала развиваться как самостоятельная отрасль знаний и, как уже отмечалось, складывался ее кадровый потенциал, определились организационные формы и структура в рамках общей советской историографии.

Вместе с тем возникшие в советский период возможности для творческой деятельности белорусских историков сдерживались не только методологией, господствовавшей идеологией, но и проводимой политикой, которая с конца 30-х гг. оказалась связанной с административно-командной системой, утверждавшейся в СССР. Пострадали белорусские историки и от политических репрессий. Хотя Советский Союз и сложился как многонациональное государство, специфика национальных регионов, входивших в него республик, в т. ч. Беларуси должным образом не учитывались, а их история изучалась в общем русле общероссийской и советской истории. Слабо освещались, а иногда и не раскрывались многие важные аспекты белорусской истории. Это касается проблем этногенеза белорусов, истории белорусской государственности, национально-освободительного движения, истории конфессий и религиозных движений, их влияние на общественные процессы. При изучении феодального и буржуазного общества преобладала социально-экономическая проблематика, вопросы классовой борьбы, революционного движения. Основные усилия ученых направлялись на разработку истории Беларуси советского периода, историю советского государства и Компартии, из этого исходили и при подготовке кадров историков, определении тематики кандидатских и докторских диссертаций. В подготовке кадров высшей квалификации недостаточное внима-

ние уделялось таким специальностям, как «методология истории», «историография», «источниковедение», «вспомогательные исторические дисциплины».

Ситуация в исторической науке изменилась в 90-е годы, что позволило подойти к решению накопившихся проблем на основе национальных подходов. Такие подходы были обоснованы заместителем директора Института истории НАН Беларуси, доктором исторических наук М.О. Бичем (его статья была опубликована в «Беларускім гістарычным часопісе» в 1993 г.), и изложены директором института М.П. Костюком в докладе «Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі: асноўныя падыходы», с которым он выступил на I Всебелорусской конференции историков, состоявшейся 3–5 февраля 1993 г. в Минске. Раскрывая содержание этих подходов М.П. Костюк подчеркнул необходимость преодоления зависимости научных исследований от политики и партийной идеологии и важность использования при изучении прошлого Беларуси принципов разных теоретико-методологических школ и направлений, критического отношения к марксистско-ленинской методологии. Сформулированы были и конкретные проблемы белорусской истории, требовавшие первоочередного внимания и решения их с учетом геополитического положения Беларуси. *«Роля геапалітычнага фактара, – адзначалася ў докладе, – адметная рыса гісторыі Беларусі і што неабходна разглядаць гісторыю беларускага народа ў кантэксце славянскай, еўрапейскай і сучаснай цывілізацыі, яго ўклад у іх культуру. Пры гэтым мы не можам абмяжоўвацца нацыянальнымі межамі. Любая навука, у тым ліку гістарычная, па свай прыродзе і характару міжнародная. Таму неабходна супрацоўніцтва з гісторыкамі іншых краін. Гэта дапаможа арыентавацца на сучасны ўзровень развіцця гістарычнай навукі»* [33, с. 5].

Такие подходы к изучению прошлого Беларуси находили поддержку, но многие обращали внимание на важность совершенствования самих методов научных исследований, опираясь на накопленный опыт, достижения советской историографии и несмотря на все сложности, сопротивления консерваторов национальная концепция (в дальнейшем она стала называться «нацыянальна-дзяржаўнай») была принята большинством профессиональных историков. Основным объектом исследования становились проблемы отечественной истории. Об этом свидетельствовали изменения в тематике докторских и кандидатских диссертаций, публикаций, появившиеся в 1990–2000-е гг. Так, из 34 докторских диссертаций, защищенных в нашей стране в 1991–1996 гг., 16 касались истории Беларуси, 7 –

всеобщей истории, остальные относились к проблемам этнографии, антропологии, источниковедения и историографии истории Беларуси. Проблемы отечественной истории преобладали и в тематике кандидатских диссертаций. Из 136 таких диссертаций, защищенных в 90-е гг., 88 были по истории Беларуси [34, с. 314]. Примерно такой же удельный вес диссертации по проблемам отечественной истории занимали и в начале 2000-х гг. Из 63 докторских и 260 кандидатских диссертаций, защищенных в республике в 1991–2003 гг., 50% первых и 60% вторых касались именно истории Беларуси. Постепенно увеличивалось и количество диссертаций по специальности 07 00 09 «Историография, источниковедение и методы исторических исследований». Подготовка историков по этой специальности велась в Беларуси с начала 90-х гг.

Важным был и тот факт, что расширялись возможности для публикаций материалов научных исследований. В советский период эти возможности были ограниченными, они были связаны в основном со всесоюзными издательствами и периодическими изданиями. В БССР тогда не имелось своего исторического журнала. Единственным таким журналом можно считать «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», выходившим с 1969 г., но он имел небольшой формат – 6 п.л. и издавался четыре раза в году.

Вопрос об издании белорусского исторического журнала поднимался неоднократно, но решить его удалось лишь в 1993 г. и таким журналом стал «Беларускі гістарычны часопіс» (с 2004 г. он выходил ежемесячно). В 1993 г. появился еще один исторический журнал – «Беларуская мінуўшчына», но в 1999 г. его сменило периодическое издание «Архивы и делопроизводство». В 1989 г. изменил свое название и формат и журнал «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», он стал называться «Спадчына». В 1993 г. было восстановлено издание и «Гісторыка-археалагічнага зборніка», основанного в 1927 г.

Надо отметить, что в 90-е гг. пытался наладить свое периодическое издание и Институт истории НАН Беларуси – в 1999 г. к 70-летию института вышел «Штогоднік Інстытута», но это был первый и последний номер, недостатки финансирования не позволили продолжить его выпуск. Историческая проблематика освещалась и в академическом журнале «Вести АН», «Вести БГУ» и в журналах подобного типа других вузов.

В середине 90-х гг. появились и негосударственные исторические журналы – «Беларускі гістарычны агляд» (1994 г., последний номер вышел в 2008 г.), «Гістарычны альманах» (1998), «ARCHE» (1998). В 2014 г. в Беларуси выходило уже более

40 изданий, которые можно отнести к периодике исторического направления [35].

Важной формой организации белорусской исторической науки становились и научные конференции, многие из которых имели международный характер. Конференции давали возможность сотрудникам научных учреждений, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам не только изложить результаты своих исследований, но и опубликовать их в виде докладов или сообщений. Первые такие конференции Институт истории АН БССР организовал и провел уже в 30–40-е гг., тогда состоялись три научные конференции – в 1935, 1939 и 1941 годах. Практиковалось проведение научных конференций, в т.ч. и общесоюзных (хотя и редко) и в 60–80-е гг. Но особенно важное значение они приобрели в 1990–2000-е гг. в условиях независимой Беларуси. Так, широко представительными были научные конференции, организованные Белорусской ассоциацией историков в 1993 и 1997 г. На них были заслушаны многие доклады и сообщения, касавшиеся развития исторической науки (прежде всего белорусской), поставлены задачи, требовавшие решения с учетом национальной концепции. На I-й конференции (она состоялась 3–5 февраля 1993 г.) на пленарном заседании и в секциях было сделано около 100 докладов, а на II-й, проходившей 10–11 апреля 1997 г. – 155, некоторые из них касались и исторического образования.

Следует выделить и Международную научную конференцию по актуальным проблемам истории Беларуси, проведенную в Гродненском университете имени Янки Купалы в 2003 г. Работало 7 секций, на конференции выступили или представили тексты более 220 человек фактически из всех научных учреждений и высших учебных заведений Беларуси, а также ряд ученых из Российской Федерации и Польши. В Гродно, на базе госуниверситета, в 2004 г. была проведена и Республиканская научно-педагогическая конференция, на которой был рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с подготовкой научных и педагогических кадров историков. В Могилевском государственном университете имени А.А. Кулешова с 2004 г. проводились научные конференции международного характера – «Романовские чтения», состоялось уже 13 таких конференций.

Многие научные конференции носили тематический характер, связывались с юбилейными датами. Так, событием большого значения стала Международная научно-практическая конференция «Беларусь: этапы станаўлення дзяржаўнасці (да 90-годдзя утварэння БССР)», проведенная 18 декабря 2008 г. В работе конференции приняли участие более 230 ученых, а также представители органов

власти, дипломатического корпуса, депутаты, в т. ч. Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь Б.В. Батура, глава Администрации Президента Республики Беларусь В.В. Макей, Генеральный прокурор Республики Беларусь Г.А. Василевич, Председатель Президиума НАН Беларуси М.В. Мясникович, Министр образования Республики Беларусь А.М. Радьков и др.

Важной стала также Международная конференция, организованная Институтом истории НАН Беларуси совместно с Академией управления при Президенте Республики Беларусь 24–25 ноября 2011 г. по теме: «Рэспубліка Беларусь: 20 гадоў незалежнасці», в ней приняли участие более 180 ученых.

Необходимо выделить и научные конференции, посвященные историографическим проблемам. Эти проблемы приобретали важное значение, необходимо было не только наметить пути развития белорусской исторической науки, но и проанализировать то, что было сделано в предшествующий период. Такую цель преследовал Институт истории НАН Беларуси, организовавший в октябре 1999 г. научную конференцию по теме: «Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця» (конференция проводилась в связи с 70-летием Института). На пленарном заседании и в секциях было заслушано 106 докладов и сообщений белорусских, а также российских и польских историков.

Важной стала и Республиканская научно-практическая конференция по историографии, организованная Белорусским государственным педагогическим университетом имени Максима Танка в ноябре 2003 г., в ней участвовали 173 ученых, в докладах и сообщениях которых были проанализированы исторические аспекты изучения всех основных проблем белорусской истории. Материалы научных конференций публиковались и были доступны всем, изучавшим проблемы отечественной истории.

Кроме научных конференций, в эти же годы Институт истории НАН Беларуси использовал и такую, по сути, новую форму организации исторической науки, как проведение «круглых столов» по актуальным проблемам, представлявших интерес не только для ученых, но и для широкой общественности. Так, уже в 1990 г. на страницах газеты «Звезда» были помещены материалы «круглого стола» о т. н. «белых плямах» в белорусской истории (материалы затем были изданы отдельной брошюрой). В апреле 1992 г. в Минске состоялся Международный «круглый стол» по теме «Беларусь в Великом княжестве Литовском», в нем, кроме белорусских историков, участвовали ученые из Польши, Англии, Италии, всего

31 человек. Материалы были опубликованы в виде стенограммы, а фрагменты в журнале «Беларуская думка». Ряд важных «круглых столов» состоялся в 2000-е гг. Например, в 2007 г. Институт истории НАН Беларуси совместно с редакцией журнал «Беларускі гістарычны часопіс» организовали «круглый стол»: «Рэвалюцыі 1917 года ў лёсах Беларусі». Его участники обсудили самые разные аспекты Февральской и Октябрьской революций, их влияние на Беларусь, на общественные процессы. В этом же году в Институте истории состоялся «круглый стол» «Станаўленне і развіццё беларускай дзяржаўнасці ў геапалітычных працэсах IX–XX стст.». В 2008 г. учеными Института истории НАН Беларуси совместно с редакцией газеты «СБ – Беларусь сегодня» был организован «круглый стол», посвященный истории Белорусской Народной Республики (отмечалось 90-летие ее объявления).

Анализ статей, материалов научных конференций показывает, что проблемное поле белорусской исторической науки заметно расширилось, а объектом исследований становились те аспекты отечественной истории, которые ранее недооценивались, слабо были изучены, но приобрели актуальность. Это касалось фактически всех периодов белорусской истории, начиная с древности и раннего средневековья. С этим периодом были связаны многие вопросы этногенеза белорусов, их происхождения, и они нашли отражение в работах археологов, антропологов, историков.

Активно изучалась история зарождения и развития белорусской государственности, ее истоки, формы и особенности. Это видно из публикаций, посвященных Полоцкому и Туровскому княжествам и в целом Древней Руси, а также Великому княжеству Литовскому, положению белорусских земель в Речи Посполитой.

Особо была выделена и проблематика, касавшаяся развития белорусских земель в период их нахождения в составе России. Она затрагивала как этнонациональные, конфессиональные, так и общественно-политические и культурные аспекты белорусской истории не только XIX, но и начала XX в.

В конце 80-х и особенно в 90-е гг. появилось немало публикаций и по разным проблемам советского периода белорусской истории. Несмотря на то, что эта проблематика была политизирована, вызывала острые споры и противоречивые оценки, она разрабатывалась не только с новых методологических позиций, но и на основе более широкого круга источников. Поэтому выводы, относившиеся как к Октябрьской революции 1917 г., положившей начало советской истории, так и к тому обществу, которое было построено

тогда, оказались более глубокими, объективнее отражали происходившие изменения. Общественный строй, утвердившийся тогда в СССР и, соответственно, в БССР был определен белорусскими (и многими российскими) историками как «государственный социализм» и что *«гэта мадэль развіцця, – отмечал Н.С. Сташкевич – директор Института истории НАН Беларуси, выступая на республиканской научной конференции, состоявшейся в начале мая 2002 г. в Гродно, – была выклікана рэвалюцыйнай (асабліва ваенна-камуністычнай) і шматвяковай расійскай традыцыяй, якая была звязана з гіпертрафіраванай роляй дзяржавы»* [36, с. 31–32].

Не теряла актуальности и военная история, причем всех периодов и событий, связанных с вооруженными конфликтами, которые проходили на территории Беларуси и оказывали воздействие на историческое развитие белорусских земель. Но наиболее активно изучалась проблематика Первой и Второй мировых войн, Великой Отечественной войны. По истории Великой Отечественной войны был защищен ряд диссертаций, опубликованы десятки статей, появились новые монографические работы, учебные издания. Как пример можно привести учебно-методический комплекс «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» (Минск, 2006–2009), который включал программу, учебник, справочник, рабочую тетрадь, хрестоматию, пособие для учителя. Комплекс был признан лучшим среди стран СНГ. В связи с юбилейными датами, связанными со Второй мировой войной, Великой Отечественной войной в нашей стране проводились научные конференции. Так, 17–18 мая 2000 г. в Минске состоялась международная научная конференция «Исторические ценности победы над фашизмом и современность», в работе которой, кроме белорусских историков, приняли участие и представители Армении, Казахстана, Кыргызстана, России, Украины, Таджикистана, Туркменистана и ряд организаций Исполкома Сотрудничества Независимых Государств. Конференция подвела итоги исследований проблем Великой Отечественной войны и определила дальнейшие перспективы ее изучения. Важнейшим результатом исследований по военной истории стало то, что впервые были выявлены и включены в электронный банк данных имена 10 938 (в т. ч. 10 460 погибших) белоруссов, выходцев из Беларуси, военнослужащих Белорусского военного округа, принимавших участие в локальных войнах и военных конфликтах XX в. в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке [37, с. 13].

В 2000-е гг. предметом исследований многих историков стали также политические, социально-экономические и культурные процессы, развивавшиеся в Беларуси в период, когда она стала независимым государством, ее взаимоотношения с другими странами. Они нашли отражение в 6-м томе издания «Гісторыя Беларусі» и других публикациях. Институту истории НАН Беларуси удалось восстановить и такое направление в белорусской академической исторической науке, как изучение проблем всеобщей истории.

Накопление фактических материалов, их осмысление с новых методологических позиций позволило белорусским ученым подготовить и обобщающие работы по отечественной истории. Такие издания играли и роль учебных пособий, поэтому им всегда придавалось большое значение. Так, в 20-е гг., когда шло становление белорусской исторической науки, обобщающим изданием стала книга В. Игнатовского «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі», она использовалась в учебных целях. В 1934 г. была опубликована первая часть книги академика В. Щербакова, написанная с позиций марксистской методологии. В 20-е гг. подготовили обобщающие работы по истории Беларуси и М. Довнар-Запольский, В. Ластовский, В. Пичета, но по разным причинам они не были изданы. В послевоенные годы подготовка обобщающего издания по истории Беларуси велась под непосредственным контролем ЦК КП(б)Б, который в январе 1948 г. создал комиссию из известных в то время историков республики – сотрудников академического Института истории Беларуси. Были утверждены «Тезисы об основных положениях истории Беларуси» (12 тезисов, касавшихся всей белорусской истории от первобытного общества до советского периода включительно). С учетом тезисов была подготовлена 2-томная «История Белорусской ССР», предназначенная в качестве учебного пособия для студентов исторических факультетов вузов республики (издана была в 1954 г. – 1 том и в 1958 г. – 2 том). Это был результат труда большого коллектива белорусских историков, но это пособие оказалось политизированным, в нем содержался официальный взгляд на прошлое Беларуси, господствовавший в советской исторической науке, еще не освободившейся от влияния культа личности И. Сталина.

В 1981 г. вышло учебное пособие по истории БССР, часть первая, подготовленное коллективом преподавателей Белгосуниверситета и Минского пединститута, оно также было предназначено студентам исторических факультетов вузов. Но самой крупной обобщающей работой по белорусской истории, изданной в советский период, стала 5-томная «Гісторыя Беларускай ССР», опубликованная

в 1972–1975 гг., а на ее основе в 1977 г. был издан однотомник на русском языке. Эта работа отличалась более высоким научным уровнем в сравнении с прежними изданиями. Ее подготовили не только историки, но и археологи, филологи, искусствоведы из числа сотрудников АН БССР, Института истории партии при ЦК КПБ, научную помощь оказывали ученые Москвы.

Но обобщающие издания, как и учебные пособия по истории Беларуси советского времени, уже не соответствовали изменившемуся государственным и общественным условиям, самой исторической науке. Назрела необходимость разработать новое издание, что и было сделано сотрудниками Института истории НАН Беларуси, подготовившими «Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х частках» (первая часть была издана в 1994 г., а вторая – в 1995 г.). «Нарысы» были рекомендованы Министерством образования Республики Беларусь в качестве пособия для студентов вузов. Авторы пособия учитывали и ранее изданные обобщающие работы, вместе с тем впервые была сделана попытка переосмыслить исторический путь белорусского народа с национально-государственных позиций. При этом расширены были материалы по досоветскому периоду, половина издания (первая часть) отражала этот период. Такие соотношения не были характерны для предыдущих обобщающих изданий, в т. ч. и для «Гісторыі Беларускай ССР» в 5 томах, в этой работе досоветскому периоду было посвящено только два тома, а три касались советской истории Беларуси. Новые подходы были положены в структуру и содержание «Нарысаў», а главной целью авторы считали объективное отражение процессов, что происходили в прошлом на белорусских землях. «Нарысы» были встречены с интересом и не только студентами, но и всеми, кто интересовался историей Беларуси (а интерес этот в 90-е гг. возрос). Однако это обобщающее издание не лишено было недостатков, готовилось поспешно, без должного обсуждения и содержало не совсем верные авторские оценки как отдельных проблем, так и некоторых периодов истории Беларуси, за что авторы были подвергнуты критике и даже обвинялись в искажениях, фальсификациях со стороны консервативно настроенных историков.

На основе национальной концепции белорусской истории готовилось в 90-е гг. и второе, но более крупное обобщающее издание – 6-томная история Беларуси. Этот проект должен был реализовать Институт истории НАН Беларуси по заданию Государственного Комитета по науке и технологиям Республики Беларусь и Президиума НАН Беларуси. Однако реализация этого проекта затянулась, в

2000–2005 гг. были изданы только три тома (1, 3, 4), а завершился этот сложный проект в 2011 г. изданием 6-го тома. Несмотря на все трудности, острое противостояние разных групп историков, авторам удалось на основе широкой документальной базы, новых источников с использованием появившихся во второй половине 80-х – 90-х гг. публикаций провести углубленный анализ многих проблем отечественной истории с переосмыслением ранее сложившихся схем и представлений о прошлом Беларуси.

Обобщающие издания, как уже отмечалось, использовались в качестве учебных пособий в вузах республики. Поэтому к ним предъявлялись особые требования. Учебные пособия должны быть научно выдержаны, методически продуманы, а содержащиеся в них материалы доступны для усвоения и понимания. Это особенно важно для школьной учебной литературы. Изменения, происходившие тогда в государственной и общественной жизни, позволили существенно перестроить преподавание отечественной истории как в вузах Беларуси, так и в школе и других учреждениях образования. Отечественная история стала изучаться не только на истфаках, но и студентами всех специальностей. Как самостоятельный учебный предмет она была выделена и в школьных учебных планах. Обновлялись учебные программы, учебная и методическая литература. Кроме «Нарысаў гісторыі Беларусі», изданных в 1994–1995 гг., во второй половине 1990-х – 2000-х гг. появились новые учебные пособия, подготовленные в вузах. Создано было новое поколение учебников и учебных пособий по истории Беларуси, всеобщей истории для средней школы. Сформировалась необходимая правовая база для перестройки всей системы образования. Развитие образования становилось задачей общенациональной значимости, а вопросам, связанным с его организацией постоянно уделял внимание Президент А.Г. Лукашенко. В числе органов, занимавшихся вопросами научно-методического обеспечения учебного процесса в учреждениях образования, следует выделить Государственную комиссию по подготовке и изданию учебных пособий по общественно-гуманитарным дисциплинам, созданную распоряжением Президента Республики Беларусь в 1995 г. Она продолжает свою деятельность и в настоящее время, не раз обновлялся ее состав. В комиссию включались не только представители Министерства образования, но и сотрудники научных учреждений, преподаватели вузов и школьные учителя. Так, в обновленном составе комиссии, утвержденном в январе 2016 г., имелось 19 докторов наук, 20 профессоров, 10 кандидатов наук и доцентов, 4 учителя. Возглавляли

Государственную комиссию в разное время члены правительства В. Русакевич, И. Антонович, В. Заметалин, Министр образования А. Радьков, М. Журавков. Эта комиссия не являлась какой-то бюрократической структурой, а проводила экспертизу и принимала решения об издании учебной литературы по истории, философии, обществоведению и другим гуманитарным дисциплинам. Имеются основания утверждать, что уже в 90-е гг. в нашей стране сложилась своя, национальная система школьного исторического образования, которая обеспечивалась отечественными учебными программами, учебными пособиями и методическими разработками. Такой вывод был сделан на «круглом столе» «Гістарычная навука і гістарычная адукацыя Рэспублікі Беларусь», состоявшемся 22 сентября 2006 г. в Институте истории НАН Беларуси. Причем в дальнейшем в нее вносились изменения и дополнения, в т. ч. и концептуального характера, обновлялась и школьная историческая литература, стали готовиться учебно-методические комплексы, внедрялись информационные технологии с использованием электронных средств обучения.

В 90-е гг. в нашей стране расширилось издание справочной, энциклопедической литературы, в т. ч. и по исторической проблематике. Это проблематика получила довольно широкое отражение в 18-томной «Беларускай энцыклапедыі», которая издавалась с 1996 г. Важным достижением белорусских ученых стала подготовка издания «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» в 6 томах, ее выпуск осуществлялся в 1993–2002 гг. Был налажен выпуск и тематических энциклопедических изданий: «Археалогія і нумізматыка» (1993), «Архітэктура Беларусі» (1993), «Мысліцелі і асветнікі Беларусі» (1989), «Вялікае княства Літоўскае» (с 2005 г.), «Археология Беларуси» в 2-х томах и др.

Необходимо отметить, что развитие исторической науки, как и научных исследований в других отраслях, находило поддержку со стороны государства, Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. В республике в те годы не раз проводились совещания сотрудников НАН Беларуси, преподавателей вузов, на которых анализировалось состояние научных исследований, в т.ч. и в области отечественной истории, ставились задачи по их эффективности. Так, на совещании, состоявшемся 20 ноября 1998 г., А.Г. Лукашенко подчеркнул, что белорусское общество имеет острые потребности в обновленном понимании исторического процесса, развивавшегося на белорусских землях, основанном на объективном анализе событий, что важно для национальной стабильности, патриотического

объединения всех граждан на основе общего уважения к своему Отечеству.

Крупным государственным мероприятием стал Первый съезд ученых Республики Беларусь, состоявшийся 1-2 ноября в 2007 г. в Минске, и здесь Президент А.Г. Лукашенко призвал ученых-гуманитариев совершенствовать организацию научных исследований во всех сферах общественной жизни. *«Развитие науки в этих сферах не должно быть изолированным, не должно замыкаться в узких корпоративных рамках, оно должно активно способствовать тому, чтобы каждый гражданин чувствовал неразрывную связь со своей Родиной, ее историей, культурой и идеологией»*, – отметил он [38, с. 21]. На съезде выступил ряд известных белорусских ученых-обществоведов, в т.ч. директор Института истории НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя, заведующий кафедрой БГУ, доктор исторических наук, профессор В.С. Кошелев.

С учетом возросших потребностей общества в 1990–2000-е гг. в нашей стране стали выполняться Государственные комплексные программы фундаментальных исследований в области гуманитарных наук, в рамках которых выделялась и историческая проблематика. К ее разработке привлекались многие историки, и не только сотрудники Института истории НАН Беларуси, но и преподаватели вузов. Государственные программы стимулировали научно-исследовательскую деятельность (они финансировались, выделялись специальные гранты), в результате их осуществления были изданы многие важные работы научного, научно-популярного и учебно-методического характера. Так, в выполнении государственной комплексной программы «История белорусской нации, государственности и культуры» на 2006–2010 гг. задействовано было около 270 ученых из 11 вузов республики, которые подготовили 34 монографии, 19 научных сборников, 370 научных и научно-популярных статей, ряд других публикаций [39, с. 13].

В числе научных работ тех лет надо выделить коллективную монографию *«Беларусь: Народ. Государство. Время»*, изданную в 2009 г. В ней с новых концептуальных позиций представлена история Беларуси с древнейших времен и до современности, раскрыты место и роль белорусского народа в развитии европейской цивилизации. Эта работа стала победителем в номинации «Лепшае масава-палітычнае выданне» национального конкурса «Мастацтва кнігі – 2010» и была отмечена Гран-при на Международном конкурсе «Научная книга – 2010». На основе этой монографии была подготовлена рассчитанная на широкий круг читателей иллюстри-

рованная книга *«Беларусь: страницы истории»* (Минск, 2011), в которой с позиций национально-государственной идеологии в сжатой, но содержательной форме представлена история Беларуси с древнейших времен до 2010 г. включительно.

Большой интерес вызвала и коллективная работа *«Беларусь на мяжы тысячагоддзяў»* (Минск, 2000). В книге с позиций достижений современной науки были проанализированы все важнейшие этапы истории нашей страны – от заселения ее территории человеком, формирования белорусского этноса до образования белорусской нации и самостоятельного независимого государства, каким стала Республика Беларусь. Важными стали также монографии *«Нарысы гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе»* (Минск, 2008) и *«Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2-х кн.»* (Минск, 2011, 2012). Авторы во многом по новому представили взгляд на исторический процесс, отражавший историю белорусской государственности, по сути, это был инновационный проект, получивший высокую оценку ученых [40, с. 326]. В монографиях глубоко проанализированы предпосылки, способствовавшие формированию национально-государственной идеи белорусского народа, комплексно освещены и обоснованы особенности ее реализации на разных исторических этапах XIX, XX и начала XXI в.

Данная проблематика нашла отражение и в коллективной монографии *«На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы»* (Минск, 2011). Авторы проанализировали историографические достижения по изучению и научной оценке событий, которые происходили в нациообразующих процессах на территории Беларуси, вопросы, поднимавшиеся на протяжении XIX–XX вв. отечественными и зарубежными исследователями, изложены результаты новейших разработок.

Ряд принципиально новых историографических и теоретико-методологических положений содержатся и в монографии М.А. Соколовой *«Общественные движения на территории Беларуси (XIX – начало XX вв.): историография, методологические принципы исследования»*, изданной в 2011 г.

Комплекс вопросов политической истории белорусских земель в период их нахождения в составе Российской империи был рассмотрен в коллективной работе *«Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг.»*, изданной в 2018 г. В ней показана эволюция государственно-правового статуса белорусско-литовских земель в составе России, проанализированы отношения тогдашнего

белорусского общества к политике властей, прослежены процессы становления и консолидации общественных и национальных движений в 1772–1917 гг. Издание было подготовлено в основном сотрудниками Института истории НАН Беларуси в рамках выполнения Государственной программы научных исследований.

Активно разрабатывались в постсоветский период и проблемы социально-экономического и культурного развития белорусских земель, что также нашло отражение в ряде публикаций, в числе которых надо выделить монографию *«История белорусской железной дороги. Из века XIX – в век XXI»* (Минск, 2012), подготовленную коллективом ученых во главе с В. Яновской на широком документальном материале, извлеченном из отечественных и зарубежных архивов. Это издание получило Гран-при в номинации «Залатыя скрыжалі» Национального конкурса «Мастацтва кнігі – 2013».

Важнейшим достижением белорусских ученых стала подготовка и издание уникального 4-томного *«Вялікага гістарычнага атласа Беларусі»* (Минск, 2009, 2013, 2016, 2018). Атлас стал результатом творческого сотрудничества Института истории НАН Беларуси, Республиканского унитарного предприятия «Белкартаграфія», Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь и Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь. На картах атласа отражены основные исторические события, административно-территориальные преобразования, общественно-политическая жизнь, социально-экономические процессы, изменения в культуре, а также становление Беларуси в качестве субъекта международных отношений. Атлас включает более 400 карт, оформленных с учетом современных научных требований.

Как уже отмечалось, проблематика исторических исследований в 2000-е гг. определялась прежде всего Государственными комплексными программами. Причем многие из них были инновационными. Так, только учеными Института истории НАН Беларуси в 2006–2013 гг. успешно были выполнены 5 инновационных, 1 отдельная и 48 научно-исследовательских проектов, профинансированных Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь, а также Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований. Как пример можно привести реализацию таких важных инновационных проектов, как историко-археологические исследования на памятниках г. Несвижа, включенного ЮНЕСКО в Список всемирного культурного и природного наследия (исполнитель А.А. Метельский), изучение историко-куль-

турного наследия Национального парка «Беловежская пуща» (реализовывался коллективом ученых во главе с В.В. Даниловичем) и Национального парка «Припятский» (выполнен учеными во главе А.А. Коваленем) [41].

В 1990-е – 2000-е гг. Институтом истории НАН Беларуси, БГУ было налажено переиздание работ классиков белорусской историографии М. Довнар-Запольского, В. Ластовского, В. Игнатовского, В. Пичеты, трудов сотрудников Института белорусской культуры. Переизданы были и работы российского историка М. Любавского, который сыграл важную роль в становлении белорусской исторической науки.

Несмотря на усложнение после распада СССР связей с научными центрами и вузами России, Украины и других стран СНГ, белорусские историки использовали разные формы сотрудничества с зарубежными коллегами, чему способствовал журнал «Историческое пространство: проблемы истории стран СНГ», издание которого было налажено в 90-е гг. Связывали белорусских, российских и украинских ученых и научные конференции, «круглые столы», проходившие в разных городах. Так, в 2011 г. в нашей стране был организован «круглый стол» по теме: «Отечественная война 1812 г. в исследованиях белорусских и российских ученых» (Гомель – Мозырь, 22–23 декабря 2011 г.). В Санкт-Петербурге с конца 90-х гг. группой ученых было налажено проведение научных конференций «Санкт-Петербург и беларусская культура», организован был выпуск специального издания «Белорусский сборник: статьи и материалы по истории и культуре Беларуси» (отв. составитель доктор исторических наук Н. Николаев).

Имелись и совместные белорусско-российские научные проекты, разрабатываемые учеными Института истории НАН Беларуси и Институтом российской истории РАН. В 2008–2010 гг., например, они выполнили важный и сложный научно-исследовательский проект «На путях индустриальной модернизации: сравнительный анализ процессов в России и Беларуси в XX веке». В результате впервые в одном теоретико-методологическом и конкретно-историческом исследовании были выявлены общие и особенные черты индустриальной модернизации в России и Беларуси в XX в. в контексте революций, реформ, трансформаций.

Устанавливались научные связи белорусских историков и с учеными европейских стран и североамериканского континента, для чего использовались также разнообразные формы. Так, в 2012 г. на базе Института истории НАН Беларуси состоялся организованный

совместно с представителями североамериканской и украинской исторических школ «круглый стол» по теме «История белорусской государственности в американской и украинской историографии». Во время этого стола одним из объектов обсуждения стала диссертация Андерса Рудлинга «Битва за Беларусь: подъем и падение белорусского национального движения в 1906–1931 гг.», которая была защищена в 2010 г. в университете Эдмунтана в Канаде. Можно сказать, уникальной стала книга, содержащая статьи ученых и публицистов из Австрии, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Италии, Польши, России, США, Франции и Швейцарии *«Государственность – национальная идея Беларуси»*, опубликованная в 2016 г. (Москва: Книжный мир, 2016 – 378 с.). Это был международный проект – продукт коллективного труда отечественных и зарубежных аналитиков, экспертов-международников, политологов, экономистов, историков. В его реализации участвовал известный белорусский историк И.А. Марзалюк, подготовивший важную статью по этнонациональной проблематике «Беларусь – от этнографической общности к нации. Истоки и генезис белорусской национальной идентичности». Книга дала возможность читателю познакомиться с реальным положением дел в нашей стране, с ее опытом государственного строительства после разрушения СССР.

Международное сотрудничество белорусских ученых позволило использовать и зарубежные финансовые возможности. Так, при финансовой поддержке германского фонда «Память. Ответственность. Будущее» коллективом научных сотрудников Института истории НАН Беларуси во главе с А. Литвиным изучалась проблема принудительного труда населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны. В результате была подготовлена и издана коллективная монография *«Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі. 41–45 гг.»* (Минск, 2010). В ней впервые на документальных источниках обоснован факт привлечения немецкими оккупантами к принудительному труду около 2 млн жителей Беларуси. При финансовой поддержке Центра наполеоновских исследований (Франция) в 2012–2013 гг. под руководством белорусского историка В. Кошмана успешно была проведена белорусско-французская экспедиция на месте переправы армии Наполеона через р. Березину в 1812 г. [42, с. 17].

Нельзя не отметить и тот факт, что обогащению знаний о прошлом белорусских земель способствовали и эмигрантские историки, работавшие в научно-культурных центрах США, Канады, Англии, Германии, Польши, других европейских стран. В советский период

публикации эмигрантских историков были недоступны для белорусских читателей, а сами эти публикации рассматривались как фальсификации «буржуазных националистов», пособников «буржуазных советологов». После объявления независимости Беларуси отношения к эмигрантским историкам изменилось, стали налаживаться связи и деловые контакты. В начале 90-х гг. в Институт истории НАН Беларуси был создан специальный отдел, который занимался проблемами белорусской диаспоры, истории белорусского зарубежья, появились и публикации, посвященные белорусской эмиграции. В 90-е гг. в Беларуси действовало и еще одно учреждение, занимавшееся проблемами белорусского зарубежья – «Навукова даследчы цэнтр імя Ф. Скарыны» (возглавил известный белорусский ученый А. Мальдис). Здесь была собрана богатая коллекция изданий зарубежных белорусов, налажены контакты с отдельными эмигрантскими центрами и деятелями, издавался журнал «Кантакты і дыялогі», сборник «Беларусіка = Albaruthenica» (в начале 2000-х гг. эти центры прекратили свою деятельность). В 90-е гг. в нашей стране был издан и ряд работ по истории Беларуси, подготовленных эмигрантскими историками, но их значение не стоит преувеличивать, эти работы особенно довоенного и послевоенного периодов и всего времени, когда Беларусь находилась в составе Советского Союза, были политизированы, имели антисоветский характер. Можно согласиться с мнением Г. Сергеевой, которая писала, что *«многія працы эмігранцкіх вучоных на шэрагу пытанняў гісторыі Беларусі вызначаюцца высокім навуковым узроўнем, хоць асобныя даследаванні нясуць адбітак прапагандысцкага характару, не пазбеглі палітычнай прадуманасці, уплыву «халоднай вайны», жорсткай канфрантацыі дзвюх грамадскіх сістэм, складаных узаемаадносін Бацькаўшчыны з эміграцыяй, іх ізаляванасці адна ад адной»* [43, с. 30]. Надо заметить, что в эмиграции, в частности, в Литве и Польше, оказались и некоторые белорусские историки, работавшие в нашей стране в 80–90-е гг.

Таким образом, имеются все основания утверждать, что в начале 90-х гг. прошлого столетия, когда Беларусь стала суверенным государством, историческая наука вступила в новый период своего развития. И тем не менее во многом сохранилась преемственность, резкого разрыва с советскими исследовательскими традициями не произошло. Несмотря на объективные сложности, обусловленные трансформацией общества, разногласия, споры и даже противостояние профессиональные историки, опираясь на предшествующие достижения, в своей основной массе подошли творчески к решению

научных проблем, решая их с национально-государственных позиций. Это все более заметно становилось в 2000-е гг.

Важно, что был не только сохранен, но и расширен и укреплен молодыми талантливыми исследователями кадровый потенциал белорусской исторической науки. Позитивную роль сыграли меры по совершенствованию ее организации, что позволило стабилизировать деятельность Института истории НАН Беларуси, активизировать работу исторических кафедр вузов республики, наладить их взаимодействие. Появились новые направления и новая проблематика в исследовательской деятельности, касавшейся отечественной истории, удалось восстановить изучение и проблем всеобщей истории. При этом белорусские историки были вовлечены в разработку и реализацию Государственных комплексных программ фундаментальных исследований.

Расширялась источниковая база белорусской исторической науки, обновлялась методология, принципы и методы исследований, что позволило усилить глубину и обоснованность научных выводов, с большей объективностью отразить прошлое белорусских земель.

Возрастала и общественная функция белорусской исторической науки, ее достижения, результаты научных исследований внедрялись в учебный процесс вузов, общеобразовательных школ, других учебных заведений, использовались в патриотическом воспитании молодежи, способствовали формированию исторического самосознания народа, национальной консолидации граждан Республики Беларусь.

Тема 2. Этнонациональная проблематика отечественной истории в исследованиях белорусских ученых: научные выводы, достижения

С этнонациональной проблематикой отечественной истории, которой занимаются современные белорусские исследователи, связаны многие важные вопросы и прежде всего те, что касаются этногенеза белорусов, белорусской идентичности, ее содержания и особенностей.

Без научной разработки этих вопросов невозможно разобраться во всей нашей истории. Не случайно данная проблематика нашла отражение в Государственных комплексных программах научных исследований, которые были определены в Беларуси в 2000-е гг., в частности, она включена была в программу «История белорусской нации, государственности и культуры» на 2006–2010 гг.

Вместе с тем – это сложная и многогранная проблематика, изучая которую необходимо опираться на общетеоретические положения и научные категории/термины, используемые в литературе. Их довольно много, но основными, можно сказать, базовыми являются три: *этнос, нация, этногенез*.

Термин «этнос», как известно, греческого происхождения (*ethnos*) и означал «племя», «народ» и уже тогда в этом термине отражалось понимание групп/коллективов людей как особых общностей, имевших свои отличия. В литературе же европейских стран он стал распространяться в Новое время и использовался в основном в отношении традиционных обществ. В дальнейшем термин «этнос» не только не потерял своего значения и смысла, но стал выступать как основная научная категория этнографии/этнологии, лежащая в основе классификации людей по определенным признакам. Этот термин можно раскрыть такой формулировкой: *этнос – это устойчивая общность людей, близких по происхождению, исторически складывающаяся на определенной территории и характеризующаяся наличием единого языка, общих черт в культуре и даже психологии людей. При этом люди, составляющие этнос, осознают свою принадлежность к нему, у них имеется этническое самосознание, которое выражается в разных формах и прежде всего в самом названии – этнониме*.

В современной научной литературе, в частности, по антропологической проблематике, этносы называются «*этническим сообществом*» различных уровней, от метаэтнуса до субэтнуса и, кроме социального и культурного аспектов, учитываются также расовые и генетические особенности. «*Под категорией этноса, – пишет А. Микулич, – обычно понимают этнические сообщества в виде популяций – то есть этнокультурных групп с общим происхождением и антропо-психологическими особенностями*» [1, с. 97].

В таком смысле этносы рассматриваются многими учеными, хотя создать общую теорию этноса так и не удалось. Причем в современной научной литературе, наряду с термином «этнос», стало широко использоваться и понятие «этничность». Оно также определяется по-разному, но мы не можем его отрывать от самого термина «этнос». Многие ученые рассматривают «этничность» как категорию, обозначающую принадлежность человека к общности, т. е. этническую принадлежность, что находит выражение в понятии «идентификация». В целом в понимании феномена этничности выделены две группы ученых: примордиалисты, считающие этнос, этничность изначально врожденной человеческой характеристикой,

т. е. объективной реальностью и конструктивисты (или инструменталисты), рассматривающие этничность как политический миф, создаваемый социальными элитами с целью манипуляции масс.

Как нам представляется, позиция примордиалистов более обоснована, в ее основе лежит понимание этноса как исторического явления, которое не придумано, сконструировано кем-то, а как общность, имеющая признаки, раскрывающие ее сущность, как «особую форму коллективного существования людей», как ее определил советский российский этнолог Ю.В. Бромлей. При этом этнос как историческое явление несет в себе сложное сочетание биологической и социальной природы человека. Это заметно уже на первых, ранних стадиях, когда закладывались основы этничности, зарождались этносы. Поэтому прав был Ю.В. Бромлей, когда подчеркивал, что хотя этнос сопряжен, тесно связан с определенной человеческой популяцией как биологической общностью, он живет по законам социальным и представляет собой динамичную систему [2].

Важнейшим признаком этноса (и это признают фактически все ученые) является язык. Это своеобразный код этноса, который наиболее заметно выражает его отличия от других народов. Через язык выражаются и особенности культуры, психологии человека, его ментальность. Ученым удалось выявить и изучить более 6 тыс. языков народов мира, которые распределены почти по 100 группам/семействам. Наиболее распространенными являются индоевропейские языки, к которым относятся и языки славянские, в т. ч. белорусский.

Вместе с тем язык этноса не оставался неизменным, он возникал как живая разговорная речь, но на определенной стадии появлялся и язык письменный, который в свою очередь превращался в язык литературный, что расширяло и усиливало его коммуникативную роль, особенно если язык становился государственным.

Существенно важную роль играет язык и в развитии культур этносов. Культура также уникальна и неповторима, как и сам этнос, его язык. Именно в культуре выражается творческий потенциал этноса, его достижения, своеобразие жизни, бытовых условий, одежды, духовности. Ее определяют термином «этническая культура». Наиболее ярко отражаются особенности этноса в «традиционной культуре», «традиционной народной культуре». Такие термины широко используются в научной и учебной литературе. Многие исследователи отмечают, что чем больше в культуре традиционного, тем более устойчива она к процессу ассимиляции, к тем новшествам, которые ее размывают.

Поэтому, изучая происхождение белорусов, их становление и развитие как этноса, ученые всегда выделяли вопросы, относящиеся к языку и белорусской культуре и, надо заметить, исторические условия и обстоятельства не всегда благоприятствовали их развитию.

Важнейшим признаком этноса, его компонентом является *этническое самосознание*. Оно формировалось уже с момента возникновения этносов и было основой самоопределения/самоидентификации человека и сообщества людей в целом по принципу «мы-они», «свой-чужие», закреплялось в этнонимах, которые использовали люди и под которыми их знали другие этносы.

Следует отметить, что уровень развития этнического самосознания у разных народов не одинаков и его нередко стимулировали определенные социальные элиты в политических целях. Поэтому необходимо обратить внимание и на еще один термин, связанный с этническим самосознанием – *«этноцентризм»*. В европейских странах такой термин использовался в научной литературе с начала XX в. Этноцентризм – это комплекс мнений, представлений и чувств не только об особенностях этноса, но и о его превосходстве над другими в культурно-нравственном отношении. Этноцентризм становился основой национализма и даже расизма, обоснования превосходства одних народов над другими. В Германии такие представления получили даже философское обоснование в работах Гегеля, который говорил о народах исторических и неисторических.

Уровень развития этнического самосознания, идентификации определялись историческими условиями и обстоятельствами, чертами характера, психического склада, менталитета народа, религией. При этом каждое поколение не только восстанавливает этническое самосознание, но и переосмысливает его с учетом новых условий и возможностей. По мере развития этноса оно превращается в «национальное самосознание», «национальную идентификацию». Эти термины также широко используются в научной литературе.

Белорусский этнос относится к числу тех народов, которые не отличались высоким уровнем этнического и национального самосознания. И разрабатываться, изучаться этот вопрос стал относительно недавно, он нашел отражение не только в общих работах, но и в специальных публикациях многих белорусских ученых.

Этносы, как уже отмечалось, формируются на определенной территории. В научной литературе она обозначается термином «этническая территория». Российский ученый Н. Гумилев назвал ее «месторазвитием этноса». Проблемами определения этнической

территории занимается этногеография, изучающая особенности расселения народов для установления границ этносов, в нее входят этническая картография и этническая демография.

Этническая территория играла важную роль в становлении и развитии народов. Она не только объединяла этносы пространственно, географически, с ней непосредственно связана среда обитания людей, от которой во многом зависела их хозяйственно-экономическая деятельность, образ жизни, быт, особенности культуры, психология и менталитет народа, его национальный дух. На этой же территории определялось и закреплялось коренное население, становившееся основой этноса, его генофонда, в эту территорию уходили и исторические корни этноса.

Этническая территория выделяется уже на самых ранних этапах, когда древние этносы заселяли и осваивали занятые территории. Уже тогда определялись ее рубежи, при создании этносом своего государства этническая территория закреплялась его границами, хотя не всегда эти границы совпадают с этнически-территориальным пространством. Для выделения и обозначения этнической территории ученые использовали разные критерии, предоставляя соответствующие этногеографические карты. Например, первые попытки определить этническую территорию белорусов были предприняты в России в середине XIX в., но научное обоснование ее ареалы получили в начале XX в. в работах Е. Карского, а затем и М. Довнар-Запольского. Эта территория учитывалась при создании белорусского национального государства – БССР, провозглашенного 1 января 1919 г. Однако в силу ряда политических причин и исторических обстоятельств некоторые этнически белорусские земли оказались за пределами современной Республики Беларусь.

Важнейшим термином, который используется при научной разработке этно-национальной проблематики отечественной истории, является «*этногенез*». В узком смысле он означает «происхождение народа», но в научной литературе этногенез рассматривается более широко. Этногенез – это процесс формирования этноса, он включает как начальные этапы его возникновения, так и историю становления этнической общности, когда определяются ее этнографические, лингвистические и антропологические особенности. *«Этногенез, – пишет российский ученый А. Севастьянов, – это период становления этноса от зарождения до степени консолидации, позволяющей ему выйти на арену истории в качестве единого субъекта, осознающего свое единство и свои коллективные цели и интересы. То есть, в качестве коллективного «мы» [3, с. 51].*

Фактически все исследователи признают тот факт, что основой этносов становились родоплеменные образования, возникавшие в условиях первобытного общества, они являлись первоначальными этническими общностями, древними этносами. И если мы хотим разобраться в этногенезе какого-то народа, то, безусловно, надо выяснить, а какие же древние этнические общности сложились на территории, где шло формирование этноса/народа. При этом важно определить коренных жителей, что позволит выяснить корни, генофонд этноса, его исторический возраст.

В ходе исторического развития родоплеменные образования расширялись, появлялись более крупные образования, союзы племен, а это создавало возможность для возникновения (в разных регионах и в разное время) более широких и более прочных этнических общностей – народностей, чему способствовали и государствообразующие процессы. Народности же становились основой наций, они формировались в эпоху, когда шла модернизация общества.

Такая схема этногенеза народов широко была распространена в советской научной литературе и имеет сторонников и у современных ученых.

Однако в понимании нации мнения ученых разошлись. Слово это, как известно, латинского происхождения – *natio* (род, племя), появилось в древнем Риме, в нем «нациями» называли группы иноземцев с определенного региона, которые были объединены кровными связями и не имели прав граждан империи. Граждане Рима назывались «*populus*». В дальнейшем понятие «*natio*» использовалось и в других европейских странах, но в него вкладывался разный смысл. С эволюцией этого понятия, как и других с ним связанных терминов, можно ознакомиться по публикациям М.А. Соколовой, в частности, по материалам, изложенным в книге «На шляху станаўлення беларускай нацыі», рассмотрен этот вопрос и в работе И.А. Марзальюка «Людзі даўняй Беларусі», других публикациях. Так вот, кардинальная смена термина «нация» произошла в XVI в., в эпоху Ренессанса и это слово стало употребляться в отношении всего населения страны, оно становилось синонимом термина «народ». Дальнейшая трансформация значения слова «нация» произошла в XVII–XVIII вв., и тогда же стали появляться работы, в которых предлагалось концептуальное понимание нации, отразившееся в двух основных теориях, условно названных французской и немецкой. Суть первой можно выразить термином «*нация-государство*», ее сторонники рассматривают нацию как совокупность всех жителей государства независимо от их происхож-

дения, которые являются его гражданами, живут по одним и тем же законам и используют государственный язык.

Надо отметить, что такое понимание нации получило распространение и в наше время, правда, оно определяется другими терминами – «гражданская нация», «модерная нация». *«Нация есть многоэтническое по составу образование, основными признаками которого являются территория и гражданство»*, – пишет российский этнолог В.А. Тишков [4]. Понимание нации как политико-территориальной общности («согражданство») разделяют и белорусские исследователи (А. Рогалев, В. Мельник и др.). Нация, – пишет А. Рогалев, – *«явление общественное, представляющее собой сообщество граждан, независимо от их этнической принадлежности, иначе – территориально-государственная общность»* [5, с. 6].

Концепция «нация-государство» появилась не случайно, она отразила особенности развития этнических процессов в ряде европейских государств, в частности, во Франции. Ее разработке способствовало возрастание роли государства, которое объединяло многие этносы, а в современных условиях распространению этой концепции способствуют глобализация, миграционные процессы.

Но теория «нация-государство» разрывает связь человека с его происхождением, с этнокультурными особенностями и традициями народов. А они не исчезают, многие этносы стремятся их сохранить и развивать, противятся ассимиляции. Об этом свидетельствуют события, происходящие в Западной Европе, да и в других регионах.

В процессе разработки этнонациональной проблематики в XIX в. были обоснованы взгляды, в основном немецких ученых, отражавшие понимание нации как историко-культурного явления, возникшего в результате естественного и длительного развития этноса. Нация, по мнению, сторонников этой теории (ее называют немецкой) – это наиболее развитый тип этноса. Отсюда выражение – *«нация-этнос»* или *«этнонация»*. На данной стадии развития этнос приобретает новые качества и стремится к созданию государственности, суверенности. Государство становится основной политико-правовой формой реализации потенциальных возможностей этноса-нации. На этот важный момент обращали внимание многие философы, политологи. Вот как обозначал роль государственности в жизнедеятельности нации русский философ Н. Бердяев: *«Всякая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его. Это есть здоровый инстинкт нации. Государственное бытие есть нормальное бытие нации. Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть вели-*

чайшее несчастье,тяжелая болезнь,калечащая душу нации... Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, национальное ядро, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным» [6]. С возникновением государства этнос-нация выступает и как правосубъектное образование. Нация, как считают многие ученые-правоведы, – это не только «сложная этнонациональная общность», но и «специфический коллективный субъект права», который может выступать «как общественное образование с формально-юридическим закрепленным статусом, неотъемлемым свойством которого является суверенитет» [7, с. 4–5].

Следует, однако, заметить, что не каждый этнос, даже на стадии нации, достигает государствообразования. В силу разных исторических обстоятельств многие этносы-нации не имеют или определенное время не имели своего государства, отсюда стремление создать его в той или иной форме. Это касалось и белорусского этноса, осознание в необходимости создания государства у него появилось лишь в конце XIX в., а добился он его в ходе революционных событий 1917–1918 гг. в России. Полноценная же и суверенная белорусская государственность воплотилась только в Республике Беларусь, возникшей в конце XX в.

Но каково бы не было понимание нации, бесспорно одно – фактически все государства, страны состоят из народов, т. е. они полиэтничны, многонациональны, а сами этносы стали возникать, как уже говорилось, в глубокой древности и имели исторические корни, а их демографическую основу составляли коренные жители тех территорий, которые этносы населяли и осваивали. Сам же процесс формирования этносов, т. е. этногенез определялся прежде всего внутренними явлениями (в научной литературе их называют «этногенетическими образовательными процессами»), они же обуславливали и их динамику, которая происходила в конкретно-исторических условиях под воздействием экономических, социальных, государственно-политических, религиозно-конфессиональных факторов. При этом исторический опыт свидетельствует о важной роли религиозно-конфессионального фактора. Оформившиеся на ранних этапах истории, конфессии не только обеспечивали духовное единство этнических общностей, но выполняли общую этноконсолидирующую функцию, усиливая связи людей и их идентичность.

Вместе с тем этногенез народов испытывал воздействие и внешних явлений, в частности, миграций, перемещений племен. Ми-

грационные явления проявлялись уже в древности и иногда приобретали массовый характер, как это было во время т. н. «великих переселений народов», первое из которых произошло в конце каменного века – эпоху бронзы на рубеже III–II тыс. до н.э., а второе – в первой половине I тыс. н.э. Во время таких переселений устанавливались межэтнические связи и контакты, а этнические процессы приобретали субстратный характер, в результате возникали новые этносы. Так, в ходе первого «великого переселения народов», когда продвигались индоевропейские племена на европейском континенте и в ряде азиатских регионов сформировались германцы, кельты, балты, славяне, другие этносы, из которых впоследствии сложились многие современные народы. Роль субстрата для них играли неолитические племена.

Таким образом, с этнонациональной проблематикой связаны многие важные вопросы общетеоретического характера, которые учитываются и современными белорусскими учеными, изучающими этногенез белорусов, их этническую историю. При этом они опираются на работы как отечественных, так и зарубежных исследователей, ранее занимавшихся данной проблематикой, используя широкий круг источников.

Источники по этнонациональной проблематике весьма разнообразны, причем каждый вид их обладает специфическими информационными возможностями. Так, при изучении вопросов, касающихся заселения территории нашей страны, истоков и демографической основы белорусского этноса, широко используются данные археологии, ономастики (науки о названиях), в частности, данные топонимики, гидронимики, а также лингвистики. Важную роль играют этнографические материалы, письменные источники, относящиеся к средневековью, новому и новейшему времени. Они отражают многие аспекты этногенеза белорусов, особенности их языка, культуры, быта, социальной структуры белорусского этноса.

Широко опираются современные белорусские ученые и на данные антропологии, генетики и даже цитологии – науки о строении клеток. Это позволило не только реконструировать и раскрыть особенности физического облика древнего населения Беларуси, но и выявить генетические истоки белорусского этноса, определить его *генофонд, исторический возраст*. Термин «генофонд этноса» стал использоваться в науке относительно недавно. Он определяется данными генетики, отражающими преемственность поколений коренных жителей, проживавших в сельской местности. Генофонд, по мнению белорусского антрополога А. Микулича, является биоло-

гической основой этнической популяции, это – «совокупность наследственной информации, зашифрованной в генетических структурах организмов» [8, с. 97].

Антропологические и генетические материалы, касающиеся белорусского этноса, собраны и систематизированы в публикациях А.И. Микулича, И.Н. Саливон, Л.И. Тегако и наиболее полно и обобщенно изложены в 9-м томе издания «Беларусы» [9]. Анализ всех этих материалов позволил сделать вывод о том, что исторические корни белорусского этноса уходят в весьма отдаленные времена заселения белорусских земель ибо, как отмечают авторы издания «Беларусы», *«нягледзячы на разнастайныя і разначасовыя міграцыі, ніколі не знішчаліся поўнасю папярэднія насельнікі»*. *Белорусы, по их мнению, как популяция коренных жителей «вядуць свой радавод на працягу прыкладна 130-140 каленаў, г. зн., пачынаючы амаль за 1,5 тыс. гадоў да н.э.»* [10, с. 538]. Таким образом, исторический возраст белорусов составляет примерно 3,5 тыс. лет.

По мере выявления и анализа источников формировались научные представления и о других аспектах этногенеза белорусов, их происхождении. Такие представления стали складываться уже в рамках общего славяноведения, которое как особая отрасль научных знаний определилась в конце XVIII – первой половине XIX в. благодаря научным изысканиям чешского ученого П. Шафарика, а затем и других чешских, польских и российских исследователей.

Интерес российских ученых к населению белорусских земель возрос с конца XVIII в., когда в результате разделов Речи Посполитой эти земли были включены в состав России. Однако выработать общепризнанный взгляд на происхождение белорусов оказалось сложно. Сказывались разные причины: недостаток источников, специалистов в области этнологии, позиция властей. Присоединенные к России белорусские земли царизм рассматривал как земли исконно русские, населенные родственным народом, но он не считался самостоятельным этносом. В России широко было распространено мнение, что белорусы – это часть триединого народа русского, его западная ветвь (две остальные ветви – малоросы/украинцы и великоросы/русские). Западнорусизм имел сильные позиции и в российской науке, был обоснован во многих публикациях.

Надо заметить, что не признавали белорусов в качестве самостоятельного этноса и многие в Польше. Белорусские и другие восточнославянские земли, отошедшие к России, рассматривались как неразрывная часть единой Речи Посполитой, а их население относили к польскому народу. Такой взгляд особенно активно отстаи-

вали польские эмигранты, в т. ч. и уроженцы белорусских земель, оказавшиеся после разделов Речи Посполитой в европейских странах (А. Рыпинский и др.).

Но в течение XIX в. как местным исследователям Западных губерний России, в которых находились белорусские земли, так и российским ученым удалось выявить источники (археологические, этнографические, лингвистические, письменные), анализ которых позволил сделать вывод, что белорусы имеют все основные признаки, характеризующие их как своеобразный, самобытный народ, тесно связанный с русским народом. Такой вывод, в частности, нашел отражение в книге российского этнографа А.Н. Пыпина «История русской этнографии», вышедшей в 1892 г. Он писал, что *«существование белорусского «племени» (такое название широко использовалось в публикациях того времени. — П.Д.) не подлежит сомнению: вопрос идет только о том, насколько и в каких сторонах своего характера это племя отличается от того великорусского, которое составило зерно и господствующую народность русского государства»* [11, с. 9].

Научной разработке вопросов, касавшихся этногенеза белорусов, способствовало и зарождение белорусского национального движения, рост этнического самосознания коренных жителей белорусских земель восточнославянского происхождения. Оно проявлялось в разных формах, что подтвердили и результаты Всероссийской переписи населения 1897 г. В опросных листах переписи не было пункта о национальности, но в них содержался вопрос о родном языке. Так вот, белорусский язык в качестве родного назвало большинство жителей пяти Северо-Западных губерний России — 35 уездов из 47, что составляло более 73% участвовавших в переписи. Причем таковым его считали представители различных социальных групп, в т. ч. и местного дворянства.

Белорусский язык в России, несмотря на ограничения, получал все большее распространение, становился языком литературным, он стал предметом изучения и российских лингвистов, хотя многие из них считали его «наречием языка великорусского» (статья русского филолога К. Калайдовича, изданная в 1822 г. так и называлась «О белорусском наречии»). Особенно важное значение для обоснования особенностей белорусского языка, его отличий от русского и других славянских языков имели исследования Е. Карского, его книга «Беларусы. Введение к изучению языка и народной словестности», изданная в начале XX в. явилась наивысшим достижением славистики того времени и сыграла большую роль в научной разработке проблем этногенеза белорусов.

И тогда же, т. е. в XIX – начале XX в. велась работа и по составлению карты расселения белорусов, определения их этнической территории. Первые попытки разработать такую карту были предприняты в середине – второй половине XIX в., но использованные тогда критерии не совсем верно отражали реальность. Более обоснованной была карта Е. Карского, помещенная в его книге «Беларусы», правда, и в ней были показаны не все этнически белорусские земли.

Таким образом, уже в дореволюционной России ученым удалось решить ряд важных вопросов, касавшихся этногенеза белорусов и многие исследователи признавали их особенности, отличия от других славянских народов. Но в России все еще было немало и тех, кто подходил к белорусам с позиций западнорусизма, его даже полностью тогда не преодолел и Е. Карский, в чем его упрекали организаторы белорусского национального движения.

Поэтому проблемы этногенеза белорусов, их происхождения и в целом этнической истории Беларуси требовали дальнейших и более глубоких исследований и они продолжались в советский период, в частности, уже в 20–30-е гг. прошлого столетия, когда появилось белорусское национальное государство – БССР и проводилась политика белорусизации. Уже тогда большое внимание уделялось краеведению, археологическим и этнографическим исследованиям, выявлены были и опубликованы новые источники.

Но борьба с т. н. нацдэмами, развернувшаяся со второй половины 30-х гг. сорвала политику белорусизации и усложнила деятельность ученых, многие были репрессированы.

Более благоприятные общественно-политические условия сложились в послевоенные годы. Несмотря на все трудности довольно быстро была восстановлена деятельность научных учреждений и вузов, развернулись и исследования. Этнонациональная проблематика снова привлекла внимание белорусских ученых. Среди публикаций послевоенного времени надо выделить научно-популярные издания-брошюры Ф. Константинова «*О происхождении белорусского народа*» (1945), А. Пьянкова «*Происхождение белорусского народа*» (1948) и статью В.И. Пичеты «*Образование белорусского народа*», напечатанную в журнале «Вопросы истории» в 1946 г.

Еще более активно и глубоко стали разрабатываться проблемы этногенеза белорусов в 60–70-е гг. Тогда удалось подготовить и издать новые работы, в т. ч. исследовательского характера – монографии М. Гринблата «*Белорусы. Очерки о происхождении и этнической истории*» (1968) и Я. Корнейчика «*Беларуская нацыя. Гістарычны нарыс*» (1969).

И тогда же, в 1967–1969 гг., на страницах журнала «Советская этнография» состоялась научная дискуссия по проблеме происхождения белорусов, развернувшаяся вокруг теории «балтского субстрата», поднятой российским археологом, историком В. Седовым [12]. По этой же проблеме готовилась и специальная научная конференция. Она должна была состояться в 1973 г. в Минске, были изданы тезисы докладов и сообщений участников конференции «Этногенез белорусов» (Минск, 1973). Но конференция не состоялась, ЦК КПБ посчитал не целесообразным ее проведение, опасаясь, что она будет способствовать распространению националистических настроений. В 70-е гг. в СССР на первый план вышли вопросы интернационализма, обосновывалась теория новой общности – «советский народ».

И тем не менее национально-этнические аспекты истории Беларуси продолжали изучаться. А основным научным учреждением, которое организовывало и координировало исследования по этногенезу белорусов, стал Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы, созданный в 1957 г. Именно в нем были сосредоточены специалисты, занимавшиеся проблемами этнической истории и культуры Беларуси (с 1969 г. его возглавил член-корреспондент АН БССР, доктор исторических наук, профессор В.К. Бондарчик). Сотрудники института являлись авторами многих работ, в т. ч. первого обобщающего исследования по истории белорусского этноса – коллективной монографии «*Этнаграфія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя*», изданной в 1985 г. В монографии был изложен комплекс вопросов, касавшихся происхождения и формирования белорусской народности, прослежен процесс складывания самосознания, материальной и духовной культуры, этнической территории и языка белорусского этноса. Среди авторских публикаций надо выделить работу М.Ф. Пилипенко «*Возникновение Белоруссии: новая концепция*», изданную в 1991 г. Эта концепция была обоснована на основе анализа разнообразных источников, вышедших ранее научных исследований и содержала положения, позволившие более углубленно подойти к истории возникновения и развития белорусского этноса. Так, М. Пилипенко рассматривал этногенез белорусов не как простую эволюцию, а как сложное историческое явление, обусловленное многими взаимосвязанными факторами. Причем большое значение имела диффузия, т. е. перегруппировка компонентов культуры и языка. Автор по новому оценивал и роль различных неволосточных славянских этнических групп в формировании белорусской народности, изложил свое понимание происхождения названий «Белая

Русь», «Черная Русь», «Литва», «Полесье». Он пришел к выводу, что процесс образования белорусской народности был гораздо сложнее, чем это представлялось тогда.

Новые концептуальные подходы к разработке этногенеза белорусов продолжили развиваться и в постсоветский период. При этом усилилось внимание к теоретико-методологическим вопросам, шире стали использоваться достижения мировой этнологии. Сам термин «этнология» вошел и закрепился в белорусской науке, заменив ранее использовавшееся название «этнография», под которой понимали науку о жизнеописании какого-то народа, его культуры, быта, обычаев, нравов и традиций. Этнология – область более глубокого фундаментального знания о происхождении народов, этнокультурных процессах [13].

В постсоветский период появились новые, крупные научные публикации обобщающего характера, в частности, многотомное исследование – «*Беларусы*» (издано 13 томов). В четвертом томе этого издания подробно изложены вопросы происхождения и этнического развития белорусского народа с древнейших времен. Следует назвать и такое своеобразное (единственное на постсоветском пространстве) издание, как атлас «*Беларусы. Этнаграфія. Дэмаграфія. Дыяспара. Канфесіі*» (Минск, 1991). В нем представлен богатый материал о расселении белорусов, динамике национального состава населения Беларуси, особенностях языковых и конфессиональных процессов. В 1998 г. была издана также крупная коллективная работа под редакцией В. Бондарчика, В. Григорьевой и М. Пилипенки «Беларусы» в серии книг «Народы и культура», издаваемой Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук.

Активно разрабатывалась этнонациональная проблематика и историками нашей страны, особенно тех периодов, когда белорусские земли осваивались восточными славянами, находились в составе Древнерусского государства, ВКЛ, Речи Посполитой и Российской империи. Эта проблематика нашла отражение в статьях и монографиях, в 6-томной истории Беларуси, в учебной литературе, методических пособиях для студентов. В 2000-е гг. проблемам этнонационального характера был посвящен и ряд философских, культурологических и социологических работ, в которых были представлены результаты исследований, касавшихся белорусской идентичности, тех изменений, которые происходили в Республике Беларусь под воздействием государственно-политических процессов, явлений интеграции и мировой глобализации. Причем широко использовались материалы, полученные в ходе мониторингов

общественного мнения, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в начале 2000-х гг. Как пример можно привести монографию Л.И. Науменко *«Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика»*, изданную в 2012 г. [14].

Еще в более широком философском плане на основе новых методологических принципов и с учетом геополитического положения Беларуси рассмотрена специфика белорусской идентичности, самоидентификации жителей нашей страны с позиции триединого вопроса: «Откуда мы? Кто мы? Куда (и с кем) мы?» в книге А.А. Лазаревича и И.Я. Левяша *«Беларусь: культурно-цивилизационный выбор»* (Минск, 2014). В книге обоснован вывод, что сохраняя свою субъектность, Беларусь является нацией-государством, объединяющим представителей разных народов/этносов как ее граждан при определяющей роли белорусской этнонациональной общности. Беларусь, по мнению авторов книги, сформировалась в культурно-цивилизационной нише Центральной (Средней) Европы, впитав историческое наследие. Идентичность Беларуси, пишут они, *«зарождалась в лоне древнерусского государства-конфедерации (Киевской Руси), затем была составной частью центральноевропейских политических альянсов, позднее – непосредственно связана с Россией, а ныне вместе с ней строит Союзное государство и в перспективе – Евразийский экономический союз»*. И здесь подчеркивается, что концептуальная и политически зрелая формула *субъектности* современной Беларуси сформулирована А.Г. Лукашенко: *«Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад – МЫ ВЫБИРАЕМ БЕЛАРУСЬ...»*. Поэтому жизненно важно определить и практически реализовать *«меру между суверенитетом и интеграцией»*, действовать в русле защиты и выражения как *национальных*, так и действительно единых и неделимых *общеευропейских* интересов и ценностей» [15, с. 7, 341].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появилось немало публикаций, касавшихся и белорусской национальной идеи, в ее современном понимании, но обосновать общепризнанное мнение так и не удалось, высказывались разные точки зрения. Более общие подходы определились в отношении идеологии белорусского государства, они нашли отражение в учебной программе вузов, на основе которой преподавалась специальная дисциплина *«Идеология белорусского государства»*.

Как видим, этнонациональная проблематика была объектом и предметом исследований многих ученых и несмотря на разные

методологические принципы и подходы, к настоящему времени удалось обосновать выводы, на которые следует опираться, изучая этногенез белорусов и другие этнонациональные проблемы отечественной истории.

Так, фактически общепризнанным является тот факт, что этногенез белорусов (как и других народов) – это длительный процесс, имеющий глубокие исторические корни, уходящие в первобытную эпоху, когда шло заселение и освоение человеком территории Беларуси и определилось автохтонное население, ставшее коренными жителями. Такими многие исследователи считают племена, оставившие *гренскую* археологическую культуру. Она отложилась уже в финальном палеолите и сохранилась в мезолите. Основная часть гренских стоянок концентрируется на территории Восточной Беларуси, но в последние годы памятники этой культуры обнаружены в междуречье Немана и Припяти и на других территориях. Концепцию об автохтонности племен гренской культуры наиболее обстоятельно в своих работах изложил В.Ф. Копытин, ее разделяют и другие археологи [16]. Ими же высказано мнение, что племена гренской культуры вместе с другими обитали и в мезолите (хотя имеется и иной взгляд на генетическое происхождение мезолитических археологических культур) и именно тогда древние люди находились фактически на всей территории нашей страны, во всех ее регионах.

Еще более благоприятными были условия для заселения белорусских земель в неолите – заключительном периоде каменного века. Общая плотность стоянок тогда увеличилась в 6 раз, а численность населения могла составить от 27 до 36 тыс. человек [17, с. 43]. Важно и то, что прослеживается преемственность в археологических культурах мезолита и неолита, всего на территории Беларуси в неолите обитали племена, оставившие 11 археологических культур.

Таким образом, каменный век был важнейшим периодом в этнической истории Беларуси. Уже тогда белорусские земли стали объектом активного освоения древними этносами, изменилась природная среда, начался переход к производящему хозяйству, элементы которого прослеживаются в позднем неолите на юге, появилось керамическое производство, менялись и источники роста населения, главную роль стали играть не миграционные процессы, а естественные факторы размножения, что расширяло и укрепляло автохтонность жителей белорусских земель. По сути, уже тогда закладывались основы генофонда белорусского этноса. Имеются

основания утверждать, что население белорусских земель каменного века в этническом отношении не было однородным, обитало несколько древних этносов, но их происхождение установить невозможно, ибо мы не знаем их языка, поэтому условно жителей белорусских земель можно назвать доиндоевропейцами. Вместе с тем на северо-востоке Беларуси обнаружена археологическая культура – типичная ямочно-гребенчатая керамика, которую оставили племена финно-угорского происхождения, что подтверждают не только археологические материалы, но и данные антропологии, другие источники.

Важные изменения в составе населения белорусских земель и в целом в их историческом развитии произошли в конце каменного века – эпоху бронзы на рубеже III–II тыс. до н.э. Они были связаны с расселением племен индоевропейского происхождения. Это было событие, имевшее международное значение и последствия. Складывалась совершенно новая этническая ситуация не только на европейском континенте, но и в ряде регионов Азии. В историю оно вошло как «великое переселение народов».

Расселение индоевропейских племен было длительным процессом. Преобладает мнение, что прародиной индоевропейцев была Передняя Азия – регион, охватывавший Северную Месопотамию, Восточную Анатолию и Южный Кавказ. Племена, обитавшие здесь, достигли высокого уровня развития, стали заниматься скотоводством, земледелием, умели получать металл (бронзу), изобрели колесо, другие орудия и средства. На основе этих достижений в данном регионе произошел «демографический взрыв», который привел к их миграции по самым разным направлениям. Так, уже в конце IV – начале III тыс. до н.э. индоевропейские племена могли проникнуть на Балканский полуостров и Северное Причерноморье, достигнув степей Восточной Европы и расселившись затем по всему европейскому континенту, часть ушла на Иранское нагорье и далее в Индостан. Здесь, точнее в центре Европы, постепенно сложилась новая этноязыковая общность, которую немецкий лингвист Г. Краз предложил именовать «древнеевропейской общностью», из которой впоследствии выделились кельты, германцы, балты, славяне и некоторые другие этносы.

На территории Беларуси, как показал анализ выявленных здесь археологических культур эпохи бронзы и раннего железного века, находились балтские племена. Белорусский археолог Э. Загоруйский считает начальной областью формирования балтов Среднее Поднепровье, отсюда они постепенно продвинулись и в другие

районы. Одна часть из них расселилась на север по Днепру и вышла в Волжско-Окский район, вторая двигалась по Припяти и, миная Полесье, достигла Вислы, а оттуда проникла в юго-восточную Прибалтику, и в Белорусское Понеманье. Таким образом, считает Э. Загорульский, территорию нашей страны балты заселяли как бы дважды: первый раз, когда шли с юга, со Среднего Поднепровья, второй, когда отходили из Вислы на восток. *Именно балты принесли индоевропейскую культуру на белорусские земли и стали здесь основным населением, этнический состав которого не изменился вплоть до прихода славян.* На балтский период в этнической истории Беларуси приходится бронзовый и ранний железный век. Так, балтскими считаются *днепро-двинская* археологическая культура и культура *штрихованной керамики* средней и северной Беларуси раннего железного века. Балтские черты прослеживаются и в некоторых других археологических культурах. Имеющихся археологических и лингвистических материалов достаточно, пишет Э. Загорульский, чтобы заключить, что *«балты как новая этническая единица выделились из группы древних индоевропейцев уже в III – начале II тыс. до н.э. Процесс этот начался со времени появления в Среднем Поднепровье индоевропейских скотоводческих племен, смешавшихся с местным неолитическим населением, и закончился к моменту широкого расселения среднеднепровских племен, заняв около 500 лет»* [18, с. 48].

В ходе расселения индоевропейских племен выделились и славяне. Их происхождением занимались многие исследователи. Накоплено огромное количество источников, в т.ч. и по археологическим культурам I тыс. н.э., выявленных на белорусских землях и в других регионах Восточной Европы. Многие из этих источников уже в советский период были опубликованы в разных белорусских изданиях, а также в энциклопедиях и сборниках Института археологии АН СССР «Археологические открытия» и носили информационный характер, ограничивались сведениями об открытии памятников, их местонахождении и общих чертах культуры. Но имелись и издания обобщающие, содержавшие научные выводы и оценки. В их числе особо надо выделить трехтомный труд известного в 60–70-е гг. белорусского археолога, доктора исторических наук, профессора Л.Д. Побоя *«Славянские древности Белоруссии»*, изданные в 1971, 1973, 1974 гг. В те же годы были подготовлены и вышли *«Очерки по археологии Беларуси»*, в которых были собраны почти все имевшиеся на тот момент данные по памятникам, представлявшим археологические культуры I тыс. н.э. на территории республики.

И тогда же была обоснована новая концепция о прародине славян, которая противоречила висло-одерской теории, сформулированной польскими учеными в 30–50-е гг. прошлого столетия. Сущность этой теории сводилась к тому, что прославяне сложились между Одером и Вислой, а в первые века н.э. они начали расселяться на юг, восток и запад. Однако изучив археологические культуры белорусского и украинского Полесья, в частности, памятники *зарубенецкой* культуры, ее эволюцию, Л.Д. Поболь поставил под сомнение прославянский характер археологических культур, обнаруженных в междуречье Одера и Вислы. По сути, был высказан новый взгляд на генезис славян, обосновано мнение, что славяне не являлись пришлыми на белорусских землях, а были автохтонными. И хотя этот взгляд не получил тогда широкой поддержки, последующие исследования археологов подтвердили многие положения, высказанные Л.Д. Поболем и его сторонниками, расширившие наше представление об ареале расселения славян в белорусском Полесье с прилегающими к нему с юга, запада и востока территориями. В данном регионе и, в частности, на правобережье Припяти и ее притоков выявлена *бесспорно славянская археологическая культура пражского типа со своими локальными особенностями, названная как корчакская культура* (обнаружено более 50 памятников этой культуры) [19, с. 18]. С пражской культурой генетически связана и археологическая культура типа *Луки-Райковецкой*. Памятники этой культуры, ее представлявшие, занимали ту же территорию, что и пражская, выходя за ее пределы на севере. В этом регионе могла выделиться восточная ветвь славян. Как пишет белорусский археолог Э. Загорульский, это была *«ужо новая група ўсходніх славян, якая вылучалася з раннеславянскага свету, са спецыфічнай культурай і асаблівым усходнеславянскім тыпам мовы»* [20, с. 16].

Славянские черты прослеживаются и в культурах, выявленных в регионах севернее Припяти, где преобладали балты – *Колочинской*, охватывавшей белорусское Поднепровье и некоторые соседние территории, *Банцеровской* (Центральная зона Подвинья и междуречья Западной Двины и Днепра), *Тушемлинской* (витебское Подвинье и Смоленщина). К славянской российские исследователи относят и памятники *Киевской* культуры второй четверти I тыс. н.э., ее ареал в северном направлении достигал оз. Ильмень. *«Припять сегодня, – говорил И.А. Марзалюк, выступая на международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л.Д. Поболя, – рассматривают не как реку славяно-балтского по-*

границья, а как внутреннюю важнейшую артерию пражской культуры на раннем этапе ее развития» [21, с. 31].

Стоит, однако, заметить, что процесс продвижения славян по территории Центральной и Северной Беларуси проходил сложно, а имеющиеся научные разработки показывают, *«что данная проблема находится в начальной стадии изучения» [22, с. 381].*

И тем не менее историки согласны в одном – этническая ситуация на землях Беларуси, как и других регионов Восточной Европы в VI–IX вв., определялась славянской колонизацией. В раннем средневековье здесь сложилась материальная культура, ставшая основой государственности и других процессов. Причем расселение славян шло из разных направлений, не исключая и западного пути. Это подтверждают исследования, проведенные в районе Новгорода. Российский академик В. Янин (он уже давно изучает этот регион) отмечал, что *«данные археологии, результаты изучения антропологических типов, обрядности, керамики показывают, что главный путь проникновения славян на северо-западные земли Древней Руси берет начало на южных берегах Балтики» [23, с. 4].* Схожей позиции придерживается и белорусский археолог В. Шадыро, он считает, что пракивичи («кривы») проникли в Подвинье с Повисленья через Понеманье [24, с. 109].

О славянских племенах, пришедших на белорусские земли, мы знаем не только из археологических и некоторых других материалов, но и из письменных источников, в частности, из древнерусской летописи «Повесть временных лет». Автор летописи считал славян единым народом (он включал их в число потомков библейского Иафета, сына Ноя), который постепенно из бассейна Дуная расселился на пространствах Восточной Европы, получив здесь названия от особенности местности или от своих предводителей («од тех словен по земле и прозавшася имены своими, где седошам на каком месте» – отметил летописец). Территорию Беларуси, как видно из летописи (что подтвердили и другие источники), занимали в раннем средневековье в основном три группы восточных славян – *дреговичи, радимичи и кривичи, точнее, часть кривичей.*

Таким образом, расселение славян, их восточной ветви на белорусских землях стало существенно важным историческим моментом, с которым непосредственно связан этногенез белорусов. С этого времени изменился не только состав населения, но были заложены основы тех этногенетических процессов, в результате которых сформировалась белорусская народность. Поэтому в исторической науке средневековому периоду всегда уделялось большое внимание,

и, изучая этнонациональную проблематику отечественной истории, важно опираться на новейшие исследования, в частности, те, что касаются оценки дреговичей, радимичей, кривичей, как и других групп славян, расселившихся на просторах Восточной Европы.

Так, имеются основания утверждать, что восточные славяне тогда обладали высоким уровнем развития и было бы неверно оценивать их группы прежними, старыми терминами «племена» или «союзы племен». Такие образования характерны были для первобытного общества, его последней стадии развития. Восточные же славяне были организованы в более сложные объединения как этнокультурного, так и социально-политического характера. На это указывали участники дискуссии, организованной в 2016 г. редакцией журнала *«Studia Slavica et Balcanica Petropolitana»* по теме раннесредневековых славянских общностей. Так, отвечая на поставленные вопросы, российский историк, профессор Московского государственного университета, доктор исторических наук А.А. Горский сказал, что *«применение понятия «племя»... заведомо архаизирует общественный строй раннесредневековых славян»*. По мнению участника этой дискуссии А. Плетерского – доктора археологии, доктора истории, научного советника Института археологии Научно-исследовательского центра словенской академии наук и искусств (Любляны, Словения), *«названия так называемых «племен» в письменных источниках появляются относительно поздно, причем они по большей части, представляют собой обозначения, даваемые теми или иными группами славян со стороны. Таким образом, речь шла о процессе их идентификации соседями»*. И.А. Горский и А. Плетерский отметили, что не используют понятие «племя» при изучении славянских обществ раннего средневековья (во время дискуссии высказывались и другие точки зрения) [25, с. 5–7].

При оценке же тех славян, которые расселились на белорусских землях, т. е. дреговичей, радимичей и кривичей, надо учитывать и тот факт, что они испытали воздействие балтов. Это воздействие нашло отражение в понятии «славяно-балтский синтез» и его нельзя игнорировать, изучая этнические процессы раннего средневековья. На роль взаимодействия славян и балтов указывали многие российские ученые уже в дореволюционный период. Фактически уже тогда была высказана идея о том, что балты стали субстратом (подосновой) этногенеза белорусов и тем самым определились присущие им особенности.

Роль балтов в этнических процессах, развивавшихся на белорусских землях в средневековый период, признавалась и в советской

историографии, о чем свидетельствовали работы М. Любавского, Д. Анучина, В. Пичеты, других ученых, изданные в 20–30-е гг. прошлого столетия. Правда, с конца 30-х гг. проблема происхождения белорусов, а значит и «славяно-балтский синтез» почти не рассматривались, хотя в эмигрантских кругах они активно обсуждались и балтам придавалось особое значение [26]. Интерес к данной проблематике возрос в 60–70-е гг., чему способствовали публикации российского историка, археолога В. Седова, вызвавшие дискуссию, которая была организована в 1967–1969 гг. на страницах журнала «Советская этнография».

Оживился интерес к теории «балтского субстрата», на основе которой авторы многих публикаций стремились объяснить происхождение белорусов, и в постсоветский период. Но эта теория не стала общепризнанной, в нее были внесены существенные изменения, которые касаются воздействия балтов. Наиболее подробно проанализирована она была в книге белорусского этнолога М. Пилипенко *«Возникновение Белоруссии. Новая концепция»* (была издана в 1991 г.), где был сделан вывод о научной несостоятельности данной теории, что *«выделение белорусского этноса среди других групп славянского населения обусловлено воздействием балтов, проживавших ранее на территории современной Белоруссии, не подтверждается фактически. Оно ошибочно и теоретически»* [27, с. 122]. М. Пилипенко считал, что (и это мнение отражено и в современных публикациях) славяно-балтский союз не стал фактором этногенеза белорусов потому, что они как народность сформировались не в раннем средневековье, а позднее, в XIII–XVI вв. Воздействие же балтов сказалось на тех восточнославянских группах, которые расселились и закрепились на белорусских землях, т. е. на дреговичах, радимичах и кривичах и их следует рассматривать не в качестве племенных объединений, а как своеобразные этнические образования. *«Они – не племена и не союзы племен, – писал М. Пилипенко, – а сформировавшиеся протонародности начального этапа раннеклассового общества»* [28, с. 45]. Как своеобразные протонародности, оценивает дреговичей, радимичей и кривичей и белорусский историк Г. Штыхов. Более того, он рассматривает их как пробелорусские этнические образования. *«Гэта былі яксна новыя прабеларускія ўтварэнні, – писал он, – у якіх пераважалі славянскія расы і якія займалі своеасаблівае месца сярод іншых усходнеславянскіх этнасаў. Увабраўшы ў сваю культуру шэраг балцкіх элементаў, яны адрозніваліся спецыфічнымі рысамі славянскай культуры, што ўзніклі пад уздзеяннем балтаў»* [29, с. 34].

Во многих современных публикациях подчеркивается и то обстоятельство, что нельзя и преувеличивать воздействие балтов на славян, как это делали некоторые археологи, представляя дреговичей, радимичей и кривичей общностями не славянского, а балтского происхождения, называя их ославяненными балтами. Балтские племена, по мнению авторов этих публикаций, в своей основной массе были вытеснены в более северные районы, а оставшиеся ассимилированы или сохранились в виде небольших групп (голядь, ятвяги). *«Змешванне славянскага насельніцтва са старажытнабалцкім, – отмечается в 9-м томе издания «Беларусы», – суправаджалася складанымі этнічнымі працэсамі, у выніку якіх апошняе было асімілявана славянамі»* [30, с. 81–82].

Таким образом, проблема взаимодействия восточных славян с балтами, находившимися на территории Беларуси, носит спорный, дискуссионный характер. И тем не менее, не учитывая этого фактора, мы не можем понять особенности развития этнических процессов, связанных с этногенезом белорусов.

Спорной, можно сказать, нерешенной остается и проблема связей между восточными славянами, особенно в период, когда княжества, возникшие на землях, занятых славянами, определенное время находились под властью киевских князей, возглавивших государство «Русь», вошедшее в историческую литературу как «Киевская Русь» или «Древнерусское государство». Эта проблема поднималась многими учеными и активно обсуждалась в 1990–2000-е гг. после распада Советского Союза. В советской историографии ее решение свелось к обоснованию вывода, что восточные славяне развивались не изолированно, а сохранили связи, на основе которых формировалась новая общность, получившая название *«древнерусская народность»*. Такой вывод был обоснован уже в 30-е гг. и на него опирались и белорусские историки и этнологи. Причем, он был аргументирован, находил отражение как в специальных публикациях, так и в общих работах.

Но распад Советского Союза, разрыв общего государственного пространства восточнославянских народов в связи с образованием независимых Беларуси, Украины и Российской Федерации, давление национальных политических сил и общие изменения в обществе, в самой науке – все это способствовало появлению новых подходов к изучению этнических процессов в период Древней Руси. Причем в 1990–2000-е гг. стали распространяться публикации, главным образом, на Украине и в Беларуси, в которых не только ставилась под сомнение возможность возникновения древнерусской народности, но и отрицалось ее наличие [31].

Однако такое мнение не удалось навязать исторической науке. Имеется немало ученых, которые более взвешенно подходят к этой сложной и важной проблеме, учитывая те факты и явления, которые способствовали укреплению и развитию связей восточных славян. Прежде всего учитывается общность происхождения славян, наличие единого языка, что не раз отмечал и автор «Повести временных лет» (*«Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, новъгородъци, полочане, дѣрзгавичи, северяне, бужане – зане сидеть по Бугу, после же воляныяне»*), общих черт в культуре. Положительно сказывалось и объединение местных княжеств под властью киевских князей. Но особенно большую роль в исторических процессах, способствовавших консолидации славян, сыграла православная церковь, созданная в ходе распространения христианства. Эту роль нельзя свести только к религиозным изменениям. Христианизация восточных славян, осуществленная на основе греко-византийского обряда, оказала воздействие на все сферы жизни. Она способствовала укреплению государственности, положительно сказалась на социально-экономических процессах, развитии международных отношений, культуры. Менялся сам вектор цивилизационного развития, многие историки отмечали, что *«принимая христианство от Византии, русская земля делает свой первый цивилизованный выбор, присоединяясь к цивилизационному пространству Pax Orthodoxa с центром в Константинополе»* [32, с. 25].

Важные изменения происходили в этническом самосознании жителей восточнославянских земель. Этническая самоидентификация стала во многом определяться новыми факторами, в т. ч. и конфессиональными. Она фиксируется прежде всего в письменных сочинениях, как местных, так и зарубежных, и отражается в названиях, связанных с терминами «Русь», «русская земля», «русичи», «русины», «русские люди». Прежние же названия стали исчезать (середина – вторая половина XII в.). Вначале этнонимы с корнем «рус», как и сами термины «Русь», «русская земля», относились к Среднему Поднепровью, но уже в XI–XII вв. они распространились и на другие восточнославянские, в т.ч. и белорусские земли. Так, автор «Слова о полке Игореве» русскими назвал всех, кто погиб в битве на реке Немиге в 1067 г., включая и дружину Всеслава Полоцкого. В тексте этого произведения термин «русская земля» встречается 21 раз. Общность восточных славян осознавал и автор «Повести временных лет», здесь слова «Русь», «русские», «русская земля» упоминается более 270 раз, при этом в большинстве случаев они относились ко всем восточнославянским землям [33, с. 24].

Осознание общности Руси отражено и в «Слове о Законе и Благодати», «Слове о погибели русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем» и других сочинениях. В «Слове о законе и Благодати», автором которого был митрополит киевский и всея Руси Илларион, использовано и понятие «*русский народ*» (датируется серединой XI в.). Появилось и понятие «*русский мир*» содержится в «Слове на обновление Десятинной церкви», датируемого второй половиной XI в. [34].

Надо заметить, что все произведения, созданные в тот период, были проникнуты глубоким патриотизмом, гордостью за земли русские, русичей, которые *«мужеством и храбростью прославились в странах многих, и победами и крепостью поминаются ныне и прославляются. Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли»* [35, с. 21]. Не следует упускать из виду и тот факт, что термин «Русь» сохранился и после распада Древнерусского государства и использовался в отношении всех его земель не только в XIII в., но и позднее. Стоит привести слова широко известного в советский период историка Б. Грекова, который писал: *«Русская народная масса, где б она не находилась, какой бы власти не подчинялась, не забывала никогда своей этнической общности»* [36, с. 9].

Все эти факты нельзя обойти, рассматривая проблематику, касающуюся древнерусской народности. Ее формирование признавали многие как российские, так и белорусские историки и в постсоветский период. Об этом свидетельствовала дискуссия, которая состоялась в 2002 г. на страницах российского журнала «Родина». Выступая во время этой дискуссии, историк В. Седов отметил: *«Этноязыковое, политическое и культурное единство славян Восточной Европы X–XII веков дает все основания говорить о сложении в Древней Руси отдельного славянского этноса – древнерусской народности»*. В. Седов (как и другие участники дискуссии) подчеркивал, что *«Древняя Русь представляла собой общность, сплоченную в гораздо большей степени, чем некоторые европейские политические образования, например, государство Каролингов и что встречаемые в современной литературе утверждения о становлении украинцев, белорусов и русских непосредственно из праславянской общности покоятся не на всей сумме данных, которыми располагает современная наука, а на отдельных моментах, специально подобранных «под концепцию» и поэтому не являются научными»*. Как заметил украинский историк Н. Котляр, выступая во время дискуссии, *«новых источников, которые могли бы повлиять на пе-*

реоценку древнерусского единства, попросту не существует» [37, с. 7, 13]. Концепция древнерусской народности имеет сторонников и в Беларуси, ее поддерживали Э. Загорульский, М. Пилипенко, Я. Трещенок, Н. Сташкевич. «Старажытнаруская народнасць, – писал Э. Загорульский, – гэта гістарычны факт. Яна ў поўнай меры адпавядае тым патрабаванням і адзнакам, якія ўласцівы такому тыпу гістарычнай і этнічнай супольнасці» [38, с. 218]. Факт существования общевосточнославянской древнерусской народности отражен и в обобщающих работах и учебных пособиях по истории Беларуси, вышедших в 2000-е гг.

И тем не менее нельзя считать, что проблема образования древнерусской народности в современной науке решена, она по-прежнему носит дискуссионный характер, к тому же политизирована. Вместе с тем в публикациях последних лет высказываются мнения, позволяющие, на мой взгляд, снять спорные вопросы и преодолеть крайние, односторонние позиции. Прежде всего нельзя преувеличивать степень этнического единства населения Древней Руси, самих связей, на которых строилось это единство. Укрепление этих связей усложнялось громадностью территориального пространства, которое колонизовали восточные славяне. В период исторического развития, когда происходил переход от первобытного общества к обществу раннефеодальному, этнические общности вообще не могли быть монолитными. Сказывалось отсутствие централизованной политической системы, укрепление местных княжеств, слабые экономические связи. Поэтому нет оснований переоценивать и уровень этнического самосознания населения Древней Руси, самоидентификацию жителей сельских и городских поселений, она в те времена не могла выйти за пределы самих этих поселений или волостей. Главными носителями этнополитической идентичности в Древней Руси была элита – князья и окружавшая их военно-служилая знать. Русскую идентичность, как уже отмечалось, формировала православная церковь, и эта идентичность во многом носила конфессиональный характер. «Менавіта хрысціянiзацыя і паўстала на яе глебе канфесійная самаідэнтыфікацыя, – пишет И.А. Марзалюк, – замацавалі ў якасці саманазвы насельніцтва Беларусі этнаканфесію «Русь» [39, с. 12]. Однако в XI–XII вв. христианизация восточнославянских земель еще не являлась широкой и глубокой, да и влияние язычества не было преодолено.

В развитии этнических процессов на восточнославянских землях в древнерусский период *переплетались две противоречивые тенденции*. Одна отражала явления консолидации, а вторая, на-

против, была связана с дифференциацией, сохранением и усилением местных особенностей, которые становились все более заметными после распада Киевской Руси. Поэтому можно согласиться с мнением белорусского историка Л. Лыча, отмечавшего, что этнокультурная специфика славянских групп населения, оказавшихся в составе Древнерусского государства, не могла быть преодолена за время его существования. *«У старажытнарускай народнасці, – писал он, – працэсы этнічнай кансалідацыі не дайшлі да той мяжы, каб зусім скасаваць значэнне былых племянных адрозненняў і своеасаблівасцяў»* [40, с. 14].

На незавершенность процесса формирования древнерусской народности указывал даже такой крупный и известный российский советский археолог, историк, академик Б. Рыбаков, он писал, что *«слияние земель былых племенных союзов в общую древнерусскую народность не было полным и окончательным»*. С таких научных позиций оценивалась этническая ситуация на восточнославянских землях в древнерусский период и участниками VI Международного конгресса славянской археологии, состоявшегося в 1996 г. в Новгороде.

Исторические обстоятельства в древнерусский период объективно складывались таким образом, что формировавшееся тогда общее этнокультурное пространство оказалось не прочным и было разорвано под воздействием разных факторов. Это пространство охватывало и белорусские земли, но в период Киевской Руси *«предки белоруссов еще не вычленились из восточнославянского этнического массива»* [41, с. 498].

Вместе с тем уже тогда имелись особенности, в т. ч. генетического и субстратного характера, которые способствовали образованию белорусской народности, как и народностей украинской и русской. Эти особенности отражены в генофонде восточнославянских народов, они были установлены в результате использования молекулярно-генетических методов исследований белорусских и российских антропологов. Обоснован вывод, что *каждый из трех современных восточнославянских этносов согласно археологическим и антропологическим данным имеет свои геногеографические особенности, они, т.е. этносы, сформировались в разном территориальном пространстве на отдельных субстратных проосновах*. Для белорусской народности такое пространство определилось в ходе колонизации славянами западного региона Восточной Европы, где закрепились дреговичи, радимичи и кривичи, ассимилировавшие частично вытеснившие балтов. Это пространство охватывало

Поприпятъе, Верхнее Поднепровье, Витебско-Полоцкое Подвинье и Понеманье. Более выражены параметры этнической территории белоруссов стали в XIV–XVI вв., когда в своих основных чертах и признаках образовалась белорусская народность. Причем эта территория отличалась целостностью, компактностью, и существенно не нарушена была административным устройством ВКЛ, в составе которого оказались белорусские земли. Именно в данном регионе, т.е. на этнически белорусских землях и сложился комплекс хозяйственно-бытовой жизни, культуры и языка, носителем которого стал новый восточнославянский этнос – белорусская народность. Безусловно, этот комплекс не был однородным имелись и местные особенности, локализованные в отдельных регионах, они зафиксированы и в источниках: северо-восточный (его чаще называли «Белой Русью»); северо-западный (в отношении его использовалось название «Черная Русь»); южный, который назывался «Полесьем» (этот термин впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1274 г.).

Складывались и другие исторические предпосылки для возникновения белорусской народности, и, в частности, наметились специфические черты, свойственные белорусскому языку. Усилиями ученых уже в XIX–XX вв. был собран большой лингвистический материал, научный анализ которого показал, что белорусский язык складывался на древнерусских письменно-языковых традициях, которые позднее в XIV–XVI вв. стали характерными чертами белорусского языка. Академик Е. Карский еще в начале XX в. утверждал, что *«усе галоўнейшыя асаблівасці сучасных беларускіх гаворак у большай ці меншай ступені склаліся не пазней XIII ст.»* [42, с. 105].

Однако и эта проблема в научной литературе не имеет однозначного решения – появление специфических черт белорусского языка объясняется по-разному. Вместе с тем в современном языкознании не поддерживается мнение В. Седова, что белорусский язык возник благодаря балтскому субстрату. Спорным остается и утверждение, что белорусский язык выделился уже в VI–VII вв. и что *«наша мова самая старадаўняя і мае шмат аднолькавых каранёў з грэчаскай мовай, што па мілагучнасці займае другое месца ў свеце»* (такое мнение отражено в публикации «Мы не просім – мы патрабуем», изданной в Минске в 1994 г. (с. 49–50)).

Вместе с тем фактически все исследователи согласны в одном – благоприятные условия для развития белорусского языка сложились уже в XIV–XVI вв., во время нахождения белорусских земель в составе ВКЛ, здесь он выполнял функции языка государственно-

го, что усилило его коммуникативную роль. На белорусском языке, точнее говоря старобелорусском, готовились и издавались все документы как общегосударственные, так и местные, он использовался в административных и судебных органах, выступал в качестве и языка литературного. На русский, т. е. старобелорусский язык перевел библейские книги Ф. Скорина. Важно при этом подчеркнуть тот факт, что язык литературных произведений того времени все дальше отходил от старых книжных традиций, связанных с церковнославянским языком, приобретая современные ему формы (белорусизацию церковнославянской письменности В. Пичета назвал «главным событием литературного движения в Беларуси в XVI в.»). Этому способствовало широкое развитие книгопечатания. Белорусская кириллическая печатная литература, по мнению исследователей, была тогда *«найбуйнейшай у свеце, найбагацейшая як па колькасці выданняў, гэтак і па іх змесце»* [43, с. 260].

Как уже отмечалось в теме I, формирование этноса, любой этнической общности – это не единовременный акт, это – процесс консолидации коренных жителей. На белорусских землях консолидирующую роль играло ВКЛ, уже в XV–XVI вв. здесь были ликвидированы удельные княжества, преодолена политическая раздробленность, создана была централизованная система управления с общим законодательством. При этом сохранены были и обогащались прежние достижения, все то, что сближало людей, их культура, традиции. Резких изменений, какого-то исторического разрыва не произошло. На основе оживления экономической жизни, усиления торговых связей преодолевалась замкнутость, изолированность отдельных территорий. Важные изменения происходили и в культуре, она приобретала этнически выраженный характер. Коренные жители белорусских земель восточнославянского происхождения осознавали свои отличия от других, пользуясь названиями «русины», «русские». Эти названия являлись для них, по сути, этнонимами, что объясняется не только прочными традициями, но и тем, что княжества белорусских земель в течение довольно длительного времени находились на автономном положении и в них сохранился сложившийся уклад жизни. Сказывались и религиозные представления, «русины» считались преимущественно православные, т. е. термин «русины» все еще сохранял этноконфессиональный смысл. Но как показали исследования И. Марзалюка, *«менавіта ў гэты час адбываецца насычэнне тэрміна «русін» этнічным зместам у поўным сэнсе гэтага слова, выпрацоўваюцца новыя крытэрыі самаідэнтычнасці, сярод якіх важнейшымі становяцца мова і*

этнічнае паходжанне – «парода», «кроў», а не рэлігійная прыналежнасць» [44, с. 14].

Такие изменения наиболее заметны в интеллектуальной элите, пополнявшейся выходцами из мещанско-шляхетской среды и духовенства, примером чего может служить самосознание и вся творческая деятельность Франциска Скорины, Василя Тяпинского, Симона Будного, Мелетия Смотрицкого, Леонтия Карповича и др. Их этническое самосознание уже во многом определялось пониманием значения языка, патриотизма, происхождения. Так, Ф. Скорина не раз отмечал, и даже подчеркивал свое «русское» происхождение, что он «нароженный в русском языку», что его «милостивый Бог того языка на свет пустил». Да и книги библейские Ф. Скорина предназначал «братии моей Руси», «вам людям языка русского». Свою принадлежность к русинам, народу русскому засвидетельствовал и белорусский просветитель, протестант В.Тяпинский.

Термин «Русь» в XIII–XVI вв. выступал и в качестве метаэтнонима, он относился не только к территории, где шло становление и развитие белорусской народности, но и ко всем восточнославянским землям, в т. ч. тем, которые находились в Московском княжестве и на современной Украине. Этническая дифференциация населения земель, входивших ранее в древнерусское государство, тогда была выражена слабо. И тем не менее русины ВКЛ осознавали себя жителями именно этого государства, подданными великого князя литовского, что находило отражение в названиях «литвины», «литвины-русины», «литвины русского рода», выступавших в качестве политонима.

Это важно иметь в виду, учитывая тот факт, что в 2000-е гг. стали появляться публикации, авторы которых «русинами» называли только жителей украинских земель ВКЛ, а население белорусских земель, утверждали они, – это литвины, для них это название являлось этнонимом. «Литвинизм», по мнению многих белорусских историков, *«был русофобским проектом, отрицавшим славянское происхождение белорусов»* [45, с. 168]. Он усиленно распространялся среди молодежи, белорусским пытались представить и само ВКЛ, в котором формировалась белорусская народность. Но генетически связывать белорусов с литвинами нет оснований, эту связь не подтверждают источники и проведенные исследования белорусских историков М. Спиридонова, В. Носевича, Г. Голенченко, И. Марзалюка др. Понятие «литвин» в XIV–XVI вв., вообще было многозначным. Г.Я. Голенченко, например, указывает на восемь его значений: «литвин» как политоним (это основное значение) и «литвин» как полисемантический этноним сложного и непостоянно-

го состава, отличный от этнонимов «русин», «литовец», «летувис», «поляк»/«лях» [46, с. 48]. Подробно рассмотрен этот вопрос и в книге И. Марзалеюка «*Міфы «адраджэнскай» гістарыяграфіі*», других его публикациях.

Следует учитывать и тот факт, что этническое самосознание отражает особенности и условия формирования этноса и выражается как через самоидентификацию человека, так и через его чувства и действия, характер и темперамент, лежащих в основе менталитета народа. К тому же представители разных социальных групп осознают свою идентичность неодинаково, поэтому можно говорить о наличии в этническом самосознании народа нескольких уровней, которые не противоречат, а дополняют и обогащают общую картину. Это относится и к белорусскому этносу, условиям его становления и развития. Объединительные тенденции, лежавшие в основе его формирования, были весьма вариативными и колебались, как подчеркивал И. Чаквин, *«от локальной консолидации жителей ряда сел в своеобразную этнографическую единицу до объединений общегосударственного масштаба, в которых наблюдались черты межэтнической интеграции в материальной и духовной культуре, быту и т. д.»* [47, с. 84].

Самоопределение жителей сельских поселений и волостей выражалось в различных этниконах, т. е. локальных самоназваниях и они фиксируются во многих источниках. Самоназвания городских жителей были производными от названий самих городов и местечек: «мозыряне», «случане», «пиняне», «могилевцы», «полочане» и т. д. Локально-территориальная самоидентификация оказалась весьма устойчивым явлением, она проходит через всю нашу историю и выражает привязанность человека к родной земле, *«пантестическое отношение к которой, — отмечает Ю. Чернявская, — белорус сохранил на всем своем историческом пути»* [48, с. 198].

Более высокий уровень самоопределения был характерен для представителей феодальных сословий, но в него вкладывался прежде всего государственный смысл, магнаты и шляхта ВКЛ, всех его земель осознавали себя «литвинами», особенно подчеркивая это в отношениях с поляками. *«Мы і палякі, хоць брацця, але зусім адменных звычаяў»*, — писал в конце XVI в. канцлер ВКЛ Л. Сапега к К. Радзивиллу. Ко времени оформления Люблинской унии уже сложились два политических шляхетские «народа-нации» — польский и литвинский. Анализ письменных источников XVI в. показал, что латинский термин «natio» в Польском Королевстве переводился как «narod» и широко использовался в отношении шляхетского со-

словия. Названия «narod» польский и «narod» литовский отражены и в документах Люблинской унии [49].

Не следует упускать из виду и тот факт, что ВКЛ объединяло и балтские земли и в его составе шло становление не только восточнославянских этносов – белорусского и украинского, – но и литовского. В письменных источниках XIV–XVI вв. встречается немало названий, характерных для жителей балтских земель, – «литовцы», «литовские волости» и др., что также хорошо показано в работах И. Марзалюка, рекомендуется его статья, опубликованная в журнале «Веснік МДУ імя А.А. Куляшова» (2003, № 2-3(15)).

Основная масса «русинов», как уже отмечалось, находилась именно на той территории, которая стала этнической для белорусского народа. На этой территории уже в XVI в. выделился и регион, в отношении которого использовался термин «Белая Русь». Из письменных источников известно, что этот термин в XVI в. касался Подвинья и Поднепровья и не имел еще этнического содержания, он выступал в качестве топонима. И тем не менее это было исторически важное явление, термин «Белая Русь» в дальнейшем не только определил этноним «белорусы», закрепившийся за коренными жителями белорусских земель восточнославянского происхождения, но вошел и в название национального государства, созданного ими в XX в. Все эти вопросы подробно рассмотрены в ряде специальных публикаций, авторами которых являлись белорусские историки и этнологи М. Гринблат, М. Пилипенко, В. Бондарчик, И. Марзалюк, И. Чаквин, П. Терешкович, В. Старостенко и др.

Таким образом, этнообразующие процессы, развивавшиеся на белорусских землях в средневековый период, к концу XVI в. достигли стадии, на которой стало возможным образование белорусской народности (И. Марзалюк ее называет «старобелорусским этносом»). Ее основой стали достижения и традиции древнерусского времени и она формировалась как восточнославянская общность, испытав влияние и других этносов.

Однако в XVII в. (со второй половины этого столетия) этногенез белорусов усложнился, сказывались негативные явления как в социально-политической, так и в экономической и культурной сферах. Изменялась даже социальная структура белорусского этноса, феодальные сословия, особенно их верхние слои, были подвергнуты полонизации, лежавшей в основе политики, проводимой правящими кругами Речи Посполитой и поддерживаемой католической церковью. Некоторые историки говорят, что уже в XVII в. обнаружился социальный разрыв белорусского этноса, его элита из

числа магнатов и шляхты стала отрываться от основной массы белорусского народа, пополняя т. н. «польский народ шляхетский» — особую социально-политическую общность, формировавшуюся в Речи Посполитой. Изменялся и этносоциальный состав городского населения, среди которого росла численность людей пришлых, много происхождения, в частности, евреев. Белорусские города не превратились в промышленные центры, оставались торгово-ремесленными поселениями, а их жители хотя и были признаны в качестве особого сословия — мещан, — не играли сколько-нибудь заметной роли в государственной и общественной жизни. Белорусский этнос превращался в общность крестьянскую, «мужицкую», в сельский народ. *«Старабеларускі этнас, — писал И. Марзалюк, — у выніку татальнай паланізацыі шляхты і страты ўласнага мяшчанства ператвараўся ў этнас з непаўнавартаснай сацыяльнай структурай»* [50, с. 170]. Подрывались позиции православной церкви, игравшей на белорусских землях консолидирующую роль. В течение XVII—XVIII вв. укрепила свое положение католическая конфессия, организационно оформилась униатская церковь. Тем самым разрушалась конфессиональная однородность белорусского этноса, что негативно сказывалось на формировании его этнонационального самосознания. К началу XVII в. был подорван государственный и общественный статус белорусского языка, ограничилась его коммуникативная роль, на всех восточнославянских землях Речи Посполитой на первый план вышел польский язык. Сложной в Речи Посполитой была и внутривосточная обстановка из-за постоянной борьбы магнатско-шляхетских группировок, нередко принимавшая черты гражданской войны, втягивалась Речь Посполитая и в военные конфликты с другими государствами, а военные действия распространялись и на ее территорию, в т. ч. и на белорусские земли, а это не только негативно сказывалось на хозяйственно-экономической жизни, но и на генофонде белорусского этноса, ибо сокращалась его численность.

Однако было бы неверно говорить об этническом кризисе на белорусских землях в XVII—XVIII вв. Белорусский этнос уже обладал творческим потенциалом, позволявшим ему преодолевать возникавшие трудности, в XVII—XVIII вв. на землях Беларуси *«уже существовала та этнонимическая картина, которая в значительной степени сохранялась и в последующие времена»* [51, с. 45]. Основной же тенденцией в развитии этнических процессов стало превращение белорусской народности в нацию, а предпосылки для ее формирования складывались в XIX в., когда бело-

русские земли после разделов Речи Посполитой были включены в состав России.

Этому периоду белорусской истории в 1990–2000-е гг. было уделено большое внимание, вышел целый ряд научных статей и монографических изданий. Однако, изучая этнонациональную проблематику этого периода, нельзя выявлять только негативные явления, как это делали авторы некоторых публикаций. В целом государственно-политические условия того времени благоприятствовали этнообразующим процессам и они наполнялись новым содержанием. Российский период, подчеркивал Я.И. Трещенок, стал временем *«этнического возрождения белорусского народа»* [52, с. 387]. В этот период, продолжавшийся почти до конца XX в., восточнославянские народы оказались объединены в одном государстве, получив возможность сохранять и развивать свою культуру, традиции, испытывая воздействие русской и других культур России.

Для возникновения белорусской нации важнейшее значение имели изменения в экономической сфере, причем эти изменения носили не только количественный, но и качественный характер, ибо экономика белорусских земель, как и всей России, приобретала капиталистические черты. Переход к капитализму сопровождался модернизацией общества, которая не могла не сказаться на этнических процессах: росла общая численность населения, усилилась его мобильность, менялась социальная структура общества. Правда, этнически белорусские земли российскими властями не были выделены в отдельный автономный регион, но они оказались связаны структурами местного административно-территориального управления пяти Западных/Северо-западных губерний и их уездами. Именно здесь проживала основная масса белорусов, что подтвердила Всероссийская перепись населения 1897 г. Для более подробного изучения этого важного вопроса следует использовать специальные научные публикации, рекомендуется, в частности, ознакомиться с материалами, опубликованными белорусскими историками Д. Дубининым, Л. Козловым, Е. Насытко, В. Титовым, И. Юхо. Проведенные ими исследования показывают, что первые сведения о населении присоединенных к России белорусских земель были собраны в конце 20-х гг. XIX в. известным тогда российским этнографом и статистом академиком П. Кеппеном. Но они не были опубликованы, правда, часть собранных П. Кеппеном материалов использовал чешский славист П. Шафарик. Именно ему удалось составить карту расселения славянских народов, положив в ее основу язык. На этой

карте была показана и территория проживания белорусов. Она еще не была точной, но охватывала земли пяти Западных российских губерний: Минской, Могилевской, большую часть Витебской, Гродненской и частично Виленской.

Работа по сбору сведений о населении этих губерний была продолжена в 50–60-е гг. XIX в., в результате были изданы первые в России специальные этнографические атласы, непосредственно касавшиеся западных губерний и соседних с ними территорий. Авторами атласов стали Р.Ф. Эркерт и А.Ф. Рыцих, в основу определения происхождения населения данных губерний они положили вероисповедание.

Но данный критерий не отражал реальной картины расселения белорусов, а значит и границ их расселения и поэтому был воспринят критически рядом ученых. Предлагалось использовать в качестве главного критерия этнического размежевания населения язык, что было учтено при организации Всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 г. В опросных листах переписи содержался вопрос о родном языке. Так вот, белорусский язык в качестве родного, как уже отмечалось выше, называли тогда жители 35 уездов западных губерний России (из 47), что составляло более 73%, участвовавших в переписи. Административно-территориальное распределение белорусских земель отражают данные нижеследующей таблицы [53].

Таблица 1 – Территориально-административное устройство белорусских земель с учетом переписи 1897 г.

Губернии	Центры уездов/поветов
Виленская	Дисна, Лида, Опшьяны, Виленск
Витебская	Дриса, Полоцк, Лепель, Витебск, Городок
Гродненская	Гродно, Волковыск, Слоним, Пружаны, Брест, Кобрин
Минская	Минск, Борисов, Игумен, Новогрудок
Могилевская	Сенно, Орша, Гори-Горки, Могилев, Чаусы, Мстиславль, Климовичи, Чериков, Быхов, Гомель, Рогачев

Надо отметить, что белорусские историки, этнологи провели глубокий и обстоятельный анализ итогов Всероссийской переписи и им удалось раскрыть особенности как национального состава населения белорусских земель, социальной структуры белорусской нации, так и изменений, происходивших в религиозно-конфессиональной сфере, в развитии просвещения, других областях общественной жизни. Исследования показывают, что во всех регионах

Беларуси, кроме этнически белорусского населения, имелось немалое количество жителей иного происхождения. Об этом свидетельствуют данные таблицы, составленной белорусским историком М. Бичом [54].

Таблица 2 – Национальный состав городского и сельского населения западных губерний России в 1897 г. (%)

Губернии	Белорусы		Русские		Поляки		Евреи		Другие	
	в городе	в местечках и сельской местности	в городе	в местечках и сельской местности	в городе	в местечках и сельской местности	в городе	в местечках и сельской местности	в городе	в местечках и сельской местности
Виленская	7,6	63,0	18,3	3,0	26,6	5,6	43,0	8,4	4,5	20,0
Витебская	13,3	59,7	22,1	11,8	8,1	2,6	52,0	4,9	4,5	21,0
Гродненская	9,6	50,6	15,8	2,7	13,3	9,6	61,2	9,8	0,1	27,3
Могилевская	30,0	87,4	13,0	2,5	2,9	0,8	52,4	8,2	1,7	1,1
Минская	11,8	83,6	19,5	2,1	7,2	2,5	58,8	11,0	2,7	0,8
В среднем	14,5	68,8	17,7	4,4	11,6	4,2	53,5	8,4	2,7	14,0

Приведенные цифры свидетельствуют, что, как и прежде, население белорусских земель оставалось этнически неоднородным, при этом и в городах, и в сельской местности проживало значительное количество русских, поляков и евреев, в городах и местечках евреи вообще преобладали. Белорусы в своей основной массе проживали в сельской местности, и их представляли крестьяне. Удельный вес крестьян во всех западных губерниях превышал 90%. При этом количество сельского населения возросло, к 1914 г. в сравнении с 1858 г. его численность, несмотря на миграции, увеличилась в 2,9 раза.

Крестьяне вместе с дворянством представляли основные сословия, которые определились еще в период феодализма, но в ходе модернизации феодальные отношения разрушались, чему способствовала отмена крепостного права, формировалась новая социальная структура общества, появились такие социальные группы, которые отличались между собой не только видами занятий и правами, но и своими отношениями к средствам производства, материальным ре-

сурсам, своими доходами и степенью влияния в обществе. Это были социальные группы/классы, характерные для буржуазного общества. Но и в данном отношении белорусская нация имела свои особенности – в ней слабо была представлена промышленно-торговая буржуазия. И количественно, и по экономической роли белорусы уступали еврейской, польской и русской буржуазии, преобладали белорусы лишь среди мелкой буржуазии, составляя около 56%, в числе крупной буржуазии западных губерний их было 2,7%.

Более широко были представлены белорусы среди рабочего класса, но трудились они в основном на предприятиях, расположенных в сельской местности, на железных дорогах и в мастерских, их обслуживавших.

В процессе развития капитализма и социальной трансформации общества формировалась и белорусская интеллигенция, которую представляли лица умственного труда, имевшие соответствующее образование, в т. ч. высшее и профессиональное, и занятые в разных сферах общественной жизни. Этот вопрос также хорошо изучен, вышел ряд публикаций, в т. ч. монография А. Богдановича, с которой следует ознакомиться [55]. Общая численность лиц, которых можно отнести к интеллигенции Беларуси того времени, увеличилась более чем в 2 раза, с 20 до 54 тыс. Но только 10,8% из них (на 1897 г.) имели высшее университетское, техническое и военное образование, 19,2% – среднее специальное образование, остальные окончили общеобразовательные полные и неполные школы. Интеллигенция также была этнически неоднородна, белорусов было немного, примерно четверть тех лиц, которые заняты умственной деятельностью. К белорусской интеллигенции можно отнести тех, кто во время переписи 1897 г. родным назвал белорусский язык. Таковым его считали 60% учителей, до 40% чиновников, 29% – почтово-телеграфных служащих, 20% врачей и 10% юристов 35 уездов западных губерний [56, с. 472].

Рост численности белорусской интеллигенции сдерживался отсутствием на территории Беларуси высших учебных заведений, другими причинами. Но численность людей грамотных постоянно увеличивалась во всех губерниях, что показала и перепись населения 1897 г. Наиболее высокие показатели состояния грамотности были выявлены среди населения Виленской губернии – 33,9%, в Гродненской грамотных было 33,1%, в Витебской – 25,2%, Минской – 23,8%, Могилевской – 23,3%. В среднем по пяти губерниям она составила примерно 26% (опрашивались лица старше 10 лет). Среди мужского населения и жителей городов грамотность была

выше. Перепись 1897 г. в белорусских губерниях зарегистрировала 43,8 тыс. мужчин и 22,7% женщин, получивших образование в средних и высших учебных заведениях. Вместе они составляли около 0,8% от общей численности населения пяти западных губерний. Для сравнения этот показатель по Российской империи составлял 1,1% [57].

Белорусский этнос уже на стадии народности складывался и развивался как общность поликонфессиональная, хотя численность православных к концу XVIII в. уменьшилась во всех регионах Беларуси. Таковым он оставался и в XIX в., но произошли и заметные изменения – выросла численность православных, чему способствовала ликвидация в 1839 г. униатской церкви. Основную массу белорусов составляли православные и католики. Так, если в начале 60-х гг. XIX в. в пяти западных губерниях насчитывалось 2,5 млн православных и 1,3 млн католиков (т. е. на одного католика приходилось 2 православных), то в конце XIX в. православных было уже более 5 млн, число же католиков почти не изменилось – 1,9 млн [58].

Необходимо отметить, что в результате научных исследований белорусским ученым удалось выявить и другие важные изменения, которые происходили в этнообразовательных процессах на землях Беларуси в период их нахождения в составе России. Так, сделан вывод, что несмотря на непризнание царизмом коренных жителей белорусских земель восточнославянского происхождения в качестве самостоятельного этноса, многие из них осознавали свои отличия и от великороссов, т. е. русских, и от поляков, и от малороссов – украинцев, не говоря уже о других народах. Этническое самосознание белорусов оказалось под воздействием глубоких изменений, происходивших в обществе, вступившим в новую стадию эволюции с иной, чем это было прежде, экономикой, коммуникацией членов социума, системой образования и общей культурой, стремлениями и деятельностью самих представителей этноса. Это были явления, отражавшие консолидацию этноса в нацию. Уровень этнического самосознания белорусов, их идентификации, безусловно, стал более высоким. Само название «белорусы» широко использовалось в западных губерниях России, оно употреблялось в научной литературе, содержалось даже в официальных документах. Мнение о том, что в России при Николае I специальным указом было якобы запрещено употребление названия «Белоруссия», не соответствует действительности. В указе Сената от 18 июля 1840 г. говорилось лишь о необходимости называть губернии белорусские и литовские, каждую отдельно: Витебская, Могилевская, Виленская, Гроднен-

ская. Но название «белорусские губернии», «литовские губернии», при Александре II, несмотря на указ от 18 июля 1840 г., продолжали использоваться на правительственном уровне. Употреблялись и названия «Западный» или «Северо-Западный край».

Но формирование национального самосознания этничности жителей белорусских земель проходило в сложной политической обстановке и было бы неверно преувеличивать уровень их развития. Поэтому одной из важнейших задач, которую пришлось решать организаторам белорусского освободительного движения, стало национальное пробуждение белорусского народа, что будет рассмотрено в теме 4.

Таким образом, к концу XIX – началу XX в. белорусский этнос приобрел качества, позволившие ему выйти на историческую арену, осознать свои интересы. Исследования, проведенные белорусскими учеными, показали, что процесс его становления и развития, хотя имел особенности, определялся он общесторическими закономерностями. Менялись общественные условия, государственно-территориальное пространство, но не нарушена была генетическая преемственность, а этнические изменения носили эволюционный характер и происходили в соответствии с законом адаптации, что позволило белорусскому этносу приспосабливаться к складывавшимся условиям жизнедеятельности.

Данная закономерность действовала и на протяжении XX в. И в этот период не нарушен был эволюционный путь развития белорусского этноса, появились новые возможности для реализации его творческого потенциала, и он сумел не только преодолеть возникавшие сложности, но и создать свое государство. Первая попытка его организовать, как известно, состоялась в декабре 1917 г. на Всебелорусском съезде, работа которого была сорвана. В силу ряда причин не стала исторической реальностью и объявленная в марте 1918 г. Белорусская народная республика (БНР). Белорусская государственность воплотилась в провозглашенной 1 января 1919 г. БССР, оказавшейся в начале 20-х гг. в составе СССР.

С этого времени в развитии этнических процессов на белорусских землях начался новый период, продолжавшийся до 1991 г. Белорусский этнос впервые стал развиваться в условиях собственного государства. Впервые на белорусских землях появился свой университет, академия наук, широкий простор был открыт для развития культуры, просвещения, экономики, иной стала социальная структура этноса. Несмотря на все сложности послереволюционного времени, удалось восстановить этническую территорию белорусской

нации, хотя ее некоторые районы остались за пределами белорусского государства. Преодолевались и потери, понесенные во время войн, репрессий и эмиграций, что нашло отражение в росте численности населения. В конце 80-х гг. XX в. в БССР проживало до 10 млн 151,8 тыс. человек, из них около 80% (77,9%) составляли этнические белорусы. Причем большинство из них, более 4,8 млн или 73,3% проживали в городах. Численность белорусов к 1989 г. в сравнении с предвоенным 1939 г. выросла с 4 млн 362 тыс. до 7 млн 905 тыс. человек или 1,8 раза. Национальный состав населения БССР по результатам переписей, проводимых в 1939 и 1989 гг., иллюстрирует цифры таблицы, содержащейся в книге А.А. Лазаревича и И.Я. Левяшпа «Беларусь: культурно-цивилизационный выбор», приводим ее без изменений.

Таблица 3 – Демографическая эволюция национальностей в БССР в 1939–1989 гг.

Национальность	1939 (в тыс. чел.)	1989 (в тыс. чел.)	Показатели изменений (в разях)
Белорусы	4 362	7 905	+1,8
Русские	248	1 342	+5,2
Поляки	120	418	+3,5
Украинцы	65	291	+4,8
Евреи	363	112	-3,2

Как видно из таблицы, большинство населения Беларуси и в 1939 г. и в конце 80-х гг. представляли жители коренной белорусской национальности. По данным переписи 1989 г. они составляли более трех четвертей всего населения – 77,9% и преобладали и в городах, и в сельской местности всех областей республики. Из лиц некоренной национальности более всего было русских и их численность выросла к концу 80-х гг. в 5,2 раза. Перепись показала, что почти столько же белорусов проживало и в России – 1 млн 206 тыс. человек. Всего же за пределами БССР проживало 2 млн 131 тыс. белорусов, в основном в России (12%), Украине (4,4%), Казахстане (1,8%). Довольно многочисленными были в БССР поляки, украинцы и евреи, хотя количество еврейского населения к концу 80-х гг. уменьшилось более чем в 3 раза. Всего же по данным переписи 1989 г. на территории Беларуси проживали представители более 100 наций и национальностей [59].

Исследования показали, что новым содержанием в советское время наполнялась и национальное самосознание коренных жителей белорусских земель, их самоидентификация была прочно связана с этнонимом «белорусы». Вместе с тем белорусы осознавали себя частью советского народа, такой термин широко использовался в 70–80-е гг.

Имелась и еще одна особенность. В БССР не придавалось должного значения белорусскому языку. Основная масса жителей Беларуси в повседневной жизни пользовалась русским языком, хотя родным, как показала перепись 1989 г., 80% жителей республики считали язык белорусский (в городах – 70%, в сельской местности – 97%). Невысокой была роль белорусского языка в сфере образования, причем в 70–80-е гг. она понизилась. Если в 1960/1961 учебном году в школах с белорусским языком обучалось 70,8% всех учащихся, то в 1988/1989 гг. – 20,8% [60, с. 405].

Научный анализ национально-этнического развития белорусских земель в советский период наиболее полно и обстоятельно сделан авторами четвертого тома издания «Беларусы». Имеется и ряд других исследований разных аспектов этнической истории Беларуси советского времени.

Особое место в истории белорусского народа занимает *постсоветский период*, начавшийся в 1991 г. Национально-этническая проблематика, как и другие аспекты нашей истории этого периода, активно разрабатывалась как в общегосударственных программах, так и в рамках более узких проектов, и не только не потеряла актуальности, но и приобрела общественно-политическое значение. Авторы многих публикаций отмечают, что молодому белорусскому суверенному государству удалось уже во второй половине 90-х гг. сдерживать националистические проявления, подогреваемые определенными политическими силами прозападной ориентации, выработать национальную политику, в основе которой лежали общечеловеческие и общегражданские ценности и накопленный опыт, в т. ч. и советского времени, и обеспечить стабильность в обществе и возможность для развития белорусской национальной культуры, не ущемляя интересы и других национальностей и этнических групп.

Вместе с тем на этнокультурные процессы, национальное самосознание, самоидентификацию белорусов стали оказывать воздействие не только изменения в обществе, но и такие факторы, как интеграционные процессы на пространстве стран СНГ, и мировая глобализация, новые коммуникационные системы. *Национальная самоидентификация жителей Беларуси в постсоветский период*

строилась на основе трех признаков: территориальном (родился на территории Беларуси), гражданском (являюсь гражданином Республики Беларусь) и этнокультурном (знание языка). Об этом свидетельствовали социологические опросы, проведенные в 2000-е гг. Согласно данным, полученным при опросе в 2009 г., 87% респондентов свою «белорусскость» определяли территориальным критерием (родился и живу в Беларуси, являюсь уроженцем определенного региона («тутэйшасць»)). Но важной и ценной являлась и культурная идентичность. На вопрос «Кого в первую очередь можно считать белорусом?» 41,3% ответили: «Того, кто воспитан на белорусской культуре и считает ее своей» (данные опроса Института социологии НАН Беларуси 2004 г.). Отмечалось и значение белорусского языка. На вопрос: «Чем для вас является белорусский язык?» большая часть респондентов (45,6%) отметили: «Это национальное достояние, которое надо уважать и беречь». Однако основная масса белорусов в повседневной жизни пользовалась русским языком. Уровень владения белорусским языком определялся такими ответами: «Читаю, понимаю разговорную речь, но плохо пишу и почти не разговариваю» – 42,7%; «Свободно владею, говорю, читаю, пишу, думаю» – 31,6%; «В основном понимаю разговорную речь, но не читаю и не разговариваю» – 22%. Совсем же не понимали, не читали и не писали по-белорусски только 2,3% опрошенных [61, с. 32].

Исследования показали также, что белорусы осознавали себя частью славянского мира. Как следовало из результатов опроса 2008 г. не идентифицировали себя со славянами только 5,1% белорусов. И, наоборот, свою принадлежность к ним в максимально высокой степени чувствовали более трети наших соотечественников (32,4%), в высокой степени – 29,9%, в средней – 21,4%, в малой – 7,8%, в минимальной – 3,2%. По пятибалльной оценочной шкале среднее значение оценок силы данной идентификации составило 3,65 [62, с. 117].

Имеются основания утверждать, что национализм в его радикальном проявлении как в советский период, так и в 1990–2000-е гг. не характерен был для белорусского народа. Белорусы как этнос формировались и развивались в сложных исторических условиях и тем не менее они не растворились среди иных народов, сохранили свою идентичность и ментальность. Состояние же белорусской идентичности, содержание ее компонентов определялись разными факторами социокультурного и политического характера. В постсоветский же период идентификация белорусов испытала воздействие не толь-

ко государства, но и оппозиционных сил республики, сказывались и процессы трансформации общества, внешние обстоятельства.

В заключение надо отметить, что в ходе научной разработки этнонациональных проблем предлагались разные концепции происхождения белорусов. Но никто не опроверг и вряд ли опровергнет тот факт, что белорусский этнос сложился и развивался как восточнославянский народ, относящийся к индоевропейской языковой группе, вобравшей в свою культуру достижения и других этносов и государств. Правда, и в наше время появляются публикации, авторы которых ставят под сомнение восточнославянскую природу белорусов, их субъектность, но это не наука, это – политика.

Тема 3. Современные научные подходы к изучению истории белорусской государственности

В числе научных проблем, которые в постсоветский период вышли на первый план при изучении прошлого нашей страны, приобрели актуальность, важнейшими стали те, которые относятся к белорусской государственности. Это вызвано несколькими причинами и прежде всего недооценкой самой ее истории в советской историографии. История белорусской государственности тогда, по сути, сводилась к образованию БССР, провозглашенной 1 января 1919 г. Основное внимание ученых было направлено на изучение проблем советского государственного строительства, раскрытие роли Компартии в создании белорусского государства, Советов как политической формы государственности, развитие социалистической демократии.

Слабо разрабатывались вопросы, касавшиеся зарождения и развития государственности на белорусских землях, ее истоков и первичных форм, предпосылок возникновения и развития. Методология же изучения государственности строилась лишь на марксистско-ленинском понимании, не использовались теории зарубежных ученых, напротив, они подвергались критике, представлялись лженаучными.

Отношение к данной проблематике, как и в целом к изучению прошлого Беларуси, изменилось в 90-е гг. прошлого столетия, когда Беларусь стала независимым государством и в ее Конституцию была внесена важная запись, в которой подчеркивались исторические аспекты белорусской государственности: «Мы, народ

Беларусі..., – отмечается в преамбуле Конституции, – абапіраючыся на шматвяковую гісторыю развіцця беларускай дзяржаўнасці, ... прымаем гэту Канстытуцыю» [1, с. 3]. Таким образом, проблемы белорусской государственности приобретали политическое значение и требовали глубокой и всесторонней разработки, что нашло отражение и в Комплексных программах научных исследований, которые стали утверждаться правительством Республики Беларусь с начала 2000-х гг. К выполнению этих программ, как уже отмечалось при рассмотрении первой темы, были привлечены не только сотрудники Института истории НАН Беларуси (в нем был создан специальный отдел), но и ученые кафедр вузов республики.

Необходимость изучения истории белорусской государственности определялась и той общей ролью, которую играло государство в обществе, истории народов. Именно оно с момента своего возникновения становилось основной формой организации социума и обеспечивало реализацию как внутренних, так и внешних задач, встававших перед обществом. «Без государства, – писал русский историк С. Соловьев, – народ не мог существовать и развиваться, лишь через него он обретает способность к успешному прогрессу» [2, с. 29, 33].

Необходимо отметить, что проблематикой, связанной с историей возникновения, становления и развития государств занимались и занимаются многие ученые. Эта проблематика включает как общетеоретические аспекты, так и конкретно-исторические явления и события, отражающие государствообразующие процессы, т. е. она носит комплексный характер. Выделилась целая область научных знаний – политогенез. При этом, несмотря на разные методологические принципы, на которые опираются современные исследователи, фактически все они признают тот факт, что государство следует рассматривать в двух значениях. Первое, государство – это географический объект или географическая единица, имеющая свои координаты, границы и политический центр – столицу. В этом отношении государство можно назвать страной. Сейчас, например, на земном шаре существует более 200 государств-стран, больших и малых, в том числе и страна-государство – Республика Беларусь.

Но государство – это не только страна как географический объект. Это – особое образование, которое возникает на определенной стадии развития общества и становится основной структурой его политической системы. При этом государства обладают целым рядом признаков, основными из которых являются: 1) наличие территории с постоянно проживающим населением, организованным

в социальные группы (классы, сословия, страты) и относящиеся к определенным этносам. Поэтому государства могут быть моноэтническими или полиэтническими. Жители же государства становятся его подданными, имеют гражданство (что не исключает проживание и неграждан). Без территории, закрепленной в границах, и своих подданных, постоянно проживающих на этой территории, подчеркивали многие политологи, государство как страна и как политический институт существовать не может.

Важнейшим признаком государства является наличие публичной власти, структур и механизмов ее осуществляющих. Создаются органы и учреждения, с помощью которых решаются как внутренние, так и внешне задачи, вырабатываются определенные нормы и принципы, закрепляемые в правовых актах. Поэтому государство и право генетически и функционально связаны. Используется и принуждение, для чего создаются специальные органы и службы.

Фактически все ученые выделяют и такой важный признак государства, как суверенитет, т. е. верховенство его законов, что обеспечивает независимое развитие государства, невмешательство других государств в его внутренние дела.

Безусловно, в таком качестве государство сложилось не сразу, но его признаки стали определяться уже на ранних стадиях, когда менялись представления членов социума о формах и средствах организации общественной жизни. И само государство не оставалось неизменным, совершенствовалось его устройство, политический строй и организация власти и управления, с учетом чего необходимо рассматривать и понятие «государственность».

Надо заметить, что это понятие привлекло к себе внимание лишь в постсоветский период. В советской историографии, да и политологии, понятие «государственность» особо не выделялось и, по сути, не объяснялось (не отражено в энциклопедиях и иных словарях-справочниках), в издаваемой же литературе оно отождествлялось с термином «государство». Актуальность данное понятие приобрело в 90-е гг. прошлого столетия после распада СССР, когда белорусский, украинский и другие народы стали искать истоки своей государственности. Но что такое государственность? Этот вопрос был поднят как российскими, так и белорусскими исследователями, и многие из них отмечали, что в понятии «государственность» отражаются как объективные процессы, развивавшиеся в обществе и приведшие к появлению новых форм организации общественной жизни, характерные для государства, так и субъективное понимание необходимости их создания и совершенствования. Поэтому

изучая прошлое, мы выясняем тот исторический момент, когда зарождалась и оформлялась государственность и какой этнос, а точнее социальная элита этноса была в этом заинтересована. На наш взгляд, наиболее точно и верно методологически обосновано это понятие формулировкой доктора политических наук, профессора МГИМО(У) МИД России Е.Г. Пономаревой: «Государственность – особый признак, состояние развития определенного общественного образования (нации, народа), сумевшего создать собственное государство, национальную правовую систему или восстановить эти институты, утраченные в силу различных причин. Государственность – это свойство, качество, состояние общества на конкретном этапе его развития» [3, с. 132]. С таких позиций объясняют понятие «государственность» и белорусские ученые В. Малиновский, Н. Смахович и др.

Понятия «государственность», «государство» неразрывно связаны, но не тождественны. Они характеризуют, во-первых, состояние общества на его разных стадиях и, во-вторых, качественные изменения в самом государстве. Например, государственность на белорусских землях времени появления первых княжеств – это одно, а государственность, скажем, периода ВКЛ, – это другое. Такие сравнения можно продолжить. В понятии «государственность» отражаются и специфические черты, характерные для стран и регионов. Так, специфические черты имели российская государственность, государственность стран Востока.

Опираясь на современные научные представления о политогенезе необходимо изучать и предпосылки возникновения государственности, ее истоки и формы. По этому вопросу также высказывались разные мнения, обосновывались целые теории и концепции. Так, греческие философы Платон и Аристотель связывали возникновение государства с потребностями людей. В Новое время появилась теория общественного договора (Т. Гобс и др.), распространившаяся в XVII–XVIII вв. В XIX в. была обоснована марксистская теория о происхождении государства. Философы-марксисты рассматривали государство как социальное образование, возникшее в период, когда появилась частная собственность и шло формирование классов.

Классовая теория господствовала в советской политологии и историографии, в современных условиях она не получила широкого распространения. И тем не менее и современные ученые связывают предпосылки возникновения государственности, ее истоки и формы с теми изменениями, которые происходили в общественной жизни в период разложения родоплеменного строя. В их основе

лежали три взаимосвязанных фактора: демографический (рост численности населения и тех коллективов, которые их объединяли), достижения в хозяйственно-экономической жизни (появление избыточного продукта), изменения в социальной сфере. Эта сфера не только усложнялась, но и становилась дифференцированной как в имущественном, так и функциональном отношении. Стратифицированные общества, отмечают многие исследователи, стоят уже непосредственно на пороге государственности. *«Раз существует стратификация, – пишет политолог М. Фрид, – то предпосылки государственности уже созданы и действительное формирование государства уже началось»* [4, с. 10].

Именно в результате стратификации усиливалась роль родоплеменной верхушки и выделявшихся из нее предводителей-вождей, выступавших под разными названиями. Одновременно определялась и та территория с проживающим населением, которая становилась основой первичных государственных образований и на которую распространялась власть правителей-вождей. Такие образования в современной политологии названы как *«вождества»*, и они непосредственно предшествовали рабовладельческим и феодальным государствам.

Таким образом, есть основания утверждать, что государство не может сложиться сразу или появиться из ниоткуда, ему предшествуют иные, менее развитые образования с определенным опытом и формами организации общественной жизни. Переход же от первобытного общества к государству был длительным, в разных регионах и народах он происходил не одинаково и не одновременно.

На эти общетеоретические положения стали опираться и белорусские историки, изучая проблемы зарождения и развития государственности на землях нашей страны. При этом в последние годы удалось расширить источники по истории белорусской государственности за счет более широкого использования выявленных письменных документов и материалов, в т. ч. и тех, что ранее не были доступны. Письменные источники всегда играли важнейшую роль, ибо отражали все сферы государства и функционирования его органов и учреждений. Обычно их подразделяют на три основные группы: 1) источники нарративные, т. е. описательные. Фактически первыми такими источниками стали летописи и хроники периода Древней Руси и Великого Княжества Литовского. Их анализ позволил раскрыть процессы и явления, которые лежали в основе возникновения и развития государственности на белорусских землях в раннем средневековье, а затем и в новое время. Летописные

источники, непосредственно относящиеся к истории Беларуси, содержатся не только в общем издании русских летописей (ПСРЛ в 38 томах), но и сборниках, вышедших в Беларуси в 90-е гг. К нарративным источникам относятся также работы античных и восточнославянских авторов, в которых содержатся сведения о славянах, их расселении; 2) вторую группу письменных источников составляют документы и материалы правового, юридического характера, т. н. акты, отражавшие сферу законодательства и судебной практики. Они появились уже в Древней Руси («Русская Правда» – законодательный памятник восточных славян XI–XII вв.) и широко были представлены в ВКЛ, Речи Посполитой и во всех последующих периодах белорусской истории. Это – не только княжеские грамоты (в 2009 г. была обнаружена ранее неизвестная грамота пинского князя Василя Наримонтовича, датируемая 1392 г., это самый ранний по времени письменный документ), но и общегосударственные своды законов – Судебник 1468 г., Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг., Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 г., правовые акты российского и советского времени, постсоветского периода. Большой интерес для историков представляют договоры и соглашения, подписанные в древнерусский период с Византией, Ригой, Ганзейским союзом, крестоносцами, созданными ими Орденами, другие международные документы. Необходимо заметить, что все основные правовые акты, законодательные материалы выявлены и опубликованы, доступны для изучения и использования; 3) важной является и еще одна группа письменных источников, это – документы и материалы, связанные с функционированием органов государственной власти и управления и отражающие решения по самым разным вопросам общественной жизни и отдельных граждан. Их называют материалами делопроизводства. В своей основной массе они хранятся в архивах, но в ходе исследований вводятся в научное обращение, имеются и публикации, примером может служить т. н. Литовская метрика – архивные материалы канцелярии ВКЛ. Использовались и археологические материалы, данные гуманитарно-обществоведческих наук, правоведения.

Все это позволило более аргументированно и обоснованно осуществлять научные исследования, а их результаты находили отражение в статьях, монографиях, учебных пособиях. В Институте истории НАН Беларуси началась подготовка и обобщающих изданий по истории зарождения и развития государственности на белорусских землях. Опубликована уже важная коллективная работа в двух томах «*Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII –*

начатку XXI стагоддзя». Реализуя Государственную комплексную программу научных исследований на 2006–2010 гг., Институт истории НАН Беларуси вместе с вузами организовал также ряд научных конференций по проблемам, которые касались различных аспектов белорусской государственности. При этом сотрудниками Института были обоснованы новые концептуальные подходы к изучению истории белорусской государственности, ее эволюции. Предложено при разработке проблем белорусской государственности использовать два понятия: *исторические формы белорусской государственности и национальные формы белорусской государственности*. На важность этих понятий обращалось внимание в публикациях научного сотрудника Института истории НАН Беларуси Н. Смеховича [5] и на них опирались авторы монографии по истории белорусской государственности в конце XVIII – начале XXI в. В ней подчеркивалось, что зарождение и развитие государственности на белорусских землях следует рассматривать как непрерывный процесс, в ходе которого она воплотилась в двух «формах: гістарычнай і нацыянальнай. Гістарычныя формы дзяржаўнасці на беларускіх землях належалі не толькі народу Беларусі, але і іншым народам, на тэрыторыі якіх гэтыя формы таксама існавалі. Таму гістарычныя формы дзяржаўнасці былі шматнацыянальнымі. Нацыянальная форма дзяржаўнасці – гэта такая форма, у якой закладзены нацыянальны змест тытульнага этнасу» [6, с. 8].

Этот вывод имел принципиальное значение, он позволил снять многие спорные вопросы, касающиеся оценки тех государств, в составе которых находились белорусские земли. Новые концептуальные подходы можно использовать и при разработке периодизации истории белорусской государственности. Она может быть представлена схемой, отражающей, на наш взгляд, следующие периоды: 1) *зарождение и оформление государственности (VI – середина XIII вв.)*; 2) *развитие государственности на белорусских землях в период Великого Княжества Литовского, усиление ее этнических черт (вторая половина XIII – 60-е гг. XVI в.)*; 3) *изменения и усложнения в развитии государственности во время нахождения белорусских земель в Речи Посполитой (70-е гг. XVI–XVIII вв.)*; 4) *государственность белорусских земель в условиях Российской империи (XIX в. – 1917 г.)*; 5) *оформление и становление белорусской национальной государственности, формы ее воплощения (1919 г. – конец 80-х гг. XX в.)*; 6) *Республика Беларусь – самостоятельное суверенное национальное государство (начало 90-х гг. XX в. – 2000-е гг.)*. Опираясь на данную периодизацию, можно про-

следить все изменения, которые происходили в истории белорусской государственности, выявить имевшиеся особенности.

Вместе с тем следует иметь в виду и тот факт, что в силу своего географического положения белорусские земли или определенная их часть могли оказаться в составе даже государственных образований, возникших в Центрально-Восточноевропейском регионе в первые века нашей эры во время второго «великого переселения народов». Это касается государства Германариха/Эрманариха, созданного готами в IV в. Историки, изучавшие готов, отмечали, что им тогда удалось подчинить многие племена, ставшие основой «варварского королевства», получившего в историографии наименование «государство Эрманариха», контролировавшего территорию от Волги до Карпат и от Черного моря до Балтийского [7].

Не исключено также, что восточнославянские земли, в т. ч. и южные земли Беларуси, могли оказаться в сфере влияния и государственного образования, созданного в V в. гуннами, вторгшимися в пределы Европы и разгромившими готов. Оно контролировало территорию от Дона до Дуная и от Рейна до Волги. Некоторые историки называли его «первой империей кочевников-скотоводов». Особенно усилилось это государство во время правления Атилы (середина V в. н.э.).

Но о том далеком времени сохранилось мало источников. Историю белорусской государственности мы можем проследить, начиная с раннего средневековья. При этом изучать процесс зарождения государственности на белорусских землях необходимо в общем контексте событий, происходивших в Восточной Европе со времени расселения здесь славян. Исследования, проведенные в последние годы, показывают, что племенные «княжения» славян, упоминаемые в летописях, можно рассматривать как своеобразные «вождества», ставшие основой государственности, воплотившейся затем в местных княжествах. Эти «княжения» сложились не сразу, процесс их формирования в разных регионах Восточной Европы, занятых славянами, продолжался, по мнению российского историка А. Горского, от 2 до 4 столетий, с VI–VII вв. и до IX–X вв. В течение этого времени определились и те политические центры, вокруг которых развивалась государственность, ими становились города. Таким образом, государствообразующие события и явления, связанные с зарождением государственности на восточнославянских землях, было бы неверно сводить лишь к образованию Киевской Руси, как это считали советские историки. Киевоцентричная теория государственной самоорганизации восточных славян поставлена под

сомнение, не находит поддержки у многих современных ученых. *Имеется достаточно оснований утверждать, что государственность на землях, занятых восточными славянами в раннем средневековье, зародилась и развивалась на полицентричной основе, а ее формой стали княжества раннефеодального типа, оказавшиеся в X–XI вв. под властью киевских князей [8].*

На белорусских землях государствообразующие процессы наиболее заметно проявились в Подвинье, где расселилась часть кривичей, и Поприпятье, занятом дреговичами. Здесь же возникли и древние белорусские города – Полоцк и Туров, ставшие политическими центрами, своеобразными столицами возникших здесь княжеств. История этих княжеств хорошо изучена. Особенно большое внимание уделялось Полоцкому княжеству и самому городу, вокруг которого оно сложилось. Исследованиями Полоцка, раскопками на его территории занимались более 20 профессиональных археологов, а количество публикаций по истории Полоцка и Полоцкого княжества составляет несколько десятков. В последние годы особенно много сделали для изучения Полоцка археологи местного университета, в частности, доктор исторических наук профессор Д.В. Дук. Обоснован вывод, что Полоцк возник на основе поселения балтов, куда проникли кривичи в конце VIII в., а в IX в. он был уже центром территориально-племенной структуры, располагавшейся в междуречье Западной Двины, Уллы и Ушачи. Со середины же XI в. Полоцк развивался как город в социально-экономическом смысле, имел не только детинец, т. е. укрепленный замок, но и посад, где проживали ремесленники и торговцы. Площадь города составляла 180 гектаров, а это больше чем площадь Киева (в начале XI в. она была равна 160 гектарам) и Новгорода (его площадь составила 150 гектаров только в XII в.). Полоцк, как видим, был крупным городским поселением раннего средневековья, именно вокруг него сложилось первое на территории нашей страны государственное образование-княжество-земля со своей властью, административно-территориальной структурой в виде волостей и довольно развитой экономикой и культурой. При этом Полоцкое княжество складывалось и развивалось на собственной генетической основе без участия внешних, иноземных сил, в частности, варягов – выходцев из Скандинавии. Следов их пребывания в Полоцке в IX – первой половине X в. не выявлено. К такому заключению пришел Д.В. Дук, выступая на одной из научных конференций, он отметил: «У адразненне ад ранніх структур Ладагі і Ноўгарада (Руракава гарадзішча) насельніцтва са Скандынавіі не аказала істотнага ўплыву на працэс

фарміравання сацыяльнай і тапаграфічнай структуры пачатковага Полацка (VIII–X ст.)» [9, с. 359].

Необходимо отметить, что государствообразующим процессам в Подвинье способствовало не только выгодное географическое положение этого региона, но и активная его колонизация проникшими сюда кривичами. *«Расселяясь среди иноплеменников и частично вытесняя их, пришлое славянское население должно было создать более высокий уровень социальной организации»* [10, с. 28]. Такой организацией стало княжение полочан, а Полоцк – центром управления подвластной территорией. Как показали исследования, в ходе расселения полочане-кривичи включили в состав своего «княженья» многие территории, и уже в XI в. Полоцкое княжество приобрело все основные черты, свойственные государственному образованию, с довольно широкой административно-территориальной структурой, в которую были включены центры локальных, местных племен, составивших основу волостей. Причем происходило это самостоятельно, независимо от Киева и нередко в результате военно-политических конфликтов с киевскими и другими князьями. В конце XI в. территория Полоцкого княжества составляла около 100 тыс. км². Власть полоцких князей распространялась не только на многие территории, занятые кривичами, но и на соседние земли дреговичей, радимичей, балтских и финно-угорских племен (ливов, латгалов, земгалов и др.) [11].

Анализ сохранившихся источников показывает, что полоцкие князья активно отстаивали свою самостоятельность, противодействовали соседним княжествам и киевским князьям, стремившемся подчинить полоцкие земли. Не исключено, что во второй половине IX в. Полоцкое княжество могло оказаться в сфере влияния Рюрика, призванного новгородцами. Полоцк, как видно из событий, описанных под 862 г., был отдан одному из приближенных Рюрика. В 865 г. на Полоцк совершили поход киевские князья Аскольд и Дир, и некоторые историки считают, что с этого времени кривичи попали в зависимость от Киева. Формы и степень этой зависимости неизвестны, возможно Полоцк выступал в качестве союзника киевских князей, о чем свидетельствовало участие дружин из Полоцка в походах киевских князей на Византию. В 980 г. на Полоцк совершил поход и новгородский князь Владимир, он захватил город, убив правившего здесь князя Рогволода и его сыновей, дочь же Рогнеда была увезена в Киев, который он также подчинил. С этого времени Полоцкое княжество оказалось в составе государства Русь (Киевская Русь). Но оно не потеряло самостоятельности и сумело

восстановить свою династию, которую представлял князь Изяслав – сын Рогнеды, ставшей женой киевского князя Владимира, внук Рогволода. Он был выслан с матерью на полоцкие земли и вскоре занял княжеский престол в Полоцке. Его приемники – князья Брячислав и Всеслав не только отстаивали независимое развитие Полоцкой земли, но и расширили свои владения.

Фактически все историки отмечали, что Полоцкое княжество занимало особое положение в той системе внутриаполитических отношений, которая сложилась в XI–XII вв. в Древней Руси, а Полоцк, по сути, являлся третьим, после Киева и Новгорода, политическим центром на восточнославянских землях. Этот факт признавался и советскими историками. Российский советский историк Л. Алексеев, изучавший историю полоцких земель, автор ряда публикаций по этой истории писал, что Полоцкое княжество «представляло наиболее самостоятельную политическую единицу Древней Руси» [12, с. 290].

Вторым очагом государственности на белорусских землях стало Туровское княжество, объединившее земли дреговичей. Они также обладали высоким уровнем развития, имели свое «княжение», о чем свидетельствует запись в летописи. Это был довольно крупный племенной союз, который по современной научной терминологии можно оценивать как «вождество», непосредственно предшествовавшее государственному образованию, воплотившемуся в Туровском княжестве. Северная граница расселения дреговичей проходила в районе нахождения полоцких кривичей, южная – по правобережью Припяти, примерно по современной границе с Украиной. На востоке она соприкасалась с радимичами по Березине и Днепру до Брагина, а на западе доходила до Западного Буга, Левобережье Понеманья также было заселено дреговичами. Именно эта обширная территория и стала государственным пространством Туровского княжества, хотя некоторые земли дреговичей в XI–XII вв. оказались во владениях других княжеств Руси (Киевского, Черниговского, Владимирского).

История Туровского княжества отражена во многих работах, и большинство исследователей признавали его в качестве самостоятельного политического и территориального образования (сомневались лишь М. Тихомиров и П. Толочко). Наиболее обстоятельно история Туровского княжества изложена в монографии белорусского историка П. Лысенко, вышедшей в 1974 г. (переиздана в 1999 г.). Проанализировав большой фактический материал, почерпнутый из разных источников, П. Лысенко пришел к выводу, что «Туровская земля наравне с другими княжествами Руси имела все атрибуты

самостоятельного княжества – стабильную территорию, верховную власть в лице князя, свою династическую линию. Более того, она была одним из самых значительных княжеств» [13, с. 87]. О важности и значении Туровского княжества свидетельствует и тот факт, что в Турове – его политическом центре после принятия христианства была основана одна из первых епархий на Руси (1005 г.).

На возникновении и развитии Туровского княжества положительно сказывалось его географическое положение, оно контролировало территории, связанные речной системой Припяти. Поэтому этот регион привлекал внимание и соседних древнерусских княжеств и даже европейских государств (Польское королевство). Но особое внимание ему уделено было киевскими князьями. Свой контроль на Туровские земли они распространили, как считали некоторые историки (В. Королюк, В. Папуто), до 60-х гг. X в. Белорусские историки А. Иов и П. Лысенко этот контроль связывают с 80-ми гг. X в. Но не вызывает сомнений тот факт, что уже в конце X в. Туровское княжество было прочно привязано к Киеву и не обладало той самостоятельностью, которую имело Полоцкое княжество. Киевские князья не только посылали в Туров своих представителей, но и сами владели туровскими землями, из 11 князей, занимавших киевский престол от Владимира Святославовича до Всеслава Олеговича, 8 – одновременно являлись и туровскими князьями. И тем не менее и Туровское княжество стремилось к самостоятельному развитию и восстановлению своей местной княжеской династии. Это стало возможным во второй половине XII в., когда во главе Туровского княжества стал Юрий Ярославович, представлявший династию Изяславовичей.

В ходе расселения славяне закрепились и на юго-востоке Беларуси, в бассейне Сожа и других здешних рек. Как известно, это были радимичи. Но здесь государствообразующие процессы не получили развития, самоорганизация радимичей была связана с племенной структурой, находившейся на стадии формирования вождества. Сказывалась не только малочисленность радимичей, но и внешние обстоятельства, зависимость от хазар, которым они выплачивали дань, подчинение киевским князьям. Так, первый, зафиксированный в летописях поход на радимичей совершил в 885 г. киевский князь Олег, освободив их от выплаты дани хазарам. Но примерно через 100 лет, в 984 г., на радимичей ходил со своим войском и киевский князь Владимир, одержав победу над ними в битве на реке Песчань (недалеко от Пропошеска, Пропойска, современного Славгорода), некоторые историки считают, что битва состоялась около Гомеля.

Таким образом, расселение славян на землях Беларуси и в других регионах Восточной Европы изменило не только состав населения. Ускорилося общее историческое развитие всей Восточной Европы и здесь сложились предпосылки для государствообразующих процессов, развивавшихся вокруг нескольких политических центров, наиболее крупными из которых были Полоцк, Новгород и Киев. Полицентричный характер государственности не изменило и объединение новгородских земель с владениями киевских князей и распространение власти этих князей на другие местные княжества. Государство, которое возглавили киевские князья, оказалось непрочным и уже с конца XI в. наметились явления, которые привели к раздробленности всех княжеств. Наступал новый период – удельный, государственность сохранялась, но развивалась на региональном уровне. Этому способствовали и успехи в экономическом развитии восточнославянских земель, формирование феодальных отношений. Княжеские уделы постепенно выделились на всей территории Древней Руси. Российский историк Б. Рыбаков считал, что в начале XIII в., накануне нашествия монголов, на восточнославянских землях имелось около 50 удельных княжеств.

Распались и княжества белорусских земель. Так, на территории Полоцкого княжества появилось 6 уделов, Туровское княжество распалось на 5 уделов, небольшие княжества в XII – начале XIII в. возникли и в других регионах Беларуси. Политическая карта средневековой Беларуси усложнилась, в XIII в. на белорусских землях существовало, по подсчетам М. Довнар-Запольского, около 20 мелких княжеств.

Возникновение удельных княжеств не было случайностью, оно отразило важные изменения в общественных и государственно-политических процессах, поэтому удельный период неверно оценивать с негативных позиций. В этот период произошло перераспределение политических сил и определились новые центры, вокруг которых в дальнейшем будет проходить консолидация раздробленных земель. Положение, сложившееся на белорусских землях в период раздробленности, освещается в ряде публикаций белорусских историков, вышедших в 1990–2000-е гг. (Ю.А. Заяц, О.Н. Левко, И.А. Виданова и др.).

Как видим, государственность на белорусских землях имела свои исторические корни, формы организации территориального пространства, а ее этнической основой стали объединения восточных славян.

И тогда же складывались и структуры, связанные с организацией власти и управления, зарождались и оформлялись другие

элементы политической и правовой систем, присущие государству. Они также имели истоки. Многие политологи, социальные антропологи отмечали, что корни власти, как и самой государственности, следует искать в иерархии, свойственной общественной организации людей, которую усиливала стратификация. Властными полномочиями обладали уже правители вождеств, за которыми у славян закрепилось название «князь» (оно известно во всех славянских языках и возможно было воспринято от германцев, у них предводители вождеств назывались «конунгами»). Поэтому не случайно уже первые государственные образования у восточных славян, в том числе и те, что складывались на белорусских землях, носили монархический характер. Можно полагать, что роль князей определилась в княжениях, названных в летописи. Само название «княженье»/«княжение» отразило факт существования князя, как субъекта власти. Из летописных источников видно, что лица, осуществлявшие высшую власть в первичных государственных образованиях происходили из особого «княжеского рода», скорее всего из старейшин племен или союзов племен. Термины «князь», «светлый князь», «великий князь» содержатся во многих письменных источниках, в частности, в договорах Руси с Византией 907 и 911 гг. Князь, как отмечал Г. Штыхов, явился «зусім неабходным прадстаўніком сацыяльна-палітычнай арганізацыі» общества, а его отсутствие «парушала нармальнае жыццё княства» [14, с. 323].

Сохранилось немного сведений о первых князьях на белорусских землях, их происхождении. Ситуация, складывавшаяся тогда на восточнославянских землях, не исключала возможности того, что правитель, т.е. князь, мог быть и не местного происхождения, приглашен из иноэтнического общества. Таковым был Рюрик, положивший начало княжеской династии, представители которой возглавили Древнерусское, а затем и Российское государство. Варяжского происхождения мог быть и полоцкий князь Рогволод. Приглашение правителей из других стран, иного происхождения было широко распространено в Европе не только в средневековье, но и в более позднее время.

Многие историки подчеркивали, что усилению роли княжеской власти способствовала не только поддержка князя социальной элитой, но и широкими слоями населения. Княжеская власть необходима была для обеспечения общественной безопасности, спокойствия, стабильного развития государственного образования, что было особенно важно в период его формирования. Опорой князей, как великого киевского, так и местных, стала также православная

церковь, созданная в ходе распространения христианства. В отличие от язычества христианская вера в единого Бога соответствовала единовластию в государстве, и не будет преувеличением сказать, что православная церковь, духовенство способствовали укреплению княжеской власти, ее сакрализации. Так, с принятием христианства в Киеве, Полоцке и других политических центрах земель княжеств получила распространение практика «целования» креста для подтверждения князем взятых на себя обязательств, а также условий того договора/ряда, который он заключал с горожанами на вече. Особенно крестоцелование необходимо было, когда князья приглашались из других земель, а это было широко распространено в период раздробленности. «І Рагвалод прысягнуў (палачанам) на крыжы – отметил летописец, описывая события, происходившие в Полоцкой земле в 1159 г., – што ён не прыпомніць ім усё тое (дрэннае), што яны яму ўчынілі, і адпусціў іх назад» [15, с. 38].

Сложилась определенная практика и передачи княжеского престола, в основу которой был положен принцип наследования верховной власти одному из сыновей умершего князя. «В тот же год умер Брячеслав (полоцкий князь. – П.Д.), сын Изяслава, внук Владимира ... и Всеволод, сын его сел на его столе», – записано в летописи. Однако такой порядок нарушался и не всегда действовал, особенно тогда, когда местные княжества оказались под властью киевского князя, который мог назначить своих представителей/наместников. Но бывали случаи, когда княжеский престол занимался силой, в результате вооруженной борьбы.

Исторические источники свидетельствуют, что у князей белорусских земель были широкие полномочия, причем они стремились к самостоятельности и нередко вступали в борьбу с киевским князем, стремились обеспечить суверенность местной власти. Полоцку способствовало и то обстоятельство, что в нем правили представители династии Рогволодовичей, хоть эта династия была связана с Рюриковичами, она стала особой княжеской ветвью.

Вместе с тем авторы многих работ, вышедших в 1990–2000-е гг., отмечали, что нельзя преувеличивать роль князей в осуществлении власти. Они решали государственные и общественные дела не единолично, а опираясь на формировавшуюся знать, входившую в дружины. Имеются основания утверждать, что дружинная организация возникла уже во время племенных княжений, а ее функции возрастали по мере развития государственности, а княжеские дружинники выполняли не только военные дела. Из числа княжеских дружинников формировался особый слой служебных

людей, за которыми постепенно закрепились названия «баляры», «бояре», «дворяне». Вместе с родственниками и ближайшими сподвижниками местных князей они составляли политическую элиту. Изменение функций княжеских дружин особенно стало заметно в XII в. *«В отличие от предшествовавшего времени (IX–X вв.), – пишет О. Левко, – дружина уже не была отрядом воинов, лично преданных князю. Это был социальный слой, представленный знатью и зажиточной частью населения государства, через который осуществлялось управление в различных отраслях политической и хозяйственной деятельности»* [16, с. 21]. Такую оценку дружины в настоящее время разделяют многие историки. Появился даже термин *«дружинное государство»* в отношении к Древней Руси второй половины X – первой половины XI в. [17]. Наиболее приближенные к князю дружинники, другие представители знати могли входить в раду или думу, которые действовали при князе.

Опорой князей, важной социальной силой, оказывавшей воздействие на власть, на решение государственных дел становились города. Процесс урбанизации охватил тогда все земли Древней Руси и именно в городах находились князья и органы, осуществлявшие управление, они привязывали власть к определенной территории. Жители городов имели возможность избирать князя, оказывать воздействие на его политику, используя т. н. вече. О вечевых собраниях в городах Древней Руси имеются сведения во многих летописях. Например, только в трех летописях – Новгородской Первой, Ипатьевской и Лаврентьевской – содержится 250 сведений о вечевых собраниях, из них 62 прямые и 143 косвенные. В Повести временных лет вече впервые упоминается под 997 г. [18]. На белорусских землях вече собирались также во многих городах, но наиболее важную роль оно играло в Полоцке, здесь вечевые собрания проводились даже в XV в.

В процессе формирования и развития государственности складывались и местные структуры управления, менялась правовая сфера, на смену обычному праву шло письменное право, отражавшееся в разных документах юридического характера, в т. ч. и в «Русской Правде» – более широком правовом документе, игравшем на восточнославянских землях роль свода законов. Создавалась и военная организация, другие службы. Эти аспекты государственности были предметом изучения многих белорусских историков, что позволило расширить и углубить научные представления о всех сферах политогенеза у восточных славян, расселившихся на территории нашей страны в раннем средневековье. Для более углубленного изучения

данной проблематики рекомендуется использовать специальные публикации.

Однако остаются и нерешенные вопросы, они касаются не только княжеств белорусских земель, но и Древнерусского государства в целом. Имелись публикации, авторы которых, фактически отрицали наличие ранней государственности у восточных славян, считали, что они находились, даже в древнерусский период, на стадии «вождества». Само же Древнерусское государство (Киевская Русь) называли «игучным, нетрывалым ваенна-адміністрацыйным аб'яднаннем» (Н. Ермалович) или вообще отрицали его. Острым остается вопрос о влиянии внешних сил на политогенез у восточных славяне, в частности, скандинавов.

Безусловно, государствообразующие процессы у восточных славян имели свои особенности, обусловленные территориально-географическими обстоятельствами, громадностью того пространства, которое они осваивали, своеобразие социальной обстановки (наличие общины у сельских жителей, определявшей организацию землепользования), внешними и другими факторами.

Но было бы неверно преувеличивать эти особенности, не учитывать общие закономерности и тенденции, развивавшиеся на европейском континенте в средневековый период. Общеευропейски явления и региональные различия важно изучать, используя сравнительный метод, на что обращали внимание многие ученые. *«Поскольку в государствообразовании и дальнейшем развитии этого всеобъемлющего в человеческом обществе феномена сочетаются общие черты и локальные варианты, — пишет Я.Г. Риер, — анализировать указанный процесс целесообразно, прежде всего, сравнительным методом с помощью компаративистики. Это позволяет уберечься от создания так называемых мифов, традиционно свойственных практически всем национальным историографиям»* [19, с. 12].

Таковы основные события и явления, которые необходимо учитывать, изучая историю зарождения и развития государственности на белорусских землях в средневековый период. Исследования, проведенные в 1990–2000-е гг., позволили более глубоко и объективно раскрыть государствообразующие процессы того времени, показать роль Полоцкого и Туровского княжеств, ставших первыми государственными образованиями на территории нашей страны. Вместе с тем они развивались не изолированно от других политических центров Руси, определенное время находились в составе государства известного как Киевская Русь.

Однако многие аспекты истории этого государственного образования по-прежнему остаются спорными и, по сути, не решенными. Это касается его этнической природы, устройства, положения в нем княжеств, возникавших на землях, занятых восточными славянами. Острым остается вопрос о влиянии внешних сил на политогенез у восточных славян, в частности, скандинавов. Это влияние нельзя не учитывать, но в белорусской исторической науке господствует мнение, что возникновение государственности у восточных славян, в т. ч. и тех, которые расселились на белорусских землях, было детерминировано, обусловлено внутренними процессами, а Полоцкое и Туровское княжества, как и в целом Древняя Русь, стали историческими формами государственности, зародившейся и развивавшейся на пространстве Восточной Европы.

Изучая историю белорусской государственности, важно опираться на новые научные подходы к оценке тех явлений и событий, которые происходили на белорусских землях в период их нахождения в составе Великого Княжества Литовского/ВКЛ. Этому периоду историки нашей страны в 1990–2000-е гг. уделили особенно большое внимание, тогда вышли многие публикации по истории ВКЛ, издан ряд крупных работ, в числе которых надо выделить обобщающее академическое издание «*Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага*». Это был второй том истории Беларуси, который готовился в 1990-е гг., в нем рассмотрены все основные вопросы, касавшиеся образования и развития ВКЛ с момента его возникновения и до объединения в 1569 г. с Польским королевством. Важнейшим достижением белорусских ученых стала подготовка и издание 3-томной энциклопедии ВКЛ. В содержащихся в ней статьях отражены все сферы государственной жизни белорусских земель в период их нахождения в ВКЛ, изложены взгляды историков на политический строй Княжества, его административную и правовую систему, другие аспекты.

О возросшем интересе к истории Беларуси периода ВКЛ свидетельствует увеличение общего количества публикаций по проблематике этого периода. Так, если в 1990 г. их было 47, в 1991 г. – 100, то в 1992 г. количество публикаций возросло до 183 [20, с. 317]. В 1990–2000-е гг. состоялся ряд научных дискуссий в виде «круглых столов», многие научные конференции, крупнейшей из которых стала Международная научная конференция «*Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура*», состоявшаяся в Минске 5–6 ноября 2015 г.

Исследуя проблемы государственности Беларуси периода ВКЛ, белорусские историки учитывали и те научные разработки, кото-

рые были сделаны ранее, в т. ч. и зарубежными учеными. Вместе с тем необходимо было оценить достижения предшественников, выявить недостаточно изученные вопросы и аспекты. Это было важно и потому, что в БССР историография ВКЛ как особое направление научных исследований фактически отсутствовала. Это направление определилось лишь в 90-е гг., и первая попытка проанализировать положение в деле изучения истории ВКЛ со времени получения Беларусью государственной независимости была сделана на Международном круглом столе «Гісторыя вывучэння Вялікага Княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.», который состоялся 16–18 мая 2003 г. в Гродно. В нем участвовали историки не только Беларуси, но и России, Литвы, Украины и Польши. Материалы круглого стола были опубликованы в 2006 г. Историография истории ВКЛ рассматривалась и в опубликованных монографиях, диссертациях, обобщающих изданиях, статьях [21].

Все это позволило не только научно переосмыслить, по-новому рассмотреть многие ранее сложившиеся представления о ВКЛ, положении в нем белорусских земель, но подойти к изучению истории Княжества с национально-белорусских позиций, более объективно определить национально-этнический характер ВКЛ, состояние и развитие его государственности. Так, уже в 90-е гг. фактически все исследователи признавали то факт, что белорусские земли, т.е. западные земли Руси, стояли у истоков ВКЛ, причем были включены в его состав без особого сопротивления, чему способствовали как внешние, так и внутренние обстоятельства. Этот момент был выделен уже в дореволюционной российской историографии. *«Сила оружия, – писал М. Любавский, – имела второстепенное значение под давлением сложившихся исторических обстоятельств, западно-русские земли сами должны были идти в объятия Литвы»* [22, с. 103]. Проблема образования ВКЛ не может быть сведена к завоеваниям восточнославянских земель литовскими князьями, как это считалось в советской историографии. Такие завоевания имели место, они зафиксированы в письменных источниках, но касались отдельных регионов, в частности, поднепровских, восточнобелорусских территорий (завоевательный характер этих земель признавали историки В. Антонович, М. Довнар-Запольский, В. Пашуто, польские историки Л. Колонковский, Г. Ловмянский). Однако в основе возникновения ВКЛ, включения в его состав белорусских и других восточнославянских земель лежали более глубокие явления. Прежде всего надо учитывать балто-славянские связи и контакты, развивавшиеся в регионе Верхнего Понеманья, где начался процесс

сближения Литвы и Руси. Они возникли в ходе славянской колонизации края во второй половине X–XII вв., и здесь была создана материальная и духовная культура, ставшая очагом цивилизованности всего региона, сыгравшая важную роль в генезисе ВКЛ. Переход же западнорусских княжеств под власть великих литовских князей во многом был обусловлен усложнением их положения после нашествия монголов. Это нашествие не только разорило древнерусские земли, но и разрушило политическую систему, в той или иной мере связывавшую княжества Руси в удельный период. В результате монгольского нашествия изменилась вся сфера внешних, международных отношений на пространствах Восточной Европы, а Золотая Орда, созданная монголами, подчинив Северо-Восточную Русь, стремилась установить контроль и над юго-западными и западными землями, что способствовало их вовлечению в формировавшееся ВКЛ. Усложнилось положение и на балтских землях, где активно развивались государствообразующие процессы. Можно согласиться с мнением, что *«геополитическая ситуация в регионе породила взаимную заинтересованность в друг друге литовской и соседних восточнославянских правящих элит»* [23, с. 17].

Немаловажное значение имела и наметившаяся на восточнославянских землях уже в XIV в. общая тенденция к преодолению раздробленности Руси, к политической консолидации удельных княжеств. Эта тенденция отражала как объективные процессы, развивавшиеся здесь, так и субъективные устремления разных слоев населения. Назревала необходимость в объединении и одним из центров такого объединения становилось ВКЛ. Именно ему удалось укрепить свои позиции в западном и юго-западном регионе Руси, оттеснив, а затем и подчинив Галицко-Волынское княжество, стремившееся также собрать соседние земли. Роль ВКЛ как одного из собирателей раздробленных земель Руси была обоснована уже в работах российских дореволюционных историков. Эту роль признавали и белорусские историки и, в частности, В. Игнатовский. *«Літоўска-беларуская дзяржава (так он называл ВКЛ. – П.Д.), – писал В. Игнатовский, – з самага пачатку свайго існавання ўзяла на сябе заданьне сабраць у адзін палітычны арганізм заходнюю частку рускіх славян»* [24, с. 92]. Правда, в советский период данная точка зрения не закрепились в исторической науке. Тогда ВКЛ рассматривали не как собирателя, а как завоевателя земель Руси, собирателем считалось Московское княжество.

Оценка политической ситуации, сложившейся на восточнославянских землях в XIII–XIV вв., стала меняться в 70–80-е гг. прошлого

столетия. Уже тогда многие российские и белорусские историки пришли к выводу, что объединительный процесс на этих землях носил полицентрический характер. На роль собирателя раздробленных земель Руси тогда претендовали несколько княжеств: Московское, Тверское, Галицко-Волынское и возвышавшееся Великое Княжество Литовское, которому разными путями и средствами удалось вовлечь в сферу своего влияния многие удельные княжества западной и юго-западной Руси, опередив в этом Московское княжество. Оно усилилось позднее, заявив о претензиях на все древнерусские земли.

Таким образом, в XIII–XIV вв. создавалась реальная возможность объединения балтских и соседних восточнославянских земель в составе ВКЛ. Это был симбиоз, жизненно необходимый обоим сторонам, обусловленный центристскими тенденциями, которые вызревали как на землях этнической Литвы, так и на территории западнорусских княжеств, и уже в конце 40-х – начале 50-х гг. XIII в. появилось, как справедливо заметил В. Носевич, довольно устойчивая государственно-политическая структура, которая *«аказалася настолькі жыццяздольнай, што няўхільна аднаўлялася пасля неаднаразовых крызісаў на працягу другой паловы XIII–XIV стст.»* [25, с. 75]. Возможно, с этого времени, т. е. со времени князя Миндовга, государственное образование, объединившее часть этнически литовских и соседних западных земель Руси стала называться Великим Княжеством Литовским (некоторые историки не рассматривают это образование как государственное, считают его «сложным вожжеством» (Я. Риер)).

В дальнейшем ВКЛ расширялось за счет включения, разными путями и средствами, и других восточнославянских и прежде всего белорусских земель. Именно они были основной частью его территории и, как писал итальянский историк Пьетро Дини, уже со времени Гедымина они *«становіліся паўнапраўнымі саўдзельнікамі ўсёй наступнай палітычнай гісторыі новага дзяржаўнага ўтварэння»* [26, с. 51].

Анализ положения белорусских земель в составе ВКЛ показал, что они не только сохраняли все основные элементы государственности, но и оказали воздействие на политический строй ВКЛ, его административную и правовую систему. Не случайно многие историки указывали, что ВКЛ не просто собрало, включило в себя значительную часть восточнославянских земель, но стало и преемником социально-политических и правовых порядков, сложившихся здесь в период Древней Руси, испытав в дальнейшем польское воздействие. Это факт признавали польские и российские историки уже в

XIX в. Так, по сути, первый обобщающий анализ «литовско-русской государственности ВКЛ» был сделан в работах польского ученого, сотрудника Виленского университета И. Лелевеля. Важную роль белорусских и других восточнославянских земель в создании и развитии ВКЛ, их влиянии на его государственно-политический строй признавали и другие ученые – сотрудники Виленского университета, его выпускники И. Данилович, И. Ярошевич, М. Бобровский, Т. Нарбут. В этом отношении выделяется книга И. Ярошевича *«Образ Литвы с точки зрения цивилизации с древнейших времен и до конца XVIII в.»*. Раскрывая этот образ, И. Ярошевич отметил, что *«все стороны жизни Литвы развивались под влиянием государственности и права русинов. Только крещение Литвы по католическому обряду сдержало ее преобразование в полностью русское государство и подготовило борьбу между литовцами и русинами»*. Так оценивал ВКЛ и Осип Сеньковский – выпускник Виленского университета, ученик И. Лелевеля, ординарный профессор кафедры арабской и турецкой словесности Санкт-Петербургского университета.

Наличие «русской» государственности в ВКЛ признавали и российские историки. Так, одним из первых историков России, который обратил внимание на территориальное, демографическое, культурное и религиозное преобладание русского населения ВКЛ над этническими литовцами был Н. Устрялов, стоявший у истоков западнорусской идеологии. Его понимание ВКЛ наиболее полно было изложено в книге *«Русская история»*, часть I в разделе *«Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать княжество Литовское»* (СПб., 1839). Н. Устрялов был одним из первых историков, кто называл ВКЛ «литовско-русским государством».

Взгляды Н. Устрялова на ВКЛ развивали российские историки второй половины XIX в., особенно те, что принадлежали к государственно-юридической школе, сложившейся в российской историографии. Их работы были подготовлены на основе широких исторических источников, отличались глубоко обоснованными выводами, а многие носили комплексный, обобщающий характер. Примером может считаться монография профессора Московского университета М. Любавского *«Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно»*, изданной в 1910 г. Высоко оценивалась роль ВКЛ в истории Беларуси и в публикациях профессора Санкт-Петербургского университета А. Преснякова, в частности, в его лекционном курсе по русской истории. Как пишет Г. Голенченко, *«упершыню ў навуковых і дыдактычных працах такога ўзроўню гісторыя Заходняй Русі – Беларусі і Украіны –*

прадстаўлена самастойным аб'ектам даследавання і ў пэўнай ступені суб'ектам уласнай гісторыі і тэматычна выдзелена з агульнай гісторыі «Літоўска-Рускай дзяржавы»... У адрозненні ад Любаўскага аўтар прыйшоў да высновы, што дзяржаўнасць ВКЛ захоўвалася і пасля Люблінскай уніі» [27, с. 19].

На работы русских ученых опирались и белорусские историки 20–30-х гг. XX в. В. Игнатовский, В. Пичета, М. Довнар-Запольский, причем основное внимание они уделяли положению белорусских земель в ВКЛ и считали, что именно эти земли во многом определили этнонациональную природу ВКЛ, для них оно было «литовско-белорусским государством».

Но такие оценки не получили развития в белорусской историографии советского периода. Напротив, ВКЛ стало рассматриваться как государство литовских феодалов, захватившее и угнетавшее белорусский народ, и период нахождения белорусских земель в составе ВКЛ был назван как «наиболее мрачные годы в истории Беларуси». Такая формулировка содержалась в Тезисах об основных вопросах истории Беларуси, утвержденных ЦК КПБ в 1948 г. На них должны были опираться авторы, готовившие обобщающую работу по истории Беларуси (1-й том этой работы вышел в 1954 г., а 2-й – в 1958 г.).

Отношение к ВКЛ стало меняться в 80–90-е гг., когда появились публикации, авторы которых открыто заявили о необходимости и важности изучения истории ВКЛ и считали, что прежние схемы и представления о положении в них белорусских земель не соответствуют исторической реальности. Так, российский историк С. Думин в статье «Об изучении истории Великого княжества Литовского», опубликованной в 1988 г. в журнале «Советское славяноведение», отметил, что имеются все основания утверждать, что ВКЛ «явилось формой государственного существования не только литовцев, но и белорусского народа». Еще более развернуто он изложил свой взгляд на историю ВКЛ в очерке «Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское)», помещенном в книге «История Отечества: люди, идеи, решения», изданной в 1991 г. в Москве.

Среди работ белорусских ученых, посвященных истории ВКЛ и выпшедших в 80–90-е гг. прошлого столетия, большой резонанс не только в научных кругах, но и в обществе вызвали публикации Н. Ермоловича, в которых он доказывал, что ВКЛ изначально формировалось как «беларуская дзяржава», его последняя работа, изданная уже после его смерти, так и называлась «Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае» (Минск, 2000).

Однако мнение Н. Ермаловича, хоть и было поддержано многими, кто интересовался прошлым Беларуси, не закрепилось в исторической науке, оно не было оригинальным, белорусский характер ВКЛ признавали и обосновывали многие деятели белорусского национального движения еще в 20-е гг. прошлого столетия, а в 1990–2000-е гг. их взгляды распространяли представители т. н. «адраджэнскай» историографии истории Беларуси. Эти взгляды изначально были политизированы. К созданию концепции ВКЛ как государства белорусского профессиональные историки, отмечает И. Марзалюк, «не мелі ніякага дачынення». Поэтому взгляды Н. Ермаловича не закрепились в белорусской исторической науке, но его публикации привлекли внимание к ВКЛ и интерес к этому государству вырос. При этом состоялся ряд научных дискуссий в виде «круглых столов», научных конференций по проблематике ВКЛ и роли в его образовании и развитии белорусских земель. Так, первый такой «круглый стол» был организован в апреле 1992 г. в Минске под названием «Беларусь в Великом Княжестве Литовском» и носил международный характер, где участвовали, кроме белорусских историков, ученые из Польши, Англии, Италии, всего 31 человек. Материалы дискуссии были опубликованы в виде стенограммы, а фрагменты – в журнале «Беларуская думка» (№ 10 за 1992 г.). Стоит заметить, что этот «круглый стол» проигнорировали литовские историки. Но в июне 1992 г. в пос. Гервяты Островецкого района, что на Гродненщине, состоялась их официальная встреча с белорусскими коллегами, названная «Белорусско-литовский научный круглый стол», посвященная ВКЛ, на которой был принят важный итоговый документ. В 1993 г. «круглый стол» по истории ВКЛ был организован редакцией российского журнала «Родина» с участием российских, белорусских, литовских и польских историков. В 90-е гг., как уже отмечалось, расширилось и количество публикаций по истории Беларуси периода ВКЛ, состоялись многие научные конференции.

Все это позволило выработать более обоснованные суждения как по отдельным аспектам истории ВКЛ, так и по проблемам более общего характера, в частности, тех, что касались государственности ВКЛ, его этнической природы. *Обосновано мнение, что ВКЛ можно рассматривать как полиэтническое государство, сложившееся на балто-восточнославянской территориальной основе, в котором определяющую роль играли белорусский и литовский этносы, и есть основания называть его белорусско-литовским или литовско-белорусским государством, имея в виду и важный вклад, кото-*

рый внесло в его развитие население украинских и русских земель. К такому выводу пришли участники международного круглого стола, состоявшегося в апреле 1992 г. в Минске. В итоговом документе, принятом по результатам прошедших дискуссий, было записано: *«Усе народы, які прымалі ўдзел у палітычным, эканамічным і культурным жыцці Вялікага княства Літоўскага, а найперш беларускі і літоўскі, з'яўляюцца гістарычнымі спадкаемцамі гэтай дзяржавы. Таму ёсць падставы ўжываць тэрмін для вызначэння дзяржаўнасці Вялікага княства Літоўскага, Рускага Жамойцкага – Беларуска-Літоўскае гаспадарства»* [28, с. 121]. С такой оценкой согласились и литовские историки, участвовавшие в «круглом столе» в Гервятах, состоявшемся в июне 1992 г. Здесь отмечалось, что ВКЛ можно *«вызначыць з сённяшняга гледзішча як літоўска-беларускую або – раўназначна – беларуска-літоўскую дзяржаву»*.

С таких позиций к определению этнического характера ВКЛ подходили в 1990–2000-е гг. многие белорусские ученые, и они находили отражение в учебных пособиях. Но высказывались и другие мнения. Некоторые исследователи считали, что *«не зусім дакладна будзе казаць пра «этнічны характар ВКЛ». Патрэбна вырашаць праблему этнанацыянальнага характару ВКЛ (Э-праблему), паколькі яна складаецца з дзвюх узаемазвязаных пытанняў: устанаўлення этнанацыянальнай асновы насельніцтва і ўлад, а гэтыя асновы не супадаюць»* [29, с. 81].

И тем не менее в те годы удалось обосновать более полное, а главное более объективное представление о состоянии и развитии белорусской государственности в важный период истории Беларуси – период нахождения белорусских земель в ВКЛ. Зародившись ранее, белорусская государственность продолжала развиваться и обогащаться в общем политическом организме ВКЛ, оказывая на него существенное воздействие. Именно тогда более четко определилось само территориальное пространство, на котором развивались государствообразующие процессы, сложилась новая структура органов власти и управления, более совершенным стало законодательство, судебно-правовая система. Новым содержанием наполнились этнокультурные процессы, а белорусский этнос приобретал черты, отличавшие его от других народов. Социальная элита белорусских земель из числа феодальных сословий (князей и бояр, шляхты) становилась частью политического народа ВКЛ, однако ее возможности в осуществлении власти с конца XIV – начала XV в. стали ограничиваться ис

религиозным причинам. В ВКЛ политически доминировала небольшая группа нобилей в основном балтского происхождения. Польский историк Е. Сухоцкий назвал ее «политической нацией» и привел данные о количественном составе. Так, в конце XIV – начале XV в. (1385–1413) эта группа насчитывала 59 семейств и только 2 из них (3,4%) находились за пределами Литвы и Жамойтии. В 1413–1447 гг. среди 56 семейств крупных нобилей, выходцев из «русских» земель ВКЛ, было 11 или 19,6%. В 1447–1492 гг. в числе таких семейств не литовцы, русины составляли 20 или 37%. Примерно такое же соотношение литовцев и русинов в составе нобилитета ВКЛ, по мнению Е. Сухоцкого, сохранялось до Люблинской унии [30, с. 27].

Именно нобили, феодальная аристократия определяли государственную политику, которую проводил великий князь. Они были представлены и в *Раде/Господарской Раде*, игравшей важнейшую роль в осуществлении власти. Проведенные исследования показали, что Рада имела древнерусские корни, как писал М. Довнар-Запольский, «рада» – общеславянское слово и в западнорусских актах употреблялось вместо слова «дума» с XIII в. *«Рада вялікага князя літоўскага, – пишет М. Довнар-Запольский, – была яго княжацкай думай, такой самай радай, думай, якая была пры ўдзельных князях і якая дзейнічала ў найстаражытнейшы перыяд з самага пачатку складвання рускай дзяржавы»* [31, с. 81]. С образованием единого государства – Великого Княжества Литовского – Рада приобрела значение общеземского политического органа, который стал ограничивать власть великого князя. В Господарской Раде были представлены не только приближенные великого князя, занимавшие высшие государственные должности, но и лица из местной администрации, в том числе из т. н. «русских земель» ВКЛ, а также удельные князья (до ликвидации местных княжеств). О составе Рады, тех изменениях, которые произошли в ней с конца XV до середины XVI в., до образования Речи Посполитой (в это время она называлась «паны-рада»), свидетельствуют данные таблицы, составленной белорусским историком А. Грицкевичем, приводим их полностью [32, с. 23].

Таблица 1 – Состав членов панов-рады Великого Княжества Литовского согласно этнического происхождения их родов (конец XV в. – 1569 г.)

Этническое происхождение	Года							
	1476–1500		1501–1525		1526–1550		1551–1569	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Литовское	55	51,4	64	45,7	56	49,1	50	36,2
Белорусское	37	34,6	53	37,9	37	32,5	45	32,7
Украинское	10	9,3	14	10	14	12,2	37	26,7
Великорусское	-	-	-	-	1	0,9	3	2,2
Польское	5	4,7	7	5	5	4,4	?	2,2
Другие	-	-	2	1,4	1	0,9	-	-
Всего	107	100	140	100	114	100	138	100

Как видим, на долю выходцев из белорусских земель приходилось более 1/3 членов панов-радных, при этом их количество к концу 60-х гг. XVI в. выросло с 37 до 45. Есть и другие данные, подтверждающие представительство белорусских земель в Господарской Раде, расширение этого представительства. Так, белорусский историк В. Малиновский считает, что в первых составах Рады литовцы составляли 84%, а белорусы – 9%, во второй четверти XV в. – уже соответственно 67 и 17%, и в первой четверти XVI в. – 46 и 38% [33, с. 81]. Надо заметить, что несмотря на определенные ограничения в Господарской Раде заседали и католики, и православные, представители других конфессий, что также подтверждается данными, приведенными в таблице, составленной А. Грицкевичем.

Таблица 2 – Состав членов панов-рады Великого Княжества Литовского согласно их религиозной принадлежности (конец XV в. – 1569 г.)

Религиозная принадлежность	Года							
	1476–1500		1501–1525		1526–1550		1551–1569	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Католики	59	55,1	84	60	79	69,3	53	38,4
Православные	48	44,9	56	40	35	30,7	61	44,2
Кальвинисты	-	-	-	-	-	-	23	16,7
Лютеране	-	-	-	-	-	-	1	0,7
Всего	107	100	140	100	114	100	138	100

Древнерусским по своему происхождению был и второй высший орган власти ВКЛ – Сейм (Вальный Сейм или Сойм, встречаются разные названия). М. Довнар-Запольский отмечал, что *«тэрмін “сойм”, у сэнсе з’езд, вядомы старажытнарускатаму праву з 11 ст.: сойм – з’езд для народа, веча – сходка»* [34, с. 81]. Первоначально Сеймы представляли собой неорганизованные собрания военно-служилых людей, т.е. князей и бояр всех земель ВКЛ, и решения таких собраний для великих князей литовских не были обязательными. Однако к концу XV – началу XVI в. их роль заметно возросла, и Сеймы заняли прочное место в структуре органов власти ВКЛ, превратившись к 60-м гг. XVI в. в высший законодательный и контролирующий орган, выступая в качестве своеобразного парламента. К этому времени расширилась и компетенция Сейма, она охватывала все основные сферы государственной жизни княжества, в т. ч. и те, которые касались деятельности великого князя, его избрания. Причем великий князь был обязан по своей инициативе или по просьбе панов-радных и шляхты созывать Сеймы, что было узаконено на Виленском Сейме в 1565–1566 гг. с согласия возглавлявшего тогда ВКЛ Сигизмунда II Августа. Он заявил: *«Маем мы и потомки наши великие князья литовские с потребы речы посполитое за радоу рад наших того ж панства, або за прозбою рыцарства, складати соймы вальные в том же панстве великом князстве Литовскоим завжды, коли колко того будет потреба»* [35, с. 86]. Сейм, по своему составу был довольно широким государственным образованием, в него входили не только паны-радные (они фактически составляли его верхнюю палату – Сенат), многочисленные служебные лица центральных и местных органов, но и шляхта всех земель ВКЛ. При этом на первых порах представительство шляхты не регулировалось правовыми актами и каждый шляхтич мог присутствовать на заседаниях Сейма (они тянулись иногда неделями). Однако вскоре, с 1512 г., были установлены нормы такого представительства: 2 депутата (послы) от повета, но не исключалась возможность и личного присутствия шляхтичей. Депутаты-шляхтичи составляли нижнюю палату Сейма – т. н. «Посольскую избу». Если учесть, что большинство поветов частично или полностью охватывали территорию Беларуси, то в численном отношении представители белорусской шляхты на Сеймах не только не уступали литовской, но и преобладали над ней. Следует отметить и тот факт, что проведение сеймовых заседаний не ограничивалось только Вильно – столицей ВКЛ. Сеймы собирались и на белорусских землях – в Вресте, Новогрудке, Гродно. На востоке Беларуси не зафиксировано ни одного

Сейма, видимо, сказывалась не только отдаленность этих земель от столицы, но и приграничное положение с Российским государством, отношения с которым были напряженными.

Для функционирования исполнительной власти большое значение имела деятельность т. н. *урядовцев (урядников)*, занимавших важные государственные должности, как придворные, так и общеземские и местные. Среди общеземских, т. е. общегосударственных служебных лиц надо выделить *канцлера ВКЛ, подскарбия земского, гетмана найвышшего, маршалка земского*. Именно через них великие князья решали основные вопросы не только чисто административного, но и финансового, хозяйственного и военного характера. Эти должности занимали наиболее приближенные к великому князю лица из аристократических семейств главным образом литовского происхождения, хотя среди них были выходцы из белорусских земель. Примером может служить род Сапегов, считавшийся вторым по значению (после Радзивиллов) магнатским родом ВКЛ. Представители этого рода занимали многие важнейшие государственные, административные и военные должности в Княжестве. Так, в XVI в. широко известно имя Льва Сапегы, он в разное время исполнял обязанности писаря великого, подканцлера, канцлера и гетмана ВКЛ, возглавлял различные сеймовые комиссии и посольства. Можно было бы провести и другие примеры.

Немаловажным было и то, что основная государственно-управленческая деятельность в ВКЛ осуществлялась не в центре, а непосредственно на местах. Причем в течение довольно длительного времени система местного управления здесь базировалась на принципах и традициях, сложившихся в древнерусский период и сохранявшаяся в удельных княжествах. Тогда основной административно-территориальной единицей на белорусских землях была *волость*, центром которой являлся город или замок. В процессе реформирования местного управления многие волости стали основой *поветов* (термин польского происхождения). Статус поветов как структурных административно-территориальных единиц ВКЛ официально был определен в ходе реформы 1565–1566 гг. Поветы в свою очередь входили в состав воеводств (один из поветов был центральным). Первые воеводства (Виленское и Троцкое) были созданы в ВКЛ на основе Городельского привилея 1413 г., затем появились Витебское (1503), Полоцкое (1504), Новгородское (1507) и другие воеводства. Всего же на территории ВКЛ к концу 60-х гг. XVI в. было создано 13 воеводств, 8 из них полностью или частич-

но охватывали земли Беларуси. Количество поветов доходило до 30, 16 из которых находились в пределах современной территории нашей республики. Можно сказать, что поветы стали основным звеном местного управления, во многих из них сохранились и волости как более мелкие административно-территориальные образования (таблица 3).

Таблица 3 – Административно-территориальное деление белорусских земель ВКЛ в XVI в.

Воеводства	Поветы, входившие в воеводства
Брестское	Брестский, Пинский
Виленское	Ошмянский, Браславский (остальные находились на территории Литвы)
Витебское	Витебский, Оршанский
Минское	Минский, Речицкий, Мозырский (до 1569 г. входил в Киевское воеводство)
Мстиславское	Мстиславский
Новгородское	Новгородский, Волковысский, Слонимский
Полоцкое	Полоцкий
Трокское	Гродненский, Лидский (остальные на литовской территории)

Основными служебными лицами, которые занимались местными делами (земельными, хозяйственно-финансовыми, другими) до XV в. были великокняжеские наместники (державцы), направляемые в разные районы Княжества. В ходе реформ, проводимых в XVI в., появились новые должности – *воеводы*, *старосты*. Воевода становится главой администрации с широкими полномочиями, которые он выполнял от имени великого князя на вверенной ему территории, второе место в служебной иерархии воеводства занимал *кашталян*. Каждый повет имел свою административную власть во главе со старостой (некоторые поветы возглавляли воеводы). Именно в руках воевод и старост была сконцентрирована исполнительная власть на местах. Поэтому неслучайно на эти должности назначались лица из числа крупных феодалов (магнатов) и обязательно из уроженцев ВКЛ. При этом в некоторых землях великий князь кандидатуры на должности воевод должен был согласовывать с местными феодалами, а сами воеводы должны были считаться со сложившимися здесь нормами и обычаями. Это видно из привилеев, выданных Полоцкой и Витебской землям, где отмечалось,

что «госпaдар» обязан «им давати воеводу по-старому, по их воли; и который им будет нелюб воевода, а обмовят его перед нами: ино нам воеводу им иного дати, по их воли» [37, с. 59]. Историки М. Любавский и В. Пичета утверждали даже, что полоцкий воевода избирался самими полочанами. Известно также, что полочане одно время пользовались правом избрания и великокняжеского наместника. Такое право им предоставил великий князь литовский Витовт. По мнению историка И. Якубовского, это право они получили между 1392 и 1399 годами, правда, в дальнейшем оно уже не реализовывалось, видимо, потеряло свою силу с изданием Городельского привилея 1413 г. [38]. Вообще, и это необходимо подчеркнуть, полоцкое боярство имело значительную политическую самостоятельность и играло важную роль в решении как местных, так и общегосударственных дел. Здесь даже имелся и такой специфический политический институт, как старший из бояр. Такая должность, по мнению В. Варонина, существовала здесь уже в XIII в., а может еще и ранее. Приведенные им исследования, показывают, что на «протяжении примерно 170 лет, с 80-х гг. XIV в. и до 50-х гг. XVI в., должность старшего из бояр занимали в основном члены рода Корсаков» [39, с. 50]. Это был один из крупнейших боярских родов Полотчины, представители которого занимали здесь основные государственные должности.

Местные князья и бояре, сформировавшаяся на белорусских землях шляхта играли важную роль в политической жизни и других регионов Беларуси. Они широко были представлены во всей системе местной власти и управления, сложившейся в воеводствах и поветах. Вакансии должностей местной администрации замещались, как правило, выходцами из белорусских земель. Такой порядок поддерживался и великими князьями литовскими и его представителями на местах, в том числе и воеводами, среди которых также имелись выходцы из белорусских княжеских родов. Следует учитывать и тот факт, что важное место в государственно-политической структуре ВКЛ занимали тогда и *местные сеймики (соймики)*, собиравшиеся в поветах. Они являлись своеобразными сходами, собраниями местной шляхты, давно практиковавшимися в княжествах белорусских земель и признанных затем великими князьями литовскими в качестве государственно-политического института, деятельность которого регламентировалась правовыми актами. Именно на местных сеймиках избирались как депутаты-послы в Вальны Сейм, так и электы (кандидаты) на должности земских поветовых судов, подкомория, хоружего (военный руково-

датель местной шляхты), другие, решались многие вопросы государственной жизни. Кроме сеймиков, созываемых великим князем, практиковались и съезды (сходы), которые собирались по желанию местной шляхты. Все это позволяло шляхте белорусских земель не только оказывать воздействие на государственную политику и обеспечивать свои сословные интересы, но развивать самоуправление, что усиливало ее общие позиции.

Самоуправленческие начала, зародившиеся на белорусских землях в древнерусский период, сохранились также и в сельских и городских поселениях, т. е. в среде крестьян и мещан. Интересы крестьян, и не только в отношениях с землевладельцами, великокняжескими урядниками отстаивала *сельская община (грамада)*. Она, как известно, возникла еще в первобытную эпоху и постепенно трансформировалась в соседскую (территориальную) общину. Община обычно объединяла население отдельного села (вёски). Несколько же общин входило в более широкую организацию – волость. С момента своего возникновения сельские общины играли важную роль в жизни крестьян и, в частности, в организации крестьянского землепользования и выплаты феодальной ренты. Они имели свою систему управления во главе с избираемыми старцами и их помощниками, утверждаемыми собственниками земли. В некоторых волостях наряду со старцами назначались и великокняжеские представители (ти-уны), в середине XVI в. они, по мнению многих историков, имелись уже во всех господарских волостях. Важным элементом общинной организации был *копный суд*, признанный государством и законодательно им закрепленный. Роль сельской общины, однако, подрывалась по мере развития феодализма. Так, в центральных и западных районах Беларуси общинная организация крестьян была фактически разрушена в ходе аграрной реформы 1557 г. Но здесь опорой великокняжеской администрации стали войтовства, объединявшие несколько сёл с принадлежавшими им землями. Главными должностными лицами в них были войты. Они назначались из числа крестьян и с их согласия. На востоке Беларуси позиции общины были более прочными, она продолжала действовать до начала XX в.

В городах Беларуси самоуправление развивалось на основе вечевых традиций. В Полоцке, например, веча действовало до конца XV в. Вечевые традиции оказали влияние и на органы городского самоуправления, созданные на основе Магдебургского права, имея свои особенности. Настоящее немецкое право, как считал И. Юхо, населению белорусских городов не было известно и за редким исключением не применялось.

Самоуправленческие начала позволяли как центральным, так и местным властям полнее учитывать интересы сельского и городского населения, использовать общественное мнение при разработке и реализации государственных постановлений. Этому способствовало и право подданных великого князя подавать на его имя и в высшие органы власти челобитные и другие письменные обращения и жалобы. Такое право было закреплено в привилеи 1506 г. (ст. 8) и вошло в последующее законодательство ВКЛ. *«Чалабітныя, — писал И. Юхо, — у той час з'яўляліся важнай формай прававой абароны насельніцтва ад самадурства і злоўжыванняў мясцовых пасадавых асоб, служылі падставай для выдання новых юрыдычных актаў, у якіх больш поўна адлюстроўваліся агульныя і прыватныя інтарэсы пэўных груп і класаў насельніцтва. Такі характар выражэння волі насельніцтва садзейнічаў праяўленню нацыянальнага характару у прававых актах, пераўтварэнню старых народных звычаяў у прававыя нормы, санкцыянаваныя organami дзяржаўнай улады»* [40, с. 72].

Как видим, в ВКЛ сложилась и существовала довольно широкая и развитая система органов власти и управления, позволявшая всем его землям, в т. ч. и белорусским, принимать участие в решении как общегосударственных, так и местных дел. Безусловно, эта система обеспечивала прежде всего интересы феодалов, шляхты. Однако государственно-политический строй ВКЛ нельзя свести только к всевластию шляхты. Многие современные исследователи считают, что он имел более широкую социальную основу, а шляхетская демократия, которая складывалась и развивалась в ВКЛ (при всех ее издержках и недостатках) давала возможность избежать крайних форм авторитаризма и бесправия, приобщала к гражданской и политической деятельности все феодальные сословия и не только аристократические, позволяла учитывать мнение меньшинства, «ощутить вкус свободы и человеческого достоинства» [41, с. 54].

В значительной степени этому способствовало и то обстоятельство, что в ВКЛ все основные вопросы государственной жизни стремились регулировать *законодательными, правовыми актами*. Так, даже в начальный период, когда формировалось Княжество, каждая из его земель руководствовалась не только обычным, но и писаным правом и, в частности, «Русской Правдой» и местными уставными грамотами. Когда же сложилось государство, в качестве правовых актов стали действовать *великокняжеские грамоты (привилеи) как общеземские, так и областные, и волостные*. В числе област-

ных особо надо выделить грамоты Витебской земле – 1503, 1509 и 1561 гг.; Полоцкой – 1511, 1547, 1580 гг.; Смоленской – 1505 г.; Дрогиченской – 1511, 1547 гг.; грамоты Бельскому повету – 1501 и 1547 гг.; Мстиславскому повету – 1501 г. Совсем недавно была обнаружена и еще одна грамота (привилей) – Новгородской земле, изданная великим князем Казимиром 22 июля 1440 г. Все они имели характер законодательных актов и не только закрепляли автономное положение многих белорусских земель в составе ВКЛ, но и обеспечивали охрану имущественных и личных прав жителей этих земель независимо от их сословной принадлежности.

Интересы жителей всех земель ВКЛ, в т. ч. и белорусских, учитывались и в общеземских привилеях, но в них на первый план выходили нормы, касавшиеся прав шляхты, их положения в обществе и государстве. Первым таким привилеем считается грамота, изданная великим князем литовским и королем польским Ягайлом в 1387 г. после Кревской унии, политически связавшая ВКЛ с Польшей. Эта грамота, по мнению историков, стала фундаментом шляхетских прав, получивших развитие в последующих актах, изданных в XV – начале XVI в. Не останавливаясь на содержании этих актов, отметим, что в их нормах также находили отражение местные правовые обычаи. Есть основание утверждать, что местное обычное право учитывалось и в дальнейшей кодификационной деятельности и стало одним из источников общегосударственных сводов законов, которыми стали Судебник 1468 г. и Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. Правда, некоторые польские ученые еще в XIX в. пытались принизить правовую культуру восточнославянских, в т. ч. и белорусских земель, недооценивали роль местного права в развитии законодательства ВКЛ, считали, что оно базировалось на римском праве. Но эти ошибочные суждения не получили поддержки и были подвержены критике самими же польскими исследователями, и, в частности, С. Линде и И. Раковецким, учеными-правоведами Виленского университета И. Даниловичем, Ю. Ярошевичем, многими российскими и белорусскими учеными. Проанализировав законодательные акты, изданные в ВКЛ, они пришли к выводу, что в их основе лежало местное право. «*Тагачасная Літва, – писал И. Данилович (он имел в виду ВКЛ. – П.Д.), – кіравалася рускімі звычаямі і пададзямі*» [42, с. 122]. Более того, сами эти законодательные акты отразили достижения правовой мысли Беларуси, те идеи, которые были высказаны и обоснованы в работах Ф. Скорины, С. Будного, М. Литвина, А. Волана, других мыслителей. Не исключено участие выходцев из белорусских земель и в разработке

законодательства ВКЛ. Это касается, в частности, Ф. Скорины, он мог быть привлечен к составлению Статута 1529 г. Во всяком случае, есть очень много общего между правовыми взглядами Ф. Скорины и положениями Статута, на что обратил внимание известный белорусский ученый В. Конан. Он писал, что *«на сваёй структуры Статут 1529 г. адпавядае класіфікацыі законаў, распрацаваных Ф. Скарынай у 1519 г.»* [43, с. 94]. Это мнение разделял и белорусский историк-правовед И. Юхо.

Вообще Статуты ВКЛ стали результатом кропотливой и довольно длительной кодификационной работы, осуществленной высокообразованными в политическом и правовом смысле государственными деятелями ВКЛ, выходцами как из балтских, так и с восточнославянских земель Княжества. Так, первый Статут ВКЛ проходил кодификацию с 1522 г. до 1529 г., почти семь лет, второй Статут кодифицировался почти 15 лет, а третий Статут ВКЛ начали кодифицировать по сути сразу же после Люблинской унии 1569 г., т.е. его подготовка продолжалась почти 20 лет. Историки отмечают, что третий Статут ВКЛ (как и два первые) разрабатывали сотрудники канцелярии великого князя под руководством канцлеров, в данном случае Николая Радзивилла Рыжего и его преемника Евстафия Воловича и подканцлеров Криштофа Радзивилла и Льва Сапегы, который окончил эту работу, отредактировал Статут, написал предисловие и организовал издание [44, с. 94]. Статут ВКЛ 1588 г. – важнейший исторический документ того времени, свидетельствовавший о высокой правовой культуре тогдашнего общества. Он, по сути, являлся первым всесторонне разработанным кодексом феодального права в Европе, своеобразным конституционным документом, регулировавшим все стороны жизни ВКЛ, а значит и белорусских земель. Созданный на белорусском языке и утвержденный Сеймом, Статут включал нормы всех отраслей права и в течение долгого времени служил основным источником этого права, на которое опирались государственные и судебные органы.

Таким образом, с образованием ВКЛ резкого разрыва в развитии государственности на белорусских землях, зародившейся в средневековый период, не произошло. Эта государственность не только сохранила свои основные черты, но и обогащалась в общем политическом организме Великого Княжества Литовского, открывая возможность представителям белорусских земель участвовать в осуществлении власти. Безусловно, эта возможность определялась социальным положением различных групп населения. Реальный доступ к власти и управлению, как и во всех европейских

странах, имели тогда господствовавшие феодальные сословия и, в частности, магнаты и шляхта. Именно они составили политический народ Княжества, в его руках оказалось тогда главное средство производства того времени – земля и государственная власть.

Вместе с тем следует учитывать и те негативные явления, которые развивались в государственно-политической жизни белорусских земель в период их нахождения в ВКЛ. Они были вызваны сближением ВКЛ с Польшей, начавшимся с конца XIV в. после подписания Кревской унии. С этого времени стали подрываться цивилизационные основы государственности и всего исторического процесса на белорусских землях, связанные с традициями и достижениями древнерусского периода. Имеются основания утверждать, что польские правящие круги ставили цель инкорпорировать ВКЛ в Польское королевство, а значит лишить его самостоятельности. Но этого, как известно, не произошло. За сохранение суверенитета ВКЛ, его государственности выступали не только православные князья, но и видные деятели из числа литовской знати. Об этом свидетельствовала борьба, развернувшаяся в 1389–1392 гг., в результате которой ВКЛ возглавил Витовт. Он стремился проводить самостоятельную политику и даже попытался превратить ВКЛ в королевство.

Активно отстаивали суверенность ВКЛ, его русскую государственность православная элита в 30-е гг. XV в., во время правления князя Свидригайло, тогда, как известно, произошел раскол ВКЛ, из него выделилось Великое княжество Русское со столицей в Полоцке. Широкие государственно-политические цели преследовало и восстание М. Глинского, поднятое в 1508 г. Это был не просто мятеж недовольного амбициозного государственного деятеля, как его пытались представить авторы некоторых публикаций, вышедших в 90-е гг. Оно имело более глубокие причины, связанные с противоречиями, накопившимися в обществе, в государственно-политической жизни ВКЛ. Некоторые историки видели в восстании М. Глинского черты освободительной борьбы, борьбы жителей русских земель против засилия литовцев и распространения католицизма. С таких позиций оценивал восстание М. Глинского белорусский историк М. Довнар-Запольский. *«Паўстанне Глінскага, – писал он, – было паднята ў інтарэсах рускай дзяржаўнасці, народнасці і культуры. Гэта быў апошні акорд нацыянальнай барацьбы ў дзяржаве, запознены водгук пытанняў, якія хвалявалі грамадства на стагоддзе раней»* [45, с. 65]. Украинский историк М. Грушевский назвал восстание М. Глинского «последней конвульсией русской аристократии ВКЛ».

Не случайно поэтому после восстания верховная власть принимала меры не только по расширению земельных владений феодальной знати «русских земель» ВКЛ, но стала активнее привлекать их и к управлению государством, игнорировать ограничения, предусмотренные Городельским привилеем 1413 г. Как показали исследования, численность православных из восточнославянских земель Княжества после 1508 г. увеличилась среди панов-радных, даже в составе передней рады, где православных не имелось. Параграф Городельского привилея, запрещавший православным заседать в Раде, действовал до 20-х гг. XVI в., окончательно он был отменен в 1563 г. Поэтому многие историки отмечали, что шляхта ВКЛ (как и мещане) проявляла «государственный патриотизм», рассматривая Княжество как свое государство, что подтверждали войны, в т. ч. и русско-литовские первой половины XVI в. Этот важный момент нашел отражение в публикациях российских историков, в частности, М.М. Кромма.

Таким образом, противоречия внутри политической элиты ВКЛ были преодолены, и православные князья, расширив свои права, а многие и приняв католицизм, вместе с литовской знатью стали активно отстаивать независимое развитие Великого Княжества, как в отношениях с Великим Княжеством Московским, так и с Польским королевством.

Такое стремление проявилось и во время подготовки Люблинской унии и работы сейма, на котором обсуждались условия объединения двух государств. Надо отметить, что белорусским историкам удалось выявить состав делегации ВКЛ, прибывшей на сейм. Она была довольно многочисленной, состояла из 42 человек. В нее входили земские послы, т. е. депутаты, избранные в поветах и воеводствах ВКЛ и представлявшие все регионы как восточнославянских, так и балтских земель Княжества. По этническому составу делегация делилась на две большие группы: восточнославянского происхождения – 40,5% и балтско-литовского – 38,1%. Кроме того, в ней имелись послы с польскими этническими корнями – 16,7%. Возглавляли делегацию ВКЛ известные государственные деятели: виленский воевода, канцлер Николай Рудый и староста Жемойтский, маршалак земский Ян Ходкевич, в ней были также подканцлер, дворный маршалак Евстафий Волович и земский подскарбий Николай Нарушевич [46, с. 211].

Проект унии, представленный делегацией ВКЛ, состоял из 15 статей, предусматривавших союз двух государств при сохранении их равенства и свобод во главе с избираемым одинаковым

количеством депутатов одного общего короля и великого князя [47]. Однако этот проект не был поддержан польскими магнатами и шляхтой. Они предложили условия унии, которые сводились к ликвидации ВКЛ, его «втелению» в Польское королевство, т. е. его инкорпорацию в состав Польши. Развернулись острые споры, но польская сторона не пошла ни на какие уступки и не только не изменила своей позиции в отношении унии с ВКЛ, но и предприняла меры по присоединению к Польше земель княжества. 1 марта 1569 г., когда делегация ВКЛ покинула Люблин (осталось только несколько человек) Сигизмунд II Август подписал Универсал, позволивший включить в состав Польского королевства Подляшье и фактически все украинские земли, добившись согласия местной шляхты (только шляхта Мозырского повета Киевского воеводства не дала своего согласия). Это были незаконные действия, но воевать с Польшей (а такие предложения поступали) ВКЛ не имела возможности, и литвинская делегация возвратилась в Люблин и вынуждена была подписать предложенные польской стороной условия унии, утвержденные постановлением сейма 1 июля 1569 г., в результате чего и была создана Речь Посполитая [48].

С этого времени начался новый период в нашей истории и не только в общей, но и в истории белорусской государственности. Это был довольно длительный и сложный период, хорошо изученный историками, и мы имеем возможность проследить изменения, происходившие как в политической системе Речи Посполитой в целом, так и в государственных процессах, развивавшихся в ВКЛ, в т. ч. и на белорусских землях.

Прежде всего надо отметить, что хоть проект литвинской делегации был отвергнут, и Речь Посполитая создавалась на основе польских предложений, предусматривавших слияние двух государств (что было предусмотрено ст. 3 постановления Люблинского сейма), ВКЛ не исчезло. Воспользовавшись сложившимися обстоятельствами, связанными со сменой королевского престола, политическая элита ВКЛ сумела осуществить меры, способствовавшие сохранению самостоятельности Княжества, закрепленной юридически Статутом 1588 г. Статут этот оставался основным сводом законов для всех жителей ВКЛ. Обращает на себя внимание тот факт, что в Статуте Люблинской унии, объединение двух государств даже не упоминается. Вместе с тем в нем содержались статьи, которые не только противоречили акту Люблинской унии, но и отменяли невыгодные для Княжества положения. Так, Статут запрещал иностранцам, в т. ч. и полякам занимать государственные должности

в Княжестве, приобретать здесь земли, подчеркивалась необходимость сохранения территориальной целостности ВКЛ, возвращения потерянных земель.

Речь Посполитая не стала унитарным государством и не представляла собой «одно нераздельное и неотделимое тело», она стала развиваться как государство федеративное. Так ее оценивали многие историки (И. Лаппо, М. Довнар-Запольский, В. Пичета). *«Речь Посполитая, – писал В. Пичета, – не была государством унитарного типа. При единстве власти королевской и законодательной ВКЛ и Польша сохранили полную внутреннюю самостоятельность и продолжили жить своей внутренней политической жизнью, относясь с известным недоверием друг к другу»* [49, с. 562]. Такого мнения придерживаются и современные белорусские историки.

Вместе с тем с образованием Речи Посполитой в осуществлении власти и принятии законодательных актов появились новые моменты, отражавшие особенности этого государства, положение в нем ВКЛ. Так, ВКЛ уже не имело своего главы, носителем верховной власти в Речи Посполитой становился польский король, в титуле которого, однако, сохранилось прежнее название – «великий князь литовский, русский». По мнению историков, это имело принципиально важное значение, ибо отражало сохранение государственности княжества. *«Скасавање тытулу вялікага князя літоўскага і рускага, як прапанавалі палякі, – пишет В. Чаропка, – азначала б і юрыдычную смерць Вялікага княства Літоўскага і Рускага»* [50, с. 8]. Титул главы Речи Посполитой, закрепленный постановлением Люблинского сейма, включал, как было принято в то время, две части: субъектную, т. е. имя, характеризовавшее власть главы государства (король, великий князь, царь, император и т. п.), и объектную, которая включала перечень земель, находившихся под управлением главы государства. В ст. 3 постановления Люблинского сейма было записано, что общий государь *«при избрании и коронации должен быть тотчас же провозглашен королем польским и великим князем литовским, русским, прусским, мазовецким, жомойтским, киевским, волинским, подляским и лифляндским»* [51, с. 152]. Таким и становился официальный титул главы Речи Посполитой.

Сохранился и прежний принцип вольной элекции, т. е. выборности главы государства, и король Речи Посполитой избирался на общем сейме в Варшаве с коронацией, т. е. возведением на престол в Кракове. Сейм становился высшим законодательным органом власти Речи Посполитой, ее парламентом. Он состоял из трех

станов («станы саймующыя»): короля, сената и посольской избы. Сенат был верхней палатой и играл важную роль в деятельности сейма. По условиям унии ВКЛ получило право иметь в сенате 27 своих представителей (из общего числа 140), в дальнейшем их число возросло до 35 (а общее количество до 150–152). Посольская изба являлась нижней палатой сейма и ВКЛ могло иметь здесь 48 делегатов/послов из 164. В дальнейшем численность нижней палаты увеличилась до 180, больше стало их и от Княжества.

Таким образом, политическая элита ВКЛ довольно широко была представлена в высшем законодательном органе Речи Посполитой и имела реальную возможность отстаивать здесь интересы всех его земель. Этому способствовал и сам порядок принятия решений, учитывавший характер нового государства. Так, уже в 80–90-е гг. XVI в. некоторые сеймовые постановления стали приниматься для Княжества отдельно от коронных. С XVII в. фактически все сеймовые постановления делились на коронные и для княжества.

Изменено было, по настоянию ВКЛ, и место проведения сейма, и председательство на нем депутатов только из польской шляхты. Правда, произошло это лишь во второй половине XVII в., с этого времени каждый третий сейм Речи Посполитой должен был собираться в Княжестве, в Гродно, и на нем маршалком (т. е. председательствующим) мог быть один из местных депутатов.

И тем не менее возможности Княжества в парламентской системе Речи Посполитой были ограниченными, особенно это касалось роли его представителей в Сейме. Как пишет польский историк Анджей Рахуба, «у супольным сойме Рэчы Паспалітай Вялікае Княства заняло хутчэй месца адной з трох правінцыяў, чым адной з дзвюх ровных дзяржаваў, хоць і з нашмат больш прыкметнай тоеснасцю, чым Мала- і Вялікапольшча» [52, с. 375–376]. Поэтому ВКЛ стремилось сохранить государственность, используя свои сеймовые структуры, и добилося того, что продолжал функционировать прежний Сейм («сеймік галоўны» или «генеральный»), собиравшийся до созыва общего Сейма. Первый такой Сейм состоялся в 1623 г., всего же в XVII–XVIII вв. было проведено 23 сейма ВКЛ (последний состоялся в 1771 г.).

Важным элементом политической системы ВКЛ, как и всей Речи Посполитой, оставались местные сеймики. Они были предусмотрены Статутом 1588 г., признаны при Стефане Батории и действовали на всей территории Княжества, в т. ч. и на белорусских землях. На этих сеймиках избирались и депутаты на общий Сейм, вырабатывались инструкции, своеобразные указы, которых долж-

ны были придерживаться избранные депутаты-послы при обсуждении вопросов, рассматриваемых на общем Сейме. О своем участии в работе общего Сейма они также должны были отчитываться на местных сеймиках. Многие историки отмечали, что несмотря на все изменения в положении ВКЛ, местные сеймики оставались основной формой самоорганизации и самоуправления шляхты, они даже собирались в период, когда российские войска в 1654–1655 гг. заняли территорию Княжества.

Кроме официально созываемых сеймиков, как генерального, предсеймового, так и местных, в ВКЛ практиковались съезды или собрания шляхты, нередко без ведома короля. На них рассматривались многие вопросы не только местного характера, но и общегосударственные, в т. ч. касавшиеся реализации постановления Люблинского сейма 1569 г., отношений Княжества с Коронай [53].

Образование Речи Посполитой не нарушило и ранее сложившееся в ВКЛ административно-территориальное деление, структуру его центральных и местных органов власти и управления, а также судебную систему. В 1581 г., по примеру Польши, в Княжестве был создан Главный Суд или Трибунал, игравший роль высшего апелляционного судебного органа, члены которого избирались на местных сеймиках.

Продолжала функционировать система городского самоуправления и суда, создаваемая на основе Магдебургского права, которое было представлено многим городским поселениям. Не исчезли и органы крестьянского самоуправления и суда.

Для обеспечения самостоятельности ВКЛ, его автономии в Речи Посполитой важным явилось то, что не исчезли границы с Польшей, как это предполагалось по условиям Люблинской унии. При этом ВКЛ добивалось возвращения захваченных Польшей Подляшья и земель Украины. Такие требования выдвигались неоднократно и были сформулированы в Статуте ВКЛ 1588 г. В ст. 4 было записано: *«Тое, што было непряцелямі гэтай дзяржавы адарвана разабрана і да іншай краіны ад той дзяржавы нашай калісьці прывернута, то ўсё ва ўласнасць гэтага Вялікага княства вярнуць, далучыць у межы направіць аб'яцаем»* [54, с. 114]. Однако все запросы шляхетских сеймиков о необходимости возвращения потерянных Княжеством территорий оставались безрезультатными. Была создана лишь комиссия по уточнению границ между Княжеством и Коронай, а в 1646 г. сейм принял решение о включении в состав ВКЛ городов Лоева и Любеча с прилегающими к ним районами. Нарушение территориальной целостности ВКЛ вызывалось и войнами Речи

Посполитой с Россией, другими государствами. С 1678 г. площадь территории ВКЛ составила 306 тыс. кв.м. и почти не менялась до разделов Речи Посполитой.

В числе мероприятий, направленных на сохранение самостоятельности ВКЛ, необходимо выделить и те, что касались его финансов, государственных доходов (скарба), монетного двора. Так, для контроля над поступлением и расходованием денежных средств Княжества по решению сейма был создан отдельный от Короны финансовый трибунал, который комплектовался из представителей Княжества, а во второй половине XVIII в. – Скарбовая комиссия. Финансовая обособленность ВКЛ сохранилась до последних дней его существования. До 1775 г. на границе с Польшей действовали таможенные конторы и взимались пошлины за ввоз и вывоз товаров. Продолжал функционировать и монетный двор Княжества, имевший право чеканки общей монеты.

В течение довольно длительного времени (до конца XVII в.) Княжество пользовалось и своим государственным языком – белорусским (с 1696 г. им стал польский язык, но официальные акты на белорусском языке сохраняли свою силу). На всей территории Княжества продолжала действовать прежняя государственная и земельная геральдика, в основе которой лежал герб «Погоня». Она складывалась исторически, испытав, после подписания Кревского соглашения, польское воздействие. При этом первые земельные гербы в ВКЛ появились во время правления великого князя литовского Витовта, в дальнейшем они совершенствовались и изменялись. В 60-е гг. XVI в., еще до Люблинской унии, земельная геральдика была унифицирована, все поветы и воеводства ВКЛ должны были использовать «Погоню», само же это название за гербом ВКЛ закрепилось только в конце XV – первой половине XVI в., что было связано с переосмысливанием гербового изображения (это название понималось как символ обороны Отечества). Как государственный, герб «Погоня» был закреплен Статутом ВКЛ 1566 г. В нем записано: «Теж мы Господарь даем под гербом того паньства нашего Великого князства Литовского Погоню печать до каждого павету». В таком качестве герб «Погоня» выступал и после объединения ВКЛ с Польшей и просуществовал до конца XVIII в. на канцелярских печатях, монетах, воеводских и поветовых гербах и хоругвях ВКЛ. Надо заметить, что ВКЛ имело и свои вооруженные силы.

Как видим, государственность ВКЛ, белорусских земель в своих основных институтах и формах и в рамках Речи Посполитой была сохранена, а великокняжеско-польские отношения

«базіравалися не на артыкулах акта Люблінської унії, а на підставі дзяржаўна-заканадаўчых рэаліяў, якія абаранялі інтарэсы ВКЛ» [55, с. 64]. В Княжестве было немало сторонников самостоятельного развития государства, тех, кто выступал против ограничения суверенитета ВКЛ, усиления польского влияния. Более того, делались попытки изменить условия Люблинской унии и даже разорвать ее. Первая такая попытка была предпринята в 1572 г., когда умер Сигизмунд II Август – последний представитель рода Ягайловичей (с его смертью закончилась династия Ягайловичей по мужской линии). Тогда, во время т. н. «первого безкоролевства» многие магнаты и шляхта ВКЛ не только отвернулись от Польши, но склонялись к союзу с Московским государством. Не случайно правящие круги Речи Посполитой стремились расширить права литвинской шляхты, навязать ВКЛ польскую модель организации власти и управления, что было сделано еще до образования Речи Посполитой.

С объединением же ВКЛ с Польшей в развитии государственно-политических процессов наметились и стали усиливаться новые тенденции, обусловленные «златыми вольностями шляхетскими», утвердившимися в Речи Посполитой и приведшие к политическому кризису, который и определил ее судьбу.

Причем, стала ослабевать сама верховная власть. Хотя король и оставался главой государства, его полномочия оказались весьма ограниченными условиями, определенными в документах, известных как «Пакта Конвента» и «Генриховы артикулы» (были разработаны в 1573 г. и приобрели силу закона с 1576 г.). Эти условия в дальнейшем дополнялись, стали конституционными положениями, получив название «кардинальных прав». Именно они гарантировали шляхте сохранение «златых вольностей» и сословных привилегий и вместе с тем сужали сферу деятельности короля, который оставался лицом выборным и подконтрольным. В случае нарушения королем кардинальных прав, взятых на себя обязательств шляхта могла оказывать ему сопротивление, даже вооруженное, путем создания конфедераций.

Все это привело к тому, что король не мог принимать самостоятельных решений ни по одному важному вопросу и фактически не обладал полномочиями, необходимыми для управления страной. К тому же Речь Посполитую стали возглавлять выходцы из других государств, не знавшие страны и даже ее языка, нередко находившиеся за ее пределами, совершенно не вникая в ее дела. Так, после смерти Сигизмунда II Августа, с участием которого была подготовлена

Люблинская уния, на королевский престол Речи Посполитой был приглашен брат французского короля Генрих Валуа, но он отказался подписать ранее согласованные условия и сбежал во Францию, побыв королем менее 4 месяцев. Король Речи Посполитой Август III за 30 лет своего правления и года не провел в ней, все время находился в Саксонии (от куда был приглашен) или проводил его в поездках по европейским странам. Нередко короля просто навязывали Речи Посполитой соседние государства, преследуя свои интересы.

Постепенно стала снижаться и эффективность работы Сейма — высшего законодательного органа страны. На его функционировании отрицательно сказывались сами принципы принятия решений на основе единогласия с использованием «либерум вето» и с учетом инструкций депутатов-послов, которые они получали от поветовых сеймиков и которых они должны были обязательно придерживаться. Реализация этих принципов приводила к срыву работы Сейма, невозможности принятия им решений. Подсчитано, что из 55 сеймов, созданных в 1652–1764 гг., 42 были распущены, не приняв никаких решений наложением вета [56, с. 609]. Только те Сеймы, которые объявлялись конфедерацией, могли принимать постановления простым большинством голосов.

Поскольку заседания Сейма срывались, новые законы не принимались и преобразования, необходимые стране, не проводились. Напротив, магнаты и шляхта, бывшие настоящими хозяевами Речи Посполитой, делали все возможное, чтобы сохранить существовавшие порядки, те «златые шляхетские вольности», которые порождали безвластие и анархию и стали основой внутриполитического кризиса, приведшего в конечном счете к гибели этого государства.

Этот кризис усугублялся религиозно-этническими противоречиями, вытекавшими из различия культур и традиций тех земель и народов, которые оказались в составе Речи Посполитой. Многие исследователи отмечали, что эти традиции не только не учитывались, но и просто игнорировались. Это касалось, в частности, восточнославянских, т. е. белорусских и украинских земель, где распространено было православие. Официально ни одно из вероучений, существовавших в Речи Посполитой, не было запрещено. Однако реально только представители католической шляхты могли занимать государственные должности. Только католик мог быть королем Речи Посполитой. Даже в Сейме оказались только католики, не было православных, протестантов и даже униатов. В 1717 г. во время работы Варшавского Сейма силой был удален последний депутат не католик — протестант Петровский.

Обострялись и социальные противоречия. На всей территории Речи Посполитой, в т. ч. и в ВКЛ господствовали феодально-крепостнические порядки, причем уже во второй половине XVI в. здесь, и, в частности, на белорусских землях, стала утверждаться фольварочно-барщинная система феодального хозяйства, которая ухудшила положение крестьян. Напряженной была социальная обстановка и в городах. Хотя города Речи Посполитой пользовались Магдебургским правом, в их жизнь постоянно вмешивались магнаты и шляхта, а на белорусских землях до 40% городов и почти все местечки были частновладельческими. Все это не могло не вызывать недовольства, которое проявилось в самых различных формах, в т. ч. и в форме открытых бунтов, а в середине XVII в. на белорусских и украинских землях развернулось широкое народное движение, имевшее характер освободительной антифеодальной войны. Целый ряд восстаний и бунтов произошел в XVIII в., самым крупным из которых стало Кричевское восстание, вспыхнувшее в 40-е гг.

Ослабляли Речь Посполитую и внешние события, те войны, в которые она втягивалась. Причем участие во многих этих войнах вызывалось не государственными интересами, а личными амбициями королей и магнатов. Вместе с тем правящие круги Речи Посполитой не сумели предотвратить иностранное вмешательство в свои внутренние дела, и оно нередко становилось причиной тех вооруженных конфликтов, которые возникали в стране с участием магнатско-шляхетских группировок, разных конфедераций, создаваемых ими. На территории ВКЛ, например, только во второй половине XVIII в. действовали 5 конфедераций: Виленская, Слуцкая, Радомская, Барская и Торговицкая.

Наращение политического кризиса не могло не вызвать беспокойства прогрессивно настроенных деятелей и в Речи Посполитой стали проводиться реформы государственного строя. Так, первые попытки в данном направлении были предприняты уже после Северной войны, в 20–30-е гг. XVIII в. Но особенно активизировалась деятельность реформаторов после смерти короля Августа III в 1763 г. Тогда инициатором реформ выступила группировка во главе с князьями Чарторыйскими (ряд историков считает род Чарторыйских белорусского происхождения), которым уже на канвационном Сейме 1764 г. удалось провести решения, позволившее не только упорядочить работу Сейма (был утвержден новый регламент), но и ограничить применение вето (правда, лишь при рассмотрении финансовых дел), освободить депутатов от необходимости придерживаться инструкций, полученных от местных сеймиков.

Реформаторская деятельность была продолжена и при новом короле Станиславе Августе Понятовском, избранном в 1764 г. Однако она сдерживалась консервативными силами и иностранным вмешательством, что проявилось во время работы очередного Сейма, созванного в 1766 г. Сейму удалось принять решения только по некоторым незначительным реформам, но он не решил «диссидентский вопрос», связанный с расширением прав православных и протестантов. Этот вопрос был поставлен Россией и Пруссией и в связи с тем, что депутаты сейма его проигнорировали, они поддержали конфедерации, созданные диссидентами и оказали давление на короля. В этих условиях был созван чрезвычайный сейм, который работал в 1767–1768 гг. и принял решения, касающиеся не только диссидентского вопроса (права протестантов и православных были расширены), но и государственно-политического строя Речи Посполитой. Многие историки отмечали, что этот Сейм можно рассматривать как частичную победу короля Станислава Августа. Ему и его сторонникам через компромисс с российскими властями удалось сберечь уже проведенные реформы, сохранить возможность их развития в дальнейшем. Консервативные силы на Сейме потерпели поражение, они, в частности, капитулировали в диссидентском вопросе [57, с. 220].

Однако обстановка в стране продолжала оставаться сложной. Против решения сейма, за проведение Речью Посполитой самостоятельной внешней и внутренней политики выступила группа магнатов и шляхты, создавшая в украинском местечке Бар конфедерацию. Началась вооруженная борьба. Широкий размах она получила и на белорусских землях, но движение барских конфедератов не стало всенародным и с помощью российских войск было подавлено. Результатом всех этих событий стало ослабление Речи Посполитой и ее раздел. Он был осуществлен Россией, Пруссией и Австрией в 1772 г. (к России отошли земли Восточной Беларуси).

Анализируя события, происходившие в Речи Посполитой в 60-е, а затем и в последующие годы XVIII в., нельзя не отметить тот факт, что прогрессивно настроенные круги стремились преодолеть политический кризис, провести назревшие реформы в стране, используя сами государственные институты и, в частности, Сейм и местные сеймики. Роль этих органов в тот период заметно возросла. Об этом свидетельствуют и те постановления, которые были ими приняты в 70–90-е гг. XVIII в. после разделов Речи Посполитой, когда реформы сделались еще более актуальными и необходимыми. Так, на Сейме 1773 г. было принято решение о создании при ко-

роле Постоянной Рады, которая становилась центральным органом исполнительной власти. И тогда же была создана Адукационная комиссия, игравшая, по сути, роль министерства просвещения, под ее руководством в дальнейшем была осуществлена школьная реформа. Проводились и определенные реформы в сфере экономики, вооруженных силах. Но особенно важными оказались решения т.н. Четырехлетнего сейма, заседавшего (с перерывом) в 1788–1792 гг. На сейме образовалась довольно многочисленная группа патристически настроенных депутатов, которой несмотря на сопротивление консервативных сил удалось провести ряд необходимых для страны постановлений, в т. ч. Закон («Ustawa Rzadawa»), вошедший в историю как *Конституция 3 мая 1791 г.*

Не останавливаясь подробно на содержании этой Конституции, надо отметить, что ее реализация давала возможность существенно изменить как государственно-политический строй Речи Посполитой, так и ее социально-экономические основы, поставить страну на путь капиталистического развития. Конституцией намечалась, в частности, отмена выборности короля (при сохранении выборности династии), либерум вето, права создания конфедераций, т. е. всего того, что рождало анархию и безвластие, ослабляло Речь Посполитую как государство. Усиливалась и роль Сейма как высшего законодательного органа, при этом впервые в него вводились представители городов – 21 депутат, правда, с совещательным голосом. Более четко определялась структура исполнительной власти, которую должен был осуществлять король и возглавляемое им правительство. Предполагалось так же изменить и административно-территориальное и государственное устройство Речи Посполитой с ликвидацией ее раздела на Корону и Княжество, а значит и автономии ВКЛ, что не могло не вызвать недовольство его представителей в Сейме [58].

Вообще вопрос о взаимоотношениях ВКЛ с Польшей в рамках созданной Речи Посполитой, как показывают исследования, в ходе реформ возникал неоднократно. Причем в подходах к решению этого важного вопроса в среде реформаторов выделились две противоположные позиции. Одна была связана с унитарной концепцией, предусматривавшей образование из Короны и Княжества однородного централизованного государства, вторая с федеративной, сторонники которой отстаивали сохранение государственной обособленности «литовских провинций» Речи Посполитой (такое название все чаще стало упоминаться в XVIII в. наряду с терминами «Княжество» и «Литва»). Эти концепции имели корни в самой

Люблинской унии 1569 г., ибо созданная тогда Речь Посполитая предполагала укрепление союза Короны и Княжества с соблюдением их политической субъектности, самостоятельности. Такие принципы государственного устройства Речи Посполитой устраивали политические народы, т. е. панов и шляхту обеих ее частей и даже ополяченную литовско-белорусскую шляхту. По мнению польского историка Ю. Бардаха, политический народ ВКЛ активно отстаивал идею унии в смысле равноправной федерации Короны и Великого княжества, осознавая себя литвинами. В Речи Посполитой, как считает Ю. Бардах, формировалось двухуровневое национальное самосознание. Первый, более широкий уровень, охватывал жителей всей Речи Посполитой – поляков, по тогдашней терминологии. Вторым уровнем отличались жители Короны – коронные и Великого княжества – литвины. И это разделение, пишет Ю. Бардах, имело *«палітычна-дзяржаўны, а не этнічна-моўны характар. Адны і другія разам утваралі польскі народ, найперш шляхецкі»* [59, с. 343]. Так вот литовско-белорусская шляхта, литвины, в своей основной массе не являлись сепаратистами и не выступали против унии с Польшей, они были сторонниками федеративного устройства Речи Посполитой и с этих позиций подходили к ее реформированию.

Однако немало имелось тогда и сторонников унитарных концепций. Так, многие историки считают, что к ним относился и король Речи Посполитой Станислав Август Понятовский, ряд членов комиссии, готовившей проект Конституции 3 мая 1791 г., некоторые депутаты Четырехлетнего сейма. Станислав Понятовский, по мнению историков, государственный дуализм Речи Посполитой рассматривал как анахранизм. Уже в 1766 г. он поручил разработать проект конституции, т. е. постановление под названием *«З'яднанне уніі Вялікага княства Літоўскага з Каронай Польскаю»*, в которой была заложена идея централизации государства. Но проект этот встретил оппозицию со стороны Чарторыйских, брата короля Михаила Понятовского, других сановников. В результате король от проекта отказался, хотя своего мнения не изменил [60, с. 370].

Предложения по изменению унии, централизации исполнительной власти вносились и в 70-е гг. XVIII в., после первого раздела Речи Посполитой, в частности, ставился вопрос об унификации права, что должно было привести к ликвидации Статута ВКЛ, правовой системы Княжества. Эти же вопросы постоянно затрагивались и обсуждались и в комиссиях, готовивших проекты документов во время работы Четырехлетнего сейма, в том числе и проекта Консти-

туции 3 мая 1791 г. В этой Конституции была заложена идея унитарного государства, в ней не содержалось употребляемое до этого название «Рэч Паспалітая Абодвух Народаў». Нет в ней и «Рэчы Паспалітае» в смысле связи обоих государств. Государство в Конституции называется словами «Айчына», «Польшча», а сеймовые станы, согласно ее преамбуле, — это представители «народа польского». О Литве и литвинах в тексте нет и речи, если не считать упоминания о Великом Княжестве Литовском в титуле монарха и подписи маршалка литовской конфедерации. И тем не менее проект Конституции был принят, против было 72 из 182 присутствовавших в зале сенаторов и послов. Поддержавшие майскую Конституцию учитывали тот факт, что многие вопросы, касавшиеся взаимоотношений Короны и Литвы, в ней не были четко оговорены, а это давало возможность защитить политическую субъектность Княжества при разработке других законов по реформированию государственного строя Речи Посполитой и реализации самой Конституции. К их числу надо прежде всего отнести закон, получивший название «Взаимная гарантия двух народов» («Узаемныя Заручыны»), единогласно принятый Сеймом 20 октября 1791 г. Этот закон регулировал взаимные связи Короны и Литвы на основе равноправности и подтверждал дуалистический характер государства, созданного на основе унии, хотя автономия Княжества должна была уменьшиться.

Необходимо подчеркнуть, что работа Четырехлетнего сейма, принятые на нем законы, в том числе и Конституция 3 мая 1791 г., «Узаемныя Заручыны», привлекли большое внимание историков и, несмотря на различные оценки, преобладает мнение, что в них отразились уступки и компромиссы сторон во имя высших интересов всей Речи Посполитой, ее сохранения и укрепления как федеративного государства.

Однако в Речи Посполитой было немало консервативно настроенных магнатов и шляхты, выступивших против решений Четырехлетнего сейма и с помощью соседних феодально-монархических государств, встревоженных происходившими здесь изменениями, им удалось одержать победу над патриотическими силами и захватить власть в стране. Это произошло в результате борьбы, которую развернули сторонники конфедерации, созданной в мае 1792 г. в местечке Тарговице. Решения Четырехлетнего сейма, в т.ч. и Конституция 3 мая 1791 г., были отменены, а в декабре 1793 г., уже после второго раздела Речи Посполитой, Гродненским сеймом была принята новая Конституция, заметно отличавшаяся от прежней.

Но и эта Конституция не была реализована, осталась на бумаге как памятник права, ибо Речь Посполитая теряла свою самостоятельность. Попытки Т. Костюшки и его единомышленников спасти страну, восстановить ее в границах 1772 г. (в марте 1794 г. они подняли восстание) оказались безуспешными. Восстание было подавлено российскими и прусскими войсками, после чего в октябре 1795 г. на основе договора, подписанного Россией, Пруссией и Австрией, был осуществлен третий раздел Речи Посполитой и она как государство, созданное в 1569 г. на основе Люблинской унии, перестала существовать. В истории же Беларуси начался новый период – она оказалась в составе России и находилась в ней до Октябрьской революции 1917 г., а точнее до 1 января 1919 г., когда была провозглашена БССР.

Как же можно оценить нахождение белорусских земель в составе Речи Посполитой в контексте зарождения и развития на них государственности? Этот важный вопрос более подробно рассмотрен нами в учебном издании «История зарождения и развития государственности на белорусских землях (IX–XVIII)», вышедшем в Могилевском университете в 2008 г., и, отвечая на него, необходимо выделить следующие моменты:

1. Объединение ВКЛ с Польским королевством усложнило развитие как самого Княжества, так и белорусских земель, входивших в его состав. Это касается и государственно-политических процессов. В период существования Речи Посполитой они уже во многом развивались не в русле традиций и достижений, которые определились ранее, а под польским воздействием. Но эти традиции и достижения не исчезли на белорусских землях, их сохранению и обогащению способствовало ВКЛ, сложившееся на славяно-балтской территориальной и этнической основе и имевшее черты белорусского государства. Княжество, как мы видели, активно отстаивало свои интересы и почти до конца существования Речи Посполитой находилось на автономном положении. Однако с образованием Речи Посполитой стала деформироваться и его государственность и не исключено, что ВКЛ могло превратиться в одну из провинций Польши, ее «крэсы всходнія». Сторонников этого было не мало.

2. На развитие государственности на белорусских землях негативно сказывалась политика колонизации, подрыв позиций православной церкви по мере распространения католицизма, а с конца XVI в. и униатства. Это нарушало цивилизационные основы, на которых возникла государственность на белорусских землях, они, как известно, были связаны с восточноевропейскими православными

традициями и достижениями. Усложнилось также развитие и этнических процессов, формирование национального самосознания белорусов. Белорусский этнос уже на своей начальной стадии оказался разорванным на т. н. политический народ, в который вошла привилегированная элита из шляхты, участвовавшая во власти, и основную массу населения – крестьянство и жителей городских поселений (в этих поселениях к тому же очень высоким к концу XVIII в. оказался удельный вес иных этнических групп и, в частности, евреев), оставшихся фактически вне сферы государственно-политической жизни. При этом политическая элита ВКЛ, осознававшая себя литвинами, тяготела к Польше, теряла свою этничность, свои этнокультурные особенности, испытывая воздействие ассимиляционных процессов. Этому в значительной мере способствовал отказ от родного языка, религии предков, что меняло и самоидентификацию как белорусской, так и литовской шляхты. Многие из ее среды становились частью новой, складывавшейся в Речи Посполитой общности – «польского народа шляхетского», носителями польской культурной традиции. Безусловно, не вся местная шляхта опоячивалась, сближалась с коронными поляками, многие считали себя не только жителями всей Речи Посполитой, но и литвинами, т.е. гражданами ВКЛ, отстаивая его самостоятельность. В этом, как уже говорилось, проявилась особенность национального самосознания граждан Речи Посполитой на последнем этапе ее существования.

Но в рамках Речи Посполитой продолжала формироваться и развиваться и белорусская народность, представленная в основном крестьянством, мелкой православной шляхтой, определенной частью горожан. Однако о правах этнических белорусов ничего не говорилось ни в правительственных постановлениях, ни в законодательных актах, ни в Конституциях 1791 и 1793 г. Не учитывали интересы белорусов и руководители восстания 1794 г., в т. ч. и Т. Костюшко, выходец из местной белорусской шляхты, члены тайных организаций, возникших после разделов Речи Посполитой, некоторые из них ставили лишь вопрос о воссоздании ВКЛ. Неслучайно поэтому основная масса населения белорусских земель спокойно и даже безразлично воспринимала разделы Речи Посполитой.

Все это следует иметь в виду, оценивая место Речи Посполитой в истории белорусской государственности. Она, как и Великое Княжество Литовское, явилась исторической формой государственности, которая позволяла жителям белорусских земель в сложившихся исторических условиях обеспечивать свою жизнедеятельность.

Причем в Речи Посполитой и входившем в нее Великом Княжестве Литовском были созданы политическая и правовая системы, позволившие реализовать многие важные идеи и принципы, служившие не только интересам привилегированных сословий, но и полезные и необходимые тогда всему государству и обществу. Это касается, в частности, идей парламентаризма, разделения властей, межгосударственных связей, роли закона, права. Поэтому история Беларуси рассматриваемого нами периода – это такое прошлое, *«которое значительно больше отвечает современным демократическим нормам и на которое можно значительно больше опираться при построении демократического государства, чем на исторические образцы и примеры прошлого многих других народов. Если гордиться в своей истории не завоевательными войнами и порабощением других, а близостью общественных порядков прошлого к современным нормам и ценностям, белорусам есть чем гордиться»* [61, с. 54]. С такой оценкой нельзя не согласиться, она, на наш взгляд, вполне объективная.

Исторический опыт, накопленный белорусским народом в сфере государственности, продолжал обогащаться и в период его нахождения *в составе России*. Этому периоду в 1990–2000-е гг. был посвящен также ряд важных публикаций. При этом государственная проблематика того времени разрабатывалась в рамках Комплексной программы научных исследований на 2006–2010 гг., утвержденной правительством Республики Беларусь. В результате активной исследовательской деятельности были выявлены и введены в научное обращение многие ранее неизвестные источники, проанализированы работы советских историков, определены проблемы, требовавшие переосмысления, что позволило на основе новых теоретико-методологических подходов более глубоко раскрыть все основные аспекты развития белорусских земель в составе Российской империи. Наиболее полно и обстоятельно данная проблематика была рассмотрена в коллективной монографии, в ее первой части «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.», изданной в 2011 г.

Не будет преувеличением сказать, что с включением белорусских земель в состав России произошел перелом во всех сферах жизни белорусского народа. Изменилось не только государственно-территориальное пространство, в котором оказались жители сельских и городских поселений, иным стал их правовой статус – они были приведены к присяге на верность российской императрице Екатерине II, которая возглавляла тогда Российское государство. Исследования показали, что отказавшихся от присяги было не

много, это были некоторые из аристократических семейств, имения которых были взяты в секвестр (среди них были Радзивиллы, некоторые из рода Агинских, Сапег, Пацов, Чарторийских). Простые жители сельских и городских поселений, и не только из числа православных, довольно спокойно и даже безразлично воспринимали раздел Речи Посполитой и переход под власть российской императрицы (крестьяне непосредственно в присяге не участвовали, это делали их владельцы — шляхта). Сама ее политика способствовала снятию напряженности на присоединенных землях. Так, в «Наказе» Екатерины II от 28 мая 1772 г. «генерал-губернаторам Псковской и Могилевской губерний (это были первые административно-территориальные образования, созданные после 1-го раздела Речи Посполитой. — П.Д.) об организации управления» на присоединенных землях отмечалось, что *«тех жителей, какого бы звания они не были, кои в тишине и спокойствии живут и присягу верности учинят и иную нелицемерно нам сохранять будут, не токмо оставить при всем том, что каждый правительно имеет и где кто живет, но всячески его охранять в безопасности личной и имущественной»* [62, с. 26]. Были изданы указы и об уменьшении налогов с населения белорусских губерний (от 17 апреля 1773 г., 13 апреля 1793 г.), о запрещении продажи крестьян без земли (28 августа 1772 г.), другие распоряжения. Попытки магнатов и крупной шляхты, стремившихся к восстановлению Речи Посполитой в границах 1772 г., повлечь в подготовленные восстания в 1794, 1830–1831 и 1863–1864 гг. широкие слои населения белорусских земель не имели успехов, и все эти восстания не стали широким народным движением.

Надо отметить, что российские власти приняли меры к тому, чтобы учесть сельских и городских жителей белорусско-литовских губерний, определить т. н. ревизские души, что необходимо было по финансово-фискальным соображениям. В этих целях были проведены переписи населения — ревизии, они осуществлялись в 1796, 1811, 1816, 1833, 1851 и 1858 гг. (основным же источником по народонаселению белорусских земель стала Всероссийская перепись 1897 г.). В 1796 г. согласно ревизии, на территории, соответствующей границам современной Беларуси, проживало 2 млн 636 тыс. человек [63, с. 152]. И все они становились гражданами российского государства, получив права, которыми пользовались и другие жители (ограничения касались лишь евреев).

Менялось и административно-территориальное устройство белорусских земель, в его основу были положены российские структу-

ры, представленные губерниями, уездами/поветами, волостями, но оно неоднократно менялось. Исследования показали, что процесс включения белорусских земель в государственно-политическую систему России был долговременным и сложным. Но уже в начале XIX в., при императоре Александре I, присоединенные к России белорусские земли в своих этнических границах оказались в составе пяти Западных/Северо-Западных губерний: Витебской, Могилевской, Минской, Виленской и Гродненской; изменения же, которые вносились в дальнейшем, не были существенными. Данное территориально-административное устройство, по мнению историков, закрепляло этническую территорию Беларуси, благоприятствовало национальной консолидации белорусов.

Вместе с тем местные административно-территориальные структуры западного региона России были поставлены под контроль генерал-губернаторов, которые возглавили объединенные губернии, называвшиеся наместничествами. Генерал-губернаторы обладали высшей властью, они являлись представителями императоров на местах, были их наместниками. В связи с неустойчивостью и сложностью общественно-политической обстановки в Западных губерниях генерал-губернатор получил право вводить военное положение даже без согласования с императором.

Особенно был усилен контроль над западными окраинами России после восстания 1830–1831 гг. Тогда, в 1832 г., был создан новый государственный орган, правда, временный – Особый комитет по делам Западных губерний, в который вошли министры внутренних и военных дел, государственного имущества, другие высшие чиновники, возглавил его граф В. Кочубей (комитет прекратил свою деятельность в 1848 г.).

Созданные на белорусских землях административно-территориальные структуры имели свои учреждения и должности, функции которых были связаны с реализацией принимаемых решений и обеспечением на местах правопорядка и спокойствия, укреплением позиций царизма на присоединенных территориях. Все они состояли в основном из назначаемых властями чиновников (имелись и выборные должности) на сословной основе и не только русского происхождения, но и из числа местного дворянства. Поэтому неверно было бы утверждать, что белорусы в России были отстранены от осуществления власти и решения государственных и общественных дел.

Определенные изменения произошли и в управлении белорусскими городами, на них была распространена Жалованная грамота российским городам 1785 г.

Менялась законодательно-правовая и судебная система. Но в течение еще довольно длительного времени главным источником права на белорусских землях оставался Статут 1588 г. (в 1811 г. в Петербурге он был издан на русском и польском языках). В Наказе Екатерины II, изданном после присоединения восточных районов Беларуси к Российской империи в 1772 г., отмечалось, что *«суд і расправа ў тых правінцыях па асабістых справах павінны праводзіцца па іх законам і звычаях і іх языком ва ўсіх тых выпадках, каторыя не датычацца нашай улады»* [64, с. 393]. Однако после издания «Учреждения для управления губерниями» 7 ноября 1775 г. на этих территориях вводились российские суды. Окончательно прежняя судебная система на белорусских землях была ликвидирована и унифицирована после восстания 1830–1831 гг. при императоре Николае I. После этого восстания стала ограничиваться и реализация Статута 1588 г., в губерниях Витебской и Могилевской он был отменен в 1831 г., а в Виленской, Гродненской и Минской в 1840 г.

В 30-е гг. XIX в., когда началась подготовка общего Свода законов Российской империи (этим занималась комиссия М. Сперанского), предполагалась разработка и местных законов Западных губерний с включением их в Свод российских законов (этой работой руководил известный тогда ученый-правовед И. Данилович). Но польское восстание 1830–1831 гг. изменило политику царских властей и новое местное законодательство так и не было введено.

Таким образом, уже к середине XIX в. все сферы государственности на белорусских землях – административное управление, законодательство и судебные органы были перестроены по российскому образцу. Учитывались в определенной мере и местные особенности.

Однако белорусские земли не были выделены в отдельную этнонациональную единицу или в автономный регион, как это было сделано в начале XIX в. в отношении Финляндии, а затем и польских территорий, включенных в состав России после Отечественной войны 1812 г. Финляндия в форме Великого княжества в России пользовалась большой самостоятельностью и получила возможность развивать свою государственность, на нее даже не распространялись российские правительственные учреждения (с 1323 г. Финляндия находилась в составе Швеции).

Учены были особенности и польских земель, входивших в Герцогство Варшавское, созданное Наполеоном и присоединенное к России на основе решений Венского конгресса 1815 г. На этих

землях было создано Царство Польское (называлось и другими терминами: Княжество Варшавское, Королевство Польское), также имеющее автономию и Конституционную Хартию, правда, более ограниченного характера, чем в Финляндии.

Белорусские же земли (как украинские и литовские) стали частью административно-территориальной структуры России. И это не случайно. Екатерина II, при которой шли разделы Речи Посполитой, смотрела на белорусские земли как на земли Западной Руси, ополяченной за время нахождения в Речи Посполитой. Уже тогда, т. е. в конце XVIII в., в России стали появляться публикации, в которых закладывались основы идеологии западнорусизма, получившей широкое распространение в российской историографии в XIX в. и определявшей политику властей в отношении белорусов. Сторонники этой идеологии рассматривали белорусов как часть единого народа русского, его западную часть или ветвь, испорченную, как писал М. Коялович, польским влиянием.

Поэтому о создании на присоединенных белорусских землях какого-то государственного образования автономного характера и речи не могло идти. Ставилась задача преодолеть польское влияние, приблизить население этих земель к «русскости», к русскому языку, культуре, интегрировать в российскую государственно-политическую и социальную систему. Но коренные жители белорусских земель восточнославянского происхождения не были ограничены в гражданских правах. Исследования показали, что в созданных на присоединенных землях органах власти и управления наряду с русскими чиновниками имелись представители и местного дворянства. В 30–50-е гг. XIX в., пишут авторы монографии «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.», «сярэдняе і ніжэйшае чыноўніцтва беларускіх губерняў фарміравалася амаль выключна з мясцовых ураджэнцаў, пераважна дробнай шляхты каталіцкага веравызнання» [65, с. 72]. Вместе с тем царские власти прилагали усилия, чтобы увеличить количество чиновников православного вероисповедания, в которых царизм видел свою опору. В целом же в местной администрации, судебных органах, других учреждениях были представители всех конфессий. Так, в конце 50-х гг. XIX в. среди руководства Минской губернии православных было 8 (32%), католиков – 16 (64%), протестантов – 1 (4%) [66, с. 72]. Конфессиональный состав чиновников был обусловлен религиозными верованиями тех социальных групп, из которых он формировался и прежде всего из местного дворянства. Многие из местных чиновников знали и белорусский язык, что показала Все-

российская перепись населения 1897 г. В качестве родного белорусский язык назвали около 40% чиновников. Поэтому можно утверждать, что жители белорусских земель реально участвовали в осуществлении разных государственных функций и нет оснований не учитывать российский период, изучая историю белорусской государственности.

Не следует упускать из вида и органы самоуправления, они имелись во всех сословиях и играли важную роль, были связаны с местными государственными структурами, оказывали влияние на реализацию государственной политики в разных сферах общественной жизни. Особенно широкими правами и возможностями обладали органы дворянского самоуправления, представленные губернскими и поветовыми собраниями, на которых избирались дворянские предводители. Историки отмечают, что *«кола абавязкаў прадвадзіцеляў дваранства як інстытута дваранскай саслоўнай арганізацыі сістэмы мясцовага кіравання было вельмі шырокім. Губернскі прадвадзіцель афіцыйна лічыўся першай пасля губернатара асобай ў губерніі. Калі губернскі прадвадзіцель усё ж такі часткова засланяўся губернскай уладай, то павятовы быў сапраўдным гаспадаром павета. Ён фактычна замяняў павятовае звяно ў мясцовым быракрытычным апарате»* [67, с. 80].

Сохранилось и городское самоуправление. Белорусские города были лишены Магдебургского права, но в ходе преобразований создавались новые органы, решавшие вопросы, касавшиеся жителей городских поселений, в т. ч. и судебные дела. Были сохранены, а затем и реформированы органы крестьянского самоуправления. Оно было организовано как на традиционных, ранее сложившихся формах (сельские общины, копные суды), так и новых, созданных в волостях [68].

Как и в период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой, государственность, ее формы, структуры и функции и в России определялись не только особенностями политического строя, но и господствовавшими социально-экономическими порядками и отношениями, связанными с феодализмом. Это особенно было заметно в первой половине XIX в. Однако феодальный способ производства изживал себя, Россия становилась на путь модернизации, в процессе которой менялись все сферы общества. Все это требовало реформ, соответствующих преобразований, начало которым положила отмена в 1861 г. крепостного права. Такие реформы (земская, городская, судебная, военная и др.) были осуществлены. Но в Западных губерниях они имели свои особенности, их реализа-

ция затянулась, а земская реформа вообще не проводилась, к ней приступили лишь в начале XX в.

Вместе с тем сам государственно-политический строй России не изменился, она оставалась монархией с отсутствием многих демократических прав и свобод. В Западных же губерниях общественно-политическая ситуация усложнилась проблемами, порожденными разделами Речи Посполитой и включением ее земель в состав России. Эти проблемы касались не только польской государственности, но и государственности Великого Княжества Литовского, входившего в Речь Посполитую, они не раз поднимались местными общественными деятелями из числа польско-литвинской шляхты. Проекты восстановления Речи Посполитой, в т. ч. ВКЛ находили отражение не только в предложениях, направляемых царским властям (предложения М. Агинского, А. Чарторыйского), но и в планах тайных обществ, подготовивших восстания в 1830 и 1863 гг.

Вопросы государственности, изменения политического строя России поднимались и в тайных народнических, а затем и марксистских, социал-демократических организациях, возникших во второй половине XIX в., в т. ч. и тех, что имелись в Западных губерниях. При этом зарождалось белорусское национальное движение, было обосновано право белорусов на создание своего государства, что, как известно, впервые было высказано членами народнической группы «Гомон», созданной в 1884 г. в Петербурге студентами-уроженцами Беларуси, обучавшимися в вузах города. Еще более активизировалось белорусское национально-освободительное движение в годы Российской революции 1905–1907 гг.

Эта революция оказала большое воздействие на политику царизма, и он вынужден был осуществить меры, непосредственно затронувшие государственный строй, придавшие российскому самодержавию черты конституционной монархии, что было связано с реализацией Манифеста от 17 октября 1905 г. Провозгласив демократические свободы, царизм вынужден был созвать орган парламентского типа с законодательными функциями – *Государственную думу*, которая стала новым и важным фактором общественно-политической жизни России, в т. ч. и ее западных окраин.

Необходимо отметить, что уже в 80-е и особенно в 1990–2000-е гг. белорусские историки провели большую исследовательскую работу, касавшуюся избрания и функционирования российской Государственной думы первых четырех созывов, и мы имеем возможность дать более объективную, чем это было в советский период, оценку ее роли в истории белорусской государственности.

Так, есть основания утверждать, что жители Западных губерний, как и созданные здесь национальные и общероссийские политические партии проявили большой интерес к Думе и надеялись на возможность решения назревших общественно-политических и социальных проблем, в т.ч. и проблем национально-государственного самоопределения белорусского народа и других этносов западного региона России. Вопросы децентрализации этого региона, идеи автономии и самоуправления не только вошли в программы всех действовавших здесь партий либерального, пронароднического и социал-демократического направлений, а также и общественных объединений, но и открыто обсуждались в печати, проводимых собраниях и манифестациях. Изменилась и политическая структура белорусского общества, на арену политической жизни вышли новые лидеры, использовались новые средства и возможности для агитационно-пропагандистской деятельности, что было использовано во время избирательных компаний в Государственную думу.

Исследования показали, что представители Западных губерний имелись в Думе всех четырех созывов, причем от всех сословий, но избирательный закон (а он неоднократно менялся) обеспечивал наиболее полное представительство в ней депутатов буржуазно-либеральных и консервативно-монархических партий и объединений.

И тем не менее жители белорусских земель получили реальную возможность участвовать в законотворческой деятельности первого российского парламента. Так, депутатами I Государственной думы стали 36 человек: 12 крестьян, 8 помещиков, 2 ксендза, епископ, равин. Из них 29 прошли в Думу под кадетскими лозунгами, из 7 остальных депутатов 5 относили себя к беспартийным, 1 — к социал-демократам и 1 — к правым. В I Государственной думе имелось 12 белорусов, среди них 11 крестьян.

Такое же количество депутатов, т. е. 36, было избрано от западных губерний и во II Думу. Но в сравнении с I Думой увеличилось количество крестьянских и помещичьих депутатов (соответственно — 16 (44,4%) и 13 (36,5%)). Вместе с тем наибольших успехов во время выборов во II Думу добились в западных губерниях правые. Например, октябристско-монархические группы в Минской, Могилевской и Витебской губерниях провели в Думу 15 депутатов (41,7%). Левые партии и группы потерпели поражение, хоть в целом II Дума была более левой, чем первая.

Не изменился количественный состав депутатов от Западных губерний и по результатам выборов в III Думу. Но в этом созыве Думы среди депутатов от Западных губерний преобладали правые

(29 человек) и либералы (7 человек). Надо заметить, что усилению позиций правых и либералов в Западных губерниях, как и в целом по России, способствовал избирательный Закон от 3 июня 1907 г., поражение революции, другие причины. На основе этого закона проходили выборы и в IV Думу, но в ней преобладали правые (30 человек) и либералы (6 депутатов) [69, с. 278, 282, 287, 292].

Многие историки отмечали, что состав депутатов Думы от Западных губерний отражал не только особенности социальной структуры белорусского общества, но и многонациональный и поликонфессиональный характер всего этого региона. Сказывалось и давление властей, политика, проводимая царизмом на западных окраинах Российской империи, ставилась задача удержать контроль над ними, учитывая польские претензии на них и зародившееся белорусское национальное движение, поэтому необходимы были депутаты – сторонники единой и неделимой России.

В Государственной думе поднимались разные вопросы как социально-экономического, так и общественно-политического характера и, как показали исследования белорусских историков, депутаты от Западных губерний принимали активное участие в их обсуждении. Это касается и крестьянских депутатов, они особенно были активны при рассмотрении аграрного вопроса, проблем образования, других вопросов, затрагивавших интересы сельских жителей. Поднимались и вопросы, касавшиеся права белорусского народа на самоуправление, автономию, вносимые же предложения определялись партийной принадлежностью депутатов. В целом, однако, белорусский национальный вопрос в российской Думе не только не обсуждался, но и не был сформулирован и не вносился в повестку дня ни одного из ее созывов. Государственный статус белорусских земель не изменился и после революции, они оставались в ранее созданных губерниях, новым моментом стала лишь организация земств. Земская реформа, как уже отмечалось, в России стала осуществляться в 1864 г. и явилась одной из важных в числе преобразований 60–70-х гг. XIX в., однако, на западные губернии ее не распространили. Только спустя 40 лет, в 1903 г. была сделана попытка организовать земства в губерниях Минской, Витебской и Могилевской, но земские органы здесь не избирались, а назначались министром внутренних дел и губернаторами. Более широко были осуществлены меры по реализации земской реформы на белорусских землях на основе указа, изданного в марте 1911 г., но и на этот раз контроль за деятельностью земств сохраняли губернаторы и поветовая администрация [70].

Таким образом, в Российской империи, как и во время нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой, этнонациональные компоненты государственности не реализовывались. Государственность на белорусских землях обеспечивалась российской политической и правовой системой, приобретавшей после революции 1905–1907 гг. парламентские черты. Эта система давала возможность местному населению в той или иной мере участвовать в решении государственных и общественных дел.

Вместе с тем вызревали предпосылки, как объективные, так и субъективные, для государственного самоопределения белорусского народа, его необходимость уже в конце XIX в. была осознана и стала важной задачей зародившегося белорусского национального движения. Решение этой задачи было ускорено революционными событиями, происходившими в России в 1917–1918 гг. Первая попытка реализовать право белорусского народа на государственное самоопределение была предпринята в декабре 1917 г. на Всебелорусском съезде. С учетом решений этого съезда (он был разогнан) принимались и меры, приведшие к провозглашению в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР), но она не стала исторической реальностью. Белорусская государственность воплотилась в Белорусской Советской Социалистической Республике (БССР), политически и юридически оформившейся с 1 января 1919 г. С этого времени в истории белорусской государственности наступил новый период, продолжавшийся до начала 90-х гг. XX в. Советская модель сыграла важную роль в развитии белорусской государственности и нет оснований недооценивать БССР, она *«стала реальной и полноценной формой белорусской государственности, на основе которой было обеспечено национально-государственное развитие белорусской нации, а провозглашение и становление суверенной Республики Беларусь – важнейшим фактором ее дальнейшей консолидации»* [71, с. 233]. С таких научных позиций рассматривается история БССР многими белорусскими учеными.

Тема 4. Возникновение и развитие белорусского национального движения: разрабатываемые проблемы, дискуссионные аспекты

Изучая прошлое Беларуси и научно переосмысливая прежние оценки и выводы, историки 1990–2000-х гг. не могли обойти и проблематику, которая связана с белорусским национальным дви-

жением. Эта проблематика также приобрела актуальность и стала важнейшей в новейшей истории белорусского народа.

Вместе с тем научная разработка истории национального движения усложняется полемичностью самой дефиниции «нация» и производных от нее понятий «национализм», «национальная идентичность», «национальная идеология» и др. Как уже отмечалось в теме 2, ученым так и не удалось обосновать общепризнанное понимание нации, высказаны разные суждения. В данном случае мы исходим из того, что нация – это реальная исторически складывающаяся общность, имеющая генетические корни, этническую основу и объединенная территориально со своими этноязыковыми и культурными признаками и традициями. Однако многие нации – этносы сложились и развивались, не имея собственных государств, находились в составе определенных стран и не обладали суверенными правами, оказались в подчиненном и даже угнетенном состоянии. Главная предпосылка возникновения национального движения – высокий уровень этнического самосознания. Этнос в своем развитии достигает стадии, когда появляется национализм как мировоззрение, идея, разрабатываемая социальной элитой этноса, его интеллигенцией. *«Говорить о национальной идее можно только в одном случае – если существует особый, самостоятельный народ, стремящийся к созданию собственной государственности, или уже ее обретший, требующий суверенного права на управление своей землей – именно такая общность людей и называется нацией»*, – подчеркивал И.А. Марзалюк [1, с. 44].

В процессе формирования нации возникали политические партии и организации, лидеры которых разрабатывали соответствующие программы, реализуемые в ходе освободительной борьбы. То есть, национальное движение – это не стихийные выступления, а идеологически осознанное, политически организованное движение. Оно зарождается и развивается в конкретно-исторических условиях, имея программные установки и цели. Причем они касались как социальной сферы, сферы культуры, так и политических проблем, в т. ч. и проблем национальной государственности. Национальное государство становится особым типом государства (nation state), в котором этнос, создавший его, играет ведущую роль в осуществлении власти, хоть в управлении государством в той или иной степени принимают участие и представители иных этнических общностей.

Общепризнанным является тот факт, что национальное движение, широко распространившееся в Европе в XIX в. (его даже называют «веком национализма»), имело идейные предпосылки, по-

рожденной эпохой Просвещения, связанной с XVIII в. Процесс же модернизации, которым сопровождался переход от феодализма с его аграрно-ремесленной экономикой к индустриальному обществу, создал новые возможности, а идеи свободы, народного суверенитета становились антитезой имперскому властолюбию. И тогда же в европейских странах происходило активное обсуждение понятий «нация», «национальность», «народ», «суверенитет», других терминов, вырабатывались методологические принципы и подходы к изучению этнонациональных проблем. Широкое распространение получило и понятие «национальное самоопределение», оно явилось аналитической категорией, которая использовалась для раскрытия целей освободительной борьбы европейских народов.

В XIX в. возникло и белорусское национальное движение, ставшее объектом исследований многих ученых. Не будет преувеличением сказать, что в постсоветский период отечественная наука, опираясь на более широкую документальную базу, сумела обосновать выводы, которые позволили углубить наши представления как о формировании белорусской нации, так и о зарождении и развитии национального движения в Западных губерниях России. Причем белорусские историки учитывали работы, вышедшие в начале XX в. В основном это были публикации самих участников и организаторов белорусского национального движения. Так, уже в 1909 г. в сборнике статей «Формы национального движения в современных государствах» была помещена статья А. Луцкевича (под псевдонимом А. Новина) «Белорусы». Автор впервые в отечественной историографии сделал попытку осмыслить политический путь белорусского народа, определить основы и предпосылки зарождения белорусского национального движения, возникновение первых политических партий, стремившихся возглавить это движение. В дальнейшем появились и другие публикации, в основном публицистические, они помещались в газетах «Наша Доля», «Наша Ніва», «Вольная Беларусь», «Белорусская Рада», «Белорусская Земля», «Грамада», «Крывічанін», «Дзянніца» и других белорусских периодических изданиях, выходивших не только в Западных губерниях, но и в российских городах, особенно в 1917 г. Важными были и статьи, другие материалы участников событий, происходивших на белорусских землях после Февральской и Октябрьской революций, когда предпринимались шаги по созданию белорусского национального государства. Их авторами были известные тогда белорусские общественные деятели, участвовавшие в создании БНР, БССР – А. Луцкевич, П. Кречевский, Я. Кончар, А. Цвикевич,

А. Гарун, З. Жилунович, К. Езовитов, Ф. Турук и др. Позднее появились и обобщающие работы научного характера, в них содержались ценные фактические материалы по самым разным аспектам белорусского национального движения в период, когда шло нарастание революционной борьбы в России с начала XX в. и до событий, происходивших в 1917–1918 гг.

Однако в 30-е гг., когда в БССР развернулась борьба с т. н. нацдэмами, изучение истории зарождения и развития белорусского национального движения было, по сути, прервано, а многие его участники и организаторы объявлены буржуазными националистами, их работы не издавались, оказались под запретом. Что же касается методологии, то она строилась на принципах марксизма-ленинизма.

Отношение к истории белорусского национального движения стало меняться в 60–70-е гг. после XX съезда Компартии. Уже тогда был открыт доступ как к архивным документам и материалам, так и публикациям, ранее находившимся под запретом, что позволило во многом обновить саму источниковую базу по самой проблематике. Широкие возможности для изучения истории белорусского национального движения открылись в постсоветский период. Предметом исследований тогда стали не только события, в которых проявилось национальное движение, но и более общие проблемы, в частности, те, которые касались разработки национальной идеи, ее содержания, целей и задач освободительного движения, его периодизации, роли политических партий в организации этого движения на разных его этапах. Им посвящены как статьи, так и монографические исследования, среди которых надо выделить монографию историографического характера, подготовленную сотрудниками Института истории НАН Беларуси «На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы» (Минск, 2011). В ней впервые был сделан анализ состояния научной разработки основных аспектов становления белорусской нации и вопросов национального движения, что поднимались в XIX–XX вв. в отечественной и зарубежной историографии.

Проведенные исследования показали, что в белорусском национальном движении отразились как общие закономерности, так и особенности, порожденные историческими условиями, в которых находились белорусские земли в XIX в. Оказавшись в составе России, белорусский этнос не только сохранил свои основные признаки, традиции, но и приобрел новые качества. Несмотря на все сложности, формировалась и национальная интеллигенция, как выразился Н. Сташкевич, «создавался социальный капитал», а

это явилось важным субъективным фактором возникновения национального движения, разработки национальной идеи. Само понятие «интеллигенция» как в европейских странах, так и в России стало использоваться в повседневной речи и публикациях именно в XIX в., в его второй половине. И хотя оно объяснялось по-разному, к интеллигенции относились люди умственного труда. Эти группы складывались в результате социальной трансформации общества, а их базой были разночинцы, выходцы из разных сословий. Как лица, имевшие соответствующее образование, интеллигенты/интеллектуалы заняли критическую позицию в отношении господствовавших общественных порядков, в т. ч. и тех, что касались национальных отношений. Это относится и к белорусской интеллигенции. Как уже отмечалось в теме 2, белорусская интеллигенция была малочисленной, и тем не менее из ее среды вышли многие участники и организаторы национального движения, они же разрабатывали и белорусскую национальную идею, добивались ее реализации.

Отечественные историки признают тот факт, что белорусов можно отнести к «молодым нациям» со своеобразной социальной структурой, а их национальное пробуждение шло медленно. Но ему способствовали объективные процессы, связанные с модернизацией, охватившей все сферы общественной жизни, особенно в пореформенные годы, что не могло не сказаться на этническом самосознании жителей сельских и городских поселений и они постепенно втягивались в освободительную борьбу.

Расширялись и коммуникативные возможности, что было связано с информационным пространством культуры, складывавшимся в Северо-Западном регионе России, где находились белорусские земли. Эти возможности проанализированы в монографии С.М. Сороки, изданной в 2016 г. в Новополоцке (она включена в список литературы, содержащейся в издании). В частности, показана роль информационного ресурса образования. Образовательная система Западных губерний, несмотря на все недостатки и ограничения, расширяла сферу просвещения, позволяла местной молодежи получать знания, способствовавшие формированию у нее представлений о Беларуси как особом крае, с его особенностями и традициями, т. е. исторические знания. Многие исследователи подчеркивали, что нация свидетельствует о себе через свою историю. Историческая память является важным элементом национального самосознания.

Исторические знания молодежь приобретала не только в школах Белорусского учебного округа, Виленском университете (до его

закрытия в 1832 г.), но и в российских вузах. Правда, изучалась только всеобщая и российская история. Но патриотически настроенные учителя могли использовать материалы местной истории и прежде всего тех государств, в которых находились белорусские земли (ВКЛ, Речи Посполитой). Источником исторических знаний стали и научные публикации, а затем и работы по истории Беларуси обобщающего характера, авторами которых были уроженцы белорусских земель О. Турчинович, М. Довнар-Запольский, В. Ластовский. Книга В. Ластовского «Кароткая гісторыя Беларусі» может рассматриваться как первое учебное пособие по отечественной истории. Оно было, как писал А. Грицкевич, подготовлено «*беларусам і для беларусаў*», сам автор книги писал: «*Працу гэту ахвярую сынам маладой Беларусі, каб хаця з гэтай кароткай і няпоўнай працы маглі пазнаваць гісторыю бацькаўшчыны і сваёй роднай мовы*» [2, с. 5]. На материалы книги В. Ластовского могли опираться белорусские учителя, в созданных в начале XX в. школах.

Представлению о белорусах как самостоятельном, самобытном народе способствовали также исследования, проводимые местными краеведами, этнографами, любителями старины, группировавшимися вокруг российских научных обществ, их отделений (Северо-Западное отделение географического общества, Виленская археографическая комиссия, другие научные организации). Эти исследования находили поддержку и со стороны некоторых государственных деятелей России. В данном отношении выделялся известный тогда в стране граф Н.П. Румянцев, проживавший, после отставки, в Гомеле. Вокруг него сложилась целая группа исследователей, развернувшая поиск рукописей и других материалов «западнорусской давнины». В нее входил и И.И. Григорович – автор изданного в 1824 г. сборника документов «Белорусский архив древних грамот», заложившего источниковедческую базу для исследования истории Беларуси. Большое значение для пробуждения национального самосознания белорусов имели публикации этнографических и фольклорных материалов, собранных П. Шпилевским, И. Носовичем, А. Киркорам, П. Штейном, Ю. Крачковским, Е. Романовым, П. Сапуновым и другими исследователями. Подчеркивая важность всей этой деятельности для национального пробуждения белорусского народа, формирования белорусской национальной идеи, А. Цвикевич писал: «*Працы па мясцовай гісторыі і этнаграфіі ўсё больш і ўсё шчыльней набліжалі свядомасць мясцовага грамадства да пераканання, што тутэйшы край не ёсць Расія і не ёсць Польшча, а ёсць Беларусь*» [3, с. 19].

Рост этнического самосознания коренных жителей белорусских земель восточнославянского происхождения, проживавших на территории Западных губерний России, стал важнейшим, можно сказать, основным фактором возникновения белорусского национализма, его идейного оформления. Он вписывался в ту схему, точнее фазы европейского национального движения Центрально-Восточного региона Европы, о котором писал чешский историк Мирослав Грох. Белорусский национализм рождался на первой, «этнографической фазе», когда шло накопление эмпирического материала, а мотивирован он был интересами белорусского этноса. Этот процесс нашел отражение и в идентификации жителей Западных губерний России, она уже была тесно связана с термином «Белоруссия». В XIX в., особенно во второй половине этого столетия, он уже не являлся топонимом, распространился фактически на всю территорию, на которой шло становление и развитие белорусского этноса, приобрел общенациональный смысл и, как справедливо заметил А. Латышонок, без учета этого слова *«само паняцце “беларуская нацыянальная ідэя” немагчыма»* [4, с. 405]. Широко использовались и названия «белорусы», «белорусские люди», «белорусский язык», «белорусская шляхта», «белорусские губернии» и другие, производные от термина «Белоруссия», названия. Даже в названиях «тутэйшыя», «тубыльцы» (так называли себя жители некоторых отдаленных поселений во время проводимых опросов) отражалось понимание отличий от других: русских, поляков, литовцев, т. е. пришлых, некоренных жителей.

Поэтому изучая историю белорусского национального движения, необходимо проследить, что делалось его организаторами для вовлечения в это движение простых жителей сельских и городских поселений, расширения его социальной базы, использования жизненной энергии народа для решения назревших социальных и национальных проблем. Понятие «народ» как гражданскую общность, на которую надо опираться в борьбе с деспотизмом, идею «народного суверенитета» активно обсуждали в XIX в. многие европейские мыслители при определении доктрины «национального самоопределения». *«Народ – гэта ўвасабленне нацыі»*, – писал французский историк Ж. Мишле [5, с. 17]. Становилось очевидным, что национальная идея не может быть реализована без пробуждения народа, использования его энергии. *«Галоўнай адзнакай, вызначаючай палажэнне народа ў гісторыі»*, – писал А. Цвикевич, – *з’яўляецца яго ўласная моц, яго воля да жыцця. Усе іншыя адзнакі – роль ураду, адносіны суседзяў і розныя іншыя аб’ектыўныя варункі, маюць другароднае значэнне»* [6].

Но реализация белорусской национальной идеи усложнялась не только особенностями формирования белорусской нации, но и политикой государств, в которых находились белорусские земли, в начале полонизацией, а затем и русификацией. Польское влияние на этногенез белорусов стало усиливаться уже в XVII–XVIII в. и во многом сохранилось после разделов Речи Посполитой и присоединения белорусских земель к России, что не могло не сказаться на идентификации их жителей. Лишь после восстания 30-х гг. XIX в. царские власти приняли меры по его ограничению, распространению здесь «русскости». И тем не менее многие жители, особенно из местной шляхты, все еще были тесно связаны с польской культурой, считая себя частью «польского народа шляхетского», т. е. осознавали свою принадлежность к польской политической нации. Не случайно поэтому восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г. стремились не только этнические поляки, но и ополяченная белорусская шляхта, что проявилось во время восстаний 1794, 1830 и 1863 гг. Белорусские историки, и, в частности, сотрудники Института истории НАН Беларуси, занимавшиеся данной проблематикой, сделали вывод, что *«польские пытанне, якое стала асноўным у геапалітыцы Расійскай Імперыі, паглынула і надалей стрымлівала праяву і самастойнае развіццё беларускага нацыянальнага руху»* [7, с. 13].

Вместе с тем национальная самоидентификация многих из белорусской (и литовской) шляхты была связана с т. н. «краёвасцю», «рэгіяналізмам», осознанием себя «литвинами», т. е. народом ВКЛ, идея восстановления которого (ВКЛ) не раз поднималась в XIX и даже XX в. Она имела сторонников и на белорусских землях, среди лидеров белорусского национального движения. Среди белорусской шляхты (дворянства), как и других слоев населения, было немало носителей и «западнорусского» самосознания. Идеология западнорусизма, начавшаяся формироваться уже в конце XVIII в., получила широкое распространение в XIX и начале XX в. во всех регионах Беларуси. Наиболее полный ее анализ был сделан в монографии А. Цвикевича, изданной в 1929 г. Широко обсуждался «западнорусизм» и белорусскими историками 1990–2000-х гг., чему в значительной мере способствовала рецензия М. Бича на работу А. Цвикевича, опубликованная в 1993 г. Появились и другие публикации, высказывались разные оценки. Но, можно сказать, все исследователи согласны, что «западнорусизм» нельзя игнорировать, изучая зарождение белорусского национализма, возникновение белорусского национального движения. *«Вне всякого сомнения, –*

пишет П. Терешкович, — что во второй половине XIX в. именно активность «западно-русов» в первую очередь способствовала артикуляции белорусской этничности» [8, с. 72]. «Западнорусизм» стал и причиной отрыва белорусской идеи от «польского вопроса», польских национальных представлений, оказал воздействие на выбор цивилизационного развития Беларуси в координатах Восток-Запад. Без учета идеологии «западнорусизма» невозможно исследовать многие аспекты проблемы нациогенеза белорусов, как и саму историю Беларуси, развитие белорусской историографии. Вместе с тем не следует упускать из вида и тот факт, что идеологи «западнорусизма» и их сторонники, по сути, отрицали белорусскую нацию и в этом плане играли деструктивную роль [9].

Усложнял формирование национального самосознания белорусов и религиозно-конфессиональный фактор. В новейшей белорусской историографии этому фактору было уделено большое внимание и многое общее в определении роли этого фактора в развитии этнонациональных процессов на белорусских землях уже достигнуто. Так, общепризнанным является тот факт, что белорусский этнос в XIX в. развивался как поликонфессиональная общность и национальное самосознание его представителей из разных социальных групп все еще было связано с религией, вероисповеданием. При этом к концу XIX в. усилилась роль православной церкви. Конфессиональная политика российских властей, проводимая с момента присоединения белорусских земель, способствовала тому, что количество православных верующих здесь значительно выросло, особенно после ликвидации в 1839 г. униатской церкви. В православие переходили и католики, что происходило под давлением, угрозами и предоставлением различных прав и привилегий. Так, если в начале 60-х гг. в пяти Западных губерниях было 2502,1 тыс. православных и 1333,7 тыс. католиков (т. е. на одного католика приходилось почти два православных), то к концу XIX в. соотношение в пользу православных увеличилось еще более. Тогда православных насчитывалось 5114,7 тыс., а католиков — 1947,6 тыс. [10, с. 180]. Поэтому было бы неверно к белорусам относить только православных, как это делали некоторые исследователи, в т. ч. и авторы первых этнографических карт Беларуси, а католиков — к полякам. Многие из католиков осознавали себя белорусами, считали родным белорусский язык, что подтвердили и результаты переписи 1897 г. Согласно этой переписи, из 66,6% православных, проживавших в 40 поветах пяти Западных губерний, 62,3% считали своим родным языком белорусский, а из 18,1% католиков таковым его

назвали 12,4%, т. е. большинство. Наиболее высокий удельный вес православных белорусов наблюдался среди жителей Могилевской губернии – 80,6%, а белорусов-католиков – в Виленской губернии – 32,8% из 58,8% [11, с. 166]. Против игнорирования католиков при разработке проблем, касавшихся происхождения белорусов, выступали тогда многие исследователи. Этнограф А. Сапунов, например, отмечал, что отнесение белорусов к полякам только потому, что они католики, является «этнографическим грабежом». Католическая вера, как показали исследования *«не ўнесла прыкметных перамен у быт і культуру беларускай народнасці, у сваёй аснове яны засталіся адзінымі для беларусаў-праваслаўных і беларусаў-каталікоў»* [12, с. 253]. Это понимала и белорусская интеллигенция, белорусские общественные деятели, писатели, включавшиеся в освободительное движение, многие из них были католического вероисповедания. Нельзя не привести по этому поводу слова белорусского поэта М. Богдановича: *«Мы – трэці народ рускага караню, завемся беларусамі, і старонка наша завецца Беларусь. Есць паміж нас праваслаўныя, есць і каталікі, але народ з нас адзін, бо ўва ўсіх адна гаворка, адны звычаі, адны песні, адна вопратка, адзін лад жыцця»* [13, с. 347–348].

Необходимо отметить, что оценке роли конфессионального фактора в зарождении и развитии белорусского национального движения, его влияния на самоидентификацию белорусов в 1990–2000-е гг. были посвящены многие научные публикации, которые проанализированы в монографии «На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы». При этом широко обсуждались и вопросы, касавшиеся униатской церкви, которую ряд авторов пытался представить, как «нацыянальна-беларускую рэлігію», но эта точка зрения не стала и не могла стать общепризнанной. Вместе с тем в научных работах постсоветского периода было высказано мнение (его обосновал И. Марзалюк), что уже с XVI в. религиозный фактор терял свое значение в процессе консолидации белорусского этноса, этническая самоидентификация коренных жителей белорусских земель во все большей степени стала определяться «*моўна-культурным фактарам*». В целом данная проблема остается дискуссионной, отсутствует и специальная научная монография, в которой был бы проанализирован комплекс вопросов, относящихся к определению роли религии в возникновении белорусского национального движения.

Таким образом, в формировании и развитии национального самосознания жителей белорусских земель восточнославянского

происхождения имелись свои особенности. Однако общей тенденцией стал его рост, что явилось важнейшей предпосылкой для зарождения освободительного движения, выработки национальной идеи.

Определилось и содержание этой идеи, оно охватывало две сферы – культурную и политическую. Значение культурной выявилося уже в первой половине XIX в. и было обусловлено ограничением возможностей для свободного развития белорусского языка, отсутствием национальной системы образования, просвещения. Многие исследователи подчеркивали, что культура играет решающую роль в становлении нации, что особенно важно было для наций Центрально-Восточноевропейского региона, которые в отличие от западного региона, складывались не как сообщества граждан, т. е. не как нации-государства, а как этнокультурные общности. На значение культурных компонентов, и, в частности, роли языка в национальном возрождении Беларуси указывали идеологи и организаторы белорусского национального движения. А. Луцкевич писал, что «... беларускае адраджэнне пачынаецца з адраджэння мовы, – справядлівей: з развіцця народнае гутаркі ў мову літаратурную» [14, с. 223]. Не случайно поэтому изучением языка, письменных источников, которые отражали его состояние, особенности, занимались многих местные и российские исследователи. Так, в «Словаре белорусского наречия», подготовленном Н. Носовичем (уроженцем Могилевщины), содержалось более 30 тыс. слов, отражавших живой белорусский язык и охвативший весь диалектный ландшафт Беларуси середины XIX в. Эта работа Н. Носовича высоко оценивалась лингвистами, его «Словарь белорусского наречия» стал выдающимся памятником национальной культуры белорусов. Н. Носович был автором и других работ, касавшихся белорусского языка.

Проблемами белорусского языка занимались и другие исследователи. Известный в XIX в. этнограф, фольклорист, публицист П. Шпилевский по поручению Археографической комиссии и Отделения этнографии Русского географического общества подготовил исторический словарь «Алфавитный показальник древних белорусских слов», извлеченных из «Актów, относящихся к истории Западной России». В Словаре было объяснено около 13 тыс. слов, его высоко оценила Академическая комиссия и рекомендовала к изданию, но он так и остался не напечатанным. П. Шпилевский пытался создать и грамматику белорусского языка.

В 60-е гг. (до восстания 1863 г.) с ведома российских властей на присоединенных территориях стали выходить некоторые издания

на белорусском языке. Так, Виленский комитет по цензуре разрешил публикацию поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» на белорусском языке в переводе В. Дунина-Марцинкевича, но не на латыни, а кириллицей. В 1863 г. Министерство образования выделило даже 6 тыс. руб. для издания журнала или газеты на белорусском языке, при условии, что будет использована кириллица. В этом же году по инициативе известного тогда просветителя князя П. Ширинского-Шихматова был издан сборник «Рассказы на белорусском наречии». Но после восстания 1863–1864 гг. политика царизма и властей в отношении Западных губерний изменилась и белорусский язык так и не стал использоваться в школе. В 1867 г. было издано распоряжение, даже запрещающее печатать книги на белорусском языке. На протяжении всего XIX в. на белорусском языке не выходили ни одна газета, ни один журнал, не использовался он и в культурно-просветительских учреждениях, в школе. На белорусском языке разрешалось печатать только фольклорные материалы, исторические документы и исторические памятники. Белорусские авторы вынуждены были печатать свои произведения или за границей (в основном в Женеве, Париже и Лондоне) или размножать их в рукописном виде. Борьба за белорусский язык приобретала политический характер, становилась общенациональной задачей.

Понимание роли родного языка в национальном возрождении Беларуси, развитии культуры ярко и понятно выразил Ф. Богусевич – поэт-демократ, основатель критического реализма в белорусской литературе. В предисловии к сборнику «Дудка белорусская», опубликованному в 1891 г., Ф. Богусевич писал: *«Можэ, хто спытае, дзе ж цяпер Беларусь? – Там братцы, яна, дзе мова жывець: яна ад Вільні да Мозыра, ад Віцебска за малым не да Чарнігава, дзе Горадня, Менск, Магілёў, Віцебск, Вільня і шмат мястэчак і весак»*. И затем Ф. Богусевич добавил: *«Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмерлі»* [15, с. 251].

Огромнейший вклад в изучении белорусского языка внес Е. Карский – автор книги «Беларусы», первый том которой вышел в 1903 г. в Варшаве, а в следующем году и в Вильно. Становилось очевидным: белорусский язык – не диалект, не «наречие» русского языка, а самостоятельный язык восточнославянской группы.

Возникновению и развитию белорусского литературного языка способствовало творчество многих писателей и поэтов. Даже те, кто считал себя поляками, например, Ян Чечот, Ян Борщевский, А. Рыпинский, издавали свои произведения не только на польском, но и на белорусском языке, хотя и не употребляли название «беларуская

мова» (Ян Чечот считал, что пишет «на славяно-кыўіцкай мове», а А. Рыпинский назвал ее диалектом польского языка). Важное значение для развития белорусского языка, всей белорусской культуры имело творчество В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богусевича, А. Гуриновича, Э. Пашкевич (Цётки) и особенно молодых тогда поэтов Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича. Их произведения не только обогащали белорусскую литературу, они были проникнуты глубоким патриотизмом и способствовали формированию национального самосознания белорусов.

Не менее важное значение для этнокультурных процессов, способствовавших национальному пробуждению белорусов, вовлечению их в освободительную борьбу имели изменения, происходившие в школьной системе. Эта система, как уже говорилось, не имела национальной, белорусской основы, но она играла общепросветительскую роль и ее, безусловно, надо учитывать, изучая историю возникновения и развития белорусского национального движения. Структура образования на белорусских землях стала складываться по российскому образцу уже в конце XVIII в. и не раз менялась. В XIX в. ее представляли в основном начальные школы, учреждения среднего образования, полного и неполного. Причем быстро росло количество начальных школ, закладывавших основы для распространения просвещения в среде низших сословий. Так, в 1899 г. на территории Беларуси насчитывалось 999 народных училищ, в которых обучались 77 тыс. человек. Около 140 тыс. учащихся постигали основы грамоты в церковно-приходских школах. Исследования показали, что процент учащихся начальных школ ко всему населению вырос во всех Западных губерниях. В 1894 г. он был следующим: Могилевская губерния – 3,8%, Гродненская – 3,3%, Минская – 2,5%, Витебская – 2,1%. В дальнейшем он еще более вырос: в 1911 г. по белорусским губерниям составил – 4,7% и превышал средний общероссийский уровень (4%) [16, с. 10]. В начале XX в. в России поднимался даже вопрос о вводе всеобщего начального образования, в 1910 г. в Государственной думе по этому поводу был принят специальный закон.

Медленее развивалось среднее образование, но и в этой области произошли определенные сдвиги. В начале 1905 г. в Беларуси было 23 средних государственных учебных учреждений (8 мужских и 10 женских гимназий, 1 мужская прогимназия, 3 реальных и 1 коммерческое училища) с 9117 учащихся. Имелись и частные средние школы. Во всех этих средних учебных заведениях обучалась 31328 человек. К началу XX в. расширилась сеть средних специальных

учебных учреждений, главное место по количеству среди которых занимали учительские семинарии, выпускавшие учителей для начальных школ. В 1905 г. в Беларуси действовали 4 учительские семинарии в Молодечно, Полоцке, Несвиже, Свислочи. В 1909–1916 гг. были открыты еще 5 семинарий: мужская в Рогачеве и 4 женских в Орше, Борисове, Гомеле и Бобруйске [17, с. 15].

Важным для подготовки учительских кадров стало открытие на территории Беларуси трех учительских институтов: в Витебске – в 1910 г., Могилеве – 1913 г., Минске – 1914 г. Эти институты не являлись высшими учебными заведениями, но программа обучения в них была шире, чем в семинарии. Учителей для городских училищ и средних школ приглашали из Москвы, Петербурга, Киева, т. е. на местах они не готовились. Надо сказать, что современники (и это подтверждают источники) отмечали желание даже простых жителей обучаться, стать грамотными. Это стремление поддерживали сельские общины, на их средства открывались школы, содержались учителя и все, что необходимо было для организации обучения.

Количество людей грамотных постоянно росло, даже среди сельского населения, крестьян. Об этом свидетельствовали итоги переписи населения 1897 г. Общая численность грамотных по пяти Западным губерниям по результатам переписи 1897 г. характеризуется следующими показателями: в Виленской губернии их удельный вес в отношении всего населения составлял – 33,9%, Гродненской – 31,5%, Витебской – 27,1%, Минской – 22,7% и в Могилевской – 21,8%. В среднем по всем губерниям грамотных было около 26%. Среди мужского населения этот показатель был более высокий – 36,4% [18, с. 199–208].

Однако школа Беларуси того времени, как уже отмечалось, не имела национальной основы, учебный процесс строился с использованием русского языка, да и содержание обучения было русифицировано. Поэтому важнейшей задачей, которая решалась в ходе развития национального движения, стало требование, касавшееся реорганизации системы образования, создания на белорусских землях учебных заведений с использованием родного языка. Такие требования стали открыто звучать в начале XX в., ставился вопрос о «национализации» школы, переводе обучения в школах Западных губерний России на белорусский язык. Первым поставил этот вопрос талантливый белорусский литературовед, публицист и критик, малоизвестный в советский период С.Я. Полуян. Главным средством пробуждения национального самосознания белорусского

народа он считал внедрение белорусского языка в народную школу, демократизацию всего школьного дела [19, с. 57].

Активно отстаивали требования о демократизации школы, переводе учебного процесса на белорусский язык местные учителя/«настаўнікі», созданные ими товарищества. Первое такое общественно-педагогическое объединение появилось в Витебской губернии в 1897 г. В августе 1900 г. был утвержден устав Могилевского товарищества учителей. Учительские организации подобного типа в 1901 г. образовались в Гродно и Минске. Объединяя в своих рядах учителей городских и сельских народных училищ, эти товарищества не только занимались вопросами улучшения их материального положения, но привлекали внимание общественности, властей и к общим проблемам народного образования, добивались его демократизации, организации обучения на белорусском языке.

Особенно активизировалась деятельность белорусских учительских профессиональных организаций после революции 1905–1907 гг., когда был создан «Беларускі настаўніцкі саюз» (он был оформлен на съезде народных учителей в мае 1907 г. в Вильно). Начали выходить и педагогические сборники и журналы – «Голос учителя» (Витебск, 1908), «Белорусский учитель» (Петербург, 1909), «Белорусский учительский вестник» (Могилев, 1910), «Педагогическое дело» (Гродно, 1911). После революции в белорусских губерниях быстро росла численность начальных, средних и специальных учреждений образования, были открыты первые в Беларуси учительские институты, обсуждался вопрос об открытии белорусского университета. Исследования показывают, что несмотря на репрессии и преследования, развернувшиеся в годы рекции в среде учительской интеллигенции, сохранились и распространялись революционно-демократические настроения и активная борьба за развитие просвещения и образования на национально-белорусской основе, внося тем самым важный вклад в национальное возрождение Беларуси.

Важным фактором активизации всей просветительской деятельности, как одного из направлений зародившегося и развивавшегося белорусского национального движения стало возникновение белорусских издательских объединений и обществ: «Загляне сонца і ў наша аконца» (Санкт-Петербург), «Наша Ніва», «Наша хата» (Вильно), «Саха» (Минск). Они наладили выпуск учебной литературы на белорусском языке, в которой остро нуждались народные школы. Первой белорусской книгой для начального обучения, по сути, букварем XX в. стал учебник «Беларускі лемантар, або першая навука

чтання» на латинском шрифте, изданная В. Ивановским. К. Каганец (К. Костровицкий) на основе этой книги опубликовал кириллический вариант лемантара. Большой вклад в создание белорусскоязычной школы внесла белорусская поэтесса, просветительница и педагог Цётка (А.С. Пашкевич). Ее статьи на педагогические темы печатались в газетах «Наша доля» и «Наша Ніва», она занималась и практической педагогической деятельностью, а в 1906 г. в Петербурге, в издательстве «Загляне сонца і ў наша аконца» опубликовала «Першае чытанне для дзетак беларусаў», это была хрестоматия для чтения, рассчитанная на детей первого класса. Активную деятельность на ниве народного просвещения проявил тогда и молодой белорусский писатель Я. Колас (К.М. Мицкевич), он стал автором книги «Другое чытанне для дзяцей беларусаў», которая была хрестоматией.

Необходимо отметить вклад в развитие педагогической мысли, становление белорусской народной школы и К. Каганца. Он являлся не только автором первого белорусского букваря, но написал и «Белорусскую грамматику», пытался составить собственно белорусскую азбуку, разрабатывал грамматические нормы белорусского литературного языка, используя народный язык [20].

С начала XX в. расширился выпуск и художественной литературы, произведений белорусских писателей, научно-популярных изданий. По данным сводного каталога «Кніга Беларусі» (Минск, 1986) из 422 неперIODических белорусских изданий 1824–1917 гг. за девять десятилетий XIX в. вышло чуть более 100, а в 1891–1905 гг. – около 80, с 1906 по 1915 г. появилось еще почти 200 книг и брошюр на белорусском языке. При этом наибольший вклад в развитие белорусского книгопечатания в начале XX в. внесли издательские общества Петербурга. Многие историки отмечали, что этот город стал центром прогрессивных сил, поддерживавших идеи белорусского возрождения и объединявших людей, заинтересованных белорусским делом. Следует отметить также, что на белорусском языке вышли газеты «Наша доля» и «Наша Ніва». В этот же период на территории белорусских губерний возникли и активно действовали и другие культурно-просветительские общества: литературно-драматические, художественно-театральные, музыкальные.

Все эти явления и факты, отражавшие изменения в культурно-просветительской жизни белорусских земель, необходимо учитывать, изучая историю зарождения и развития белорусского национального движения. Но это движение проявлялось не только в сфере культуры. *Формировавшаяся белорусская интеллигенция*

неизбежно должна была поставить и вопросы политического характера, прийти к выводу о праве белорусского народа на государственное самоопределение. Многие ученые подчеркивали, что зарождение такой идеи, ее обоснование – это важнейший показатель зрелости этнонациональной общности, как писал Н. Бердяев, «это есть здоровый инстинкт нации».

Вопрос о государственном самоопределении белорусского народа, превращении белорусского национального движения в движение политически осознанное активно обсуждался историками в постсоветский период, был опубликован ряд работ, главным образом статей. Историографический анализ этих работ, как и всей данной проблематики, относящейся к белорусскому национальному движению, был сделан, как уже отмечалось, авторами монографии «На шляху станаўлення беларускай нацыі», изданной в 2011 г., рассмотрена она и в книге «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.». Проанализированные в этих монографиях материалы показали, что вопрос о том, когда и кем была выдвинута и обоснована идея о праве белоруссов на создание своего государства, не раз поднимался исследователями. Причем многие историки уже в советский период отмечали, что предпосылки для его постановки складывались с начала XIX в., чему способствовала общественно-политическая ситуация, которая сложилась в белорусско-литовских губерниях, присоединенных к России. Правда, как отдельная национальная проблема «белорусский вопрос» выделился далеко не сразу. Единого мнения в местной социальной элите по этому вопросу не сложилось. Решение «белорусского вопроса» усложнялось разными интересами и целями этнических поляков, проживавших на белорусско-литовских землях, ополяченной шляхты и формировавшейся, но еще слабой белорусской интеллигенции. Поэтому проблемы государственности так или иначе связывались с воссозданием разделенной Речи Посполитой и с учетом ВКЛ, входившего в ее состав. Так, если поляки и их сторонники из белорусско-литовской ополяченной шляхты считали необходимым восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г., рассматривая ее как польское государство, то среди литвинов, т. е. коренных литовцев и белорусов, все больше становилось сторонников ВКЛ, восстановленного на основе западных и юго-западных губерний России. Такие предложения содержались в проекте М. Агинского, направленном в 1811 г. Александру I. Восстановить ВКЛ, как и Польшу, местная шляхта, этнические поляки надеялись и в 1812 г. с помощью Наполеона [21].

Все эти обстоятельства не могли не сказываться на белорусском национальном движении, разработке белорусской национальной идеи, важнейшим компонентом которой было государственное самоопределение белорусского народа. Так, в 90-е гг. некоторыми историками было высказано мнение, что национально-белорусские черты имело даже восстание 1794 г. Его придерживался А.П. Грицкевич, в статье, опубликованной в «Беларускім гістарычным часопісе» в 1994 г., он писал: *«Вызваленчае паўстанне 1794 г. мела вялікае значэнне ў гісторыі Беларусі. Гэта было нацыянальнае паўстанне, накіраванае на ўзнаўленне незалежнасці Беларуска-Літоўскай дзяржавы»* (т. е. ВКЛ. – ПД.) [22, с. 39–48].

Однако данная точка зрения не закрепились в исторической науке. Более широкое распространение получило мнение о том, что национально-белорусским следует считать восстание 1863–1864 гг., имея в виду и ту роль, которую в нем сыграл К. Калиновский. Особенно активно отстаивал это мнение белорусский историк М. Бич: *«Беларускі нацыянальны рух, дзякуючы К. Каліноўскаму і яго аднадумцам, узяўся на якасна новы ўзровень, у ім зарадзіўся палітычны кампанент, ідэя дзяржаўнай самастойнасці Беларусі, якая разглядалася з улікам агульных гістарычных каранёў, у адзінстве з дзяржаўнай самастойнасцю Літвы»* [23, с. 269].

Но мнение М. Бича также не стало общепризнанным. Восстание 1863–1864 гг. действительно оставило глубокий след в нашей истории, ему посвящено огромное количество литературы, создана широкая источниковая база, которая постоянно пополняется и анализируется. Как заметила Е.Э. Фиринович, тема восстания 1863–1864 гг. *«сярод іншых навуковых праблем ... займае лідыруючае месца»*, ею *занимались историки многих стран на протяжении более чем 150 лет, однако «у сучаснай беларускай гістарычнай думцы ў канцэптуальным плане распрацоўка праблемы прынцыпова новых акцэнтаў фактычна не прыўнесена»* [24, с. 204, 211]. Неоднозначна оценка и роли К. Калиновского в белорусском освободительном движении. И тем не менее авторы многих публикаций отмечали, что хотя К. Калиновский был активным участником восстания 1863–1864 гг., придерживался революционно-демократических взглядов, распространявшихся тогда в России, он не стал белорусским национальным деятелем и не имел четких, программно выраженных представлений о государственности Беларуси. К. Калиновский, как и другие руководители восстания из числа «белых» и «красных» стремились восстановить Речь Посполитую,

рассматривая ее как «агульную Айчыну» и для поляков и для литвинов, т. е. литовцев и белорусов. Так, отдел Литовского провинциального комитета, руководивший восстанием, в манифесте от 19 марта 1863 г. призвал *«нашых братоў літвінаў і беларусаў якія складаюць з Польшчай непадзельнае цэлае, да ўз'яднання ўсіх нацыянальных сіл вакол сцяга незалежнасці. Адна мэта аднае нас усіх, – гаворылось в обращении, – вызваленне Айчыны, суродзічы ўсіх веравызнанняў і класаў, браты Літвы і Беларусі... Усіх тых у каго б'еца польскае сэрца, заклінаем наперад, пад штандар Белага Арла і Пагоні... Божа, ратуй Польшчу»* [25, с. 222]. Призывы о том, что необходимо воссоздать Речь Посполитую польскую содержались и в других документах.

Вместе с тем конкретных планов о государственном устройстве восстановленной Речи Посполитой, положения в ней ВКЛ, не имелось. Но, как показывает анализ сохранившихся источников, возможно было несколько вариантов: 1) Литва (т. е. ВКЛ) как провинция Польши, ее «крэсы востоднія», что было закреплено и в Конституции 3 мая 1791 г.; 2) Литва как субъект федеративной Речи Посполитой и 3) Литва как самостоятельное государственное образование из литовских и белорусских земель. Есть определенные основания полагать, что К. Калиновский и его сподвижники были сторонниками третьего варианта, хотя специального проекта создания литовско-белорусского государства не имелось.

О государственном же самоопределении белорусского народа, реализации идеи белорусской государственности в ходе восстания 1863–1864 гг. нет никаких свидетельств. Поэтому мы не можем связывать это восстание, как и восстания 1794, 1830–1831 гг., с белорусским национально-освободительным движением. С таких позиций подходили к оценке восстания 1863–1864 гг. многие историки, в т. ч. и лидеры белорусского национального движения начала XX в., в частности, А. Луцкевич. По его мнению – это было *«польскае паўстанне, у якім удзельнічалі «лепшыя людзі» краю, у першую чаргу інтэлігенцыя. Сярод паўстанцаў, якія ў большасці сваёй марылі аб адраджэнні «Польшчы», былі і такія «адзінкі» якія выступалі з лозунгамі самастойнасці Беларусі і Літвы ці больш дакладна, імкнуліся адраджіць Вялікае Княства Літоўскае»* [26, с. 237].

Нет оснований преувеличивать и «белорускость» К. Калиновского. В работах белорусских историков, выпедших в 1990–2000-е гг., отмечалось, что он, как и Тадэуш Костюшко, Адам Мицкевич и другие знаменитые уроженцы белорусских земель, не

осознавал себя белорусом и никто при жизни его таковым не считал. На «краёвым», т. е. региональном субэтническом уровне они считали себя литвинами, а на национальном — поляками. *«Ужыванне тэрміна «літвін» тады не мела значэння нацыянальнага проціпастаўлення, — пішэ І. Марзалюк, — гэта была ўсяго толькі назва рэгіянальная, субэтычная ў межах адзінай айчыны — Польшчы»*. И. Марзалюк называет их «палона-літвінамі». Они знали *«пра існаванне нашага народа, народа беларускага, але сябе з ім ніколі не атаясамлівалі. Ды і не верылі яны ў магчымасць самастойнага развіцця беларусаў»* [27, с. 77]. И. Марзалюк, как и другие исследователи, считает, что литвинская традиция не создала ни белорусского национального движения, ни белорусского национализма, подготовка почвы для этого стало делом белорусов «западно-русской традиции», при этом и католического и православного вероисповедания.

Многие историки отмечали, что борьба поляков и ополяченной шляхты Западных губерний за восстановление Речи Посполитой не только не способствовала белорусскому национализму, но и сдерживала развитие самой освободительной борьбы. Более того, польские деятели стремились использовать белорусскую интеллигенцию в своих политических целях, игнорируя интересы белорусского народа, об этом свидетельствовали и события начала XX в.

Но белорусское национальное движение возникло и развивалось не изолированно от событий, происходивших в России в XIX в. Оно испытало воздействие восстания 1863–1864 гг., социальная база которого была довольно широкой, оно, как уже отмечалось, оставило глубокий след в нашей истории, способствовало распространению освободительных идей. Следует учитывать и обострение социальных противоречий, нарастание революционной борьбы, особенно в 70–80-е гг. XIX в. В эту борьбу включались выходцы из разных слоев населения, в т.ч. и разночинная молодежь Западных губерний России, которая широко была представлена в *народническом движении*. Выступая против самодержавия, народники в то же время активно и широко пропагандировали идеи социального и национального освобождения белорусского народа.

Народническому движению в белорусских губерниях также посвящен ряд научных работ, вышедших в 80–90-е гг., причем были выявлены и опубликованы важные письменные источники, ранее недоступные для читателей. Исследования показали, что первые народнические кружки на территории Беларуси стали возникать уже в конце 70-х гг. XIX в., а в 1881 г. по инициативе членов

Виленской центральной группы «Народная воля» была создана народническая организация Северо-Западного края. Она объединила деятельность народнических групп Виленской, Минской, Могилевской, Ковенской, Витебской и Гродненской губерний. В 70–80-е гг. существовали народнические группы студентов в Петербургских вузах и других университетах России. В создании одной из первых белорусских групп «Народная воля» участвовал И. Гриневицкий, совершивший покушение на российского царя. И, что важно, члены народнических групп стали обращаться с письменными воззваниями, в которых ставили задачи, которые необходимо было решать участникам освободительного движения в Беларуси. И первым таким воззванием стало обращение *«К белорусской молодежи»*, изданное осенью 1881 г. Это воззвание затрагивало широкий круг вопросов, в основном социального характера. Но здесь ставилась и задача о необходимости и важности белорусской молодежи объединиться *«в самостоятельное белорусское землячество, а затем и в сообщество ...», хотя бы под названием «Белорусская грамада»*.

Примерно год спустя, в декабре 1882 г., появляется еще одно нелегальное гектографическое издание – брошюра *«Письма о Белоруссии. Первое письмо»* Данилы Боровика. Предполагались и другие письма, но их (по каким-то причинам) не последовало. Особенность этих изданий состояла в том, что в них разъяснялась роль интеллигенции в возрождении белорусского народа. По мнению Данилы Боровика, *«белорусской интеллигенции надо как можно ближе стать к народу и всеми силами способствовать поднятию его экономического и нравственного быта, пробуждению его самосознания»* [28, с. 32].

Еще более широко были изложены взгляды белорусских народников по национальной проблематике в журнале «Гомон», который она начала издавать в Петербурге весной 1884 г. Появление этого журнала, по мнению С. Александровича, свидетельствовало о том, что белорусские народники (в литературе их называют «народническая группа «Гомон»») пытались сформулировать свою программу действий с учетом особенностей Беларуси, ее положения в Российской империи и назревших задач. Известны и некоторые имена членов этой группы. Это студенты Александр Марченко, Хаим Ратнер, Урбан Крупский, Мартин Стацкевич, Станислав Костюшко-Буйницкий, Левонтий Насович, Болеслав Рынкевич, Марцелий Эдмунд Янчевский и др. Среди них были и православные, и католики в основном восточнославянского происхождения. С. Александрович отмечал, что хотя все письменные документы и материалы груп-

пы «Гомон» вышли на русском языке, их следует рассматривать как произведения национально-белорусской публицистики. Так их оценивал и польский историк Р. Радзик, более того, он утверждал, что петербургские народники стали создателями белорусской национальной идеи (статья под таким названием была им опубликована в 2005 г. в «Белорусском сборнике», вып. 3, с. 75–86).

Анализ документов и материалов группы «Гомон» показывает, что решению национального вопроса они придавали большое значение и впервые обосновали право белорусского народа на свободное и самостоятельное развитие, создание своей государственности в рамках Российской демократической федерации, которая должна быть создана после революционного свержения самодержавия. *«Всякая нация, как и всякая личность, — отмечалось в журнале «Гомон», — не только имеет право, но и обязана защищать свою самостоятельность во всем, что не противоречит развитию человечества вообще и каждой чужой нации в частности. Всякая поэтому нация, как бы она слаба ни была, заслуживает полного признания ее самостоятельности и всякую попытку со стороны других наций подавить эту слабую соседку следует признать вредной, под каким благовидным предлогом она не происходила бы, не только для этой слабой нации, но и для самой угнетательницы»* [29, с. 109].

Члены группы «Гомон» исходили из необходимости федеративного устройства многонациональных государств и в своих документах отстаивали требование национально-территориальной автономии Беларуси в составе будущей послереволюционной демократической федеративной России. Уже во втором номере журнала «Гомон» выражено было четкое понимание своеобразия Беларуси, особенностей ее языка, культуры, истории, самого народа как «особой отрасли славянского племени».

Следует подчеркнуть, что члены народнической группы «Гомон» не отрывали национальный вопрос и от решения социальных проблем и стремились вовлечь в революционную борьбу и национальное движение широкие слои населения, выделяя особую роль интеллигенции, призывали ее стать во главе своего народа. *«Нынешний исторический момент, — отмечали члены группы «Гомон», — является наиболее удобным для пробуждения Белоруссии, которая при дружной работе и борьбе нашей интеллигенции переродится для новой самостоятельной жизни и займет почетное место среди других федераций России на началах свободного соглашения с ними»* [30, с. 120–121].

Таким образом, белорусская национальная идея, которая зародилась в XIX в., благодаря деятельности народников, связанных

с группой «Гомон», была осмыслена как теоретически, так и практически, а белорусское национальное движение приобретало политический характер. Целью этого движения становилась реализация права белорусского народа на государственное самоопределение. При этом уже тогда белорусскому народу был предложен проект, ориентировавший его на союз с Россией. Это был геополитический выбор и его в дальнейшем поддерживали и возникшие в начале XX в. белорусские партии социалистической ориентации. Неизбежность появления государственности у белорусов, выхода их на историческую арену уже тогда понимали российские и польские демократы. Как писал Н. Добролюбов, «белорусы еще скажут свое слово». А знаменитая польская писательница XX в. М. Канапницкая, приехавшая в Гродно к Э. Ожешко, высказалась так: «*Тое што ўзнікне на гэтай зямлі, будзе ні Польшча, ні Расія, а Беларусь*» [31, с. 118].

Возникновение политических партий стало новым и важным историческим моментом в развитии белорусского национального движения, чему способствовали и общие изменения в стране. В России ускорился тогда процесс модернизации, шло быстрое развитие капитализма, менялась социальная структура общества, тем самым создавались предпосылки и для активизации борьбы за решение как социальных, так и национальных проблем.

Это происходило и в западном регионе Российской империи, на белорусских землях, и положение, которое здесь складывалось, изучалось многими советскими историками. Однако их внимание было сосредоточено в основном на событиях, касавшихся революционной борьбы, деятельности Российской социал-демократической партии и организаций, с ней связанных. Белорусское же национальное движение и партии, организовывавшие его, их программные установки рассматривались с классовых позиций, характеризовались как проявление буржуазного национализма. Такие оценки нашли отражение не только в работах, вышедших в 30-е гг., но и в послевоенный период.

Несколько изменилось отношение к изучению данной проблематики в 60–70-е гг., когда реализовывались решения XX съезда КПСС, стала меняться общественно-политическая ситуация в стране. Тогда появились публикации, освещавшие историю белорусского освободительного движения более объективно. Не потеряли актуальности проблемы белорусского национального движения и в 90-е гг. Особенно много публикаций было посвящено белорусским национальным партиям и общественным движениям, их изучение,

по сути, выделилось в целое исследовательской направление, которое было связано с исследовательской деятельностью Н. Сташкевича, К. Бондаренко, Д. Лавриновича, И. Шардыко, В. Козлякова и других белорусских историков.

Проведенные исследования показали, что первая попытка создать белорусскую национальную партию была предпринята в конце 1901 – начале 1902 г. в Петербурге Вацлавом Ивановским. Названа она была как *Белорусская революционная партия* (БРП), оказавшаяся под контролем польских социалистов, уже имевших свою партию. Осенью 1902 г. состав БРП расширился, в нее вошли братья Иван и Антон Луцкевичи, которые приехали на учебу в Петербург, А. Бурбис, В. Ластовский, А. Пашкевич и др. Но среди ее членов вскоре произошел раскол и братья Луцкевичи и их единомышленники создали новую политическую организацию – *Белорусскую революционную громаду* (БРГ), переименованную в декабре 1904 г. в *Белорусскую социалистическую громаду* (БСГ) [32, с. 142].

Но это были лишь первые шаги по сплочению патриотически настроенных сил белорусов из числа молодежи и вовлечению их в борьбу за изменение государственного и общественного строя, решение белорусского национального вопроса. В дальнейшем Белорусская социалистическая громада укрепила свои позиции, расширила влияние, чему способствовала и начавшаяся в России революция. Только в 1905 г. партия подготовила более 20 обращений (на белорусском языке) к населению белорусских губерний. В этом же году БСГ вместе с эсерами создала Белорусский крестьянский союз. В начале 1906 г. она имела уже и собственную типографию в Минске и издательство «Грамада» в Петербурге. Росла и численность БСГ, в годы революции в ее рядах было около 2 тыс. человек – выходцев из разных слоев населения, с преобладанием шляхты, интеллигенции и зажиточных крестьян, рабочих было не много, что не могло не сказаться и на взглядах. Уже тогда в белорусском освободительном движении наметились два течения – либеральное и революционно-демократическое. В целом, партия стояла на революционных позициях и, как и другие возникшие тогда в России левые партии, активно участвовала в борьбе за изменение в России общественного строя и преобразование его на социалистических началах (в народническо-эсеровском понимании социализма). В программе, принятой на II съезде в 1906 г. было записано, что партия стремилась *«зламаць цяперашнія капіталістычныя парадкі і аддаць у рукі ўсяго народа землю, прылады працы і ўсе сродкі камунікацый для грамадскага валодання»*.

Особо был выделен национальный вопрос, он неоднократно уточнялся, но уже в первых документах БСГ отмечалось, что все народы должны «*мець як мага больш волі*» и получить возможность создать «*незалежную дэмакратычную рэспубліку*». В программе же, принятой на II съезде, состоявшемся в Минске, БСГ потребовала автономии для всего Северо-Западного края с сеймом в Вильно. Были выдвинуты требования развития белорусской культуры, языка, народной школы [33, с. 149].

Таким образом, в основу деятельности БСГ были положены идеи, высказанные группой «Гомон», они получили программное оформление, а главной целью освободительной борьбы становилась реализация права белорусского народа на самостоятельное государственное устройство в составе Российской демократической федерации. Причем от имени белорусского народа стала выступать БСГ, именно так она себя заявила.

Вместе с тем в начале XX в. на территории Западных губерний России появились и другие как российские, так и местные политические партии и объединения, и, в частности, польские и литовские: Польская партия социалистов (ППС), Партия социал-демократии Королевства Польского и Литвы и др. Надо отметить, что польские общественные деятели и в этот период отстаивали идею воссоздания Польского государства в границах бывшей Речи Посполитой, но только в несколько измененном устройстве. Однако в программных документах ППС исключалось право белорусского народа на самоопределение и создание своих форм государственной жизни, говорилось лишь об учете его интересов. Лидеры ППС призывали БСГ к сотрудничеству и, не получив согласия, стремились, как пишет Н. Сташкевич, нейтрализовать деятельность БСГ на территории Беларуси и даже создать «*пад сваім кантролем арганізацыю, якая павінна была стаць альтэрнатывай БСГ*» [34, с. 247]. И такой организацией стала, созданная летом 1904 г., партия с названием Социалистическая партия Белой Руси (СПБР). Отделения этой партии действовали в Варшаве, Вильно, Гродно, Минске, но существенного воздействия на белорусское национальное движение СПБР не оказала. Не состоялось и объединение БСГ и СПБР, переговоры, происходившие в конце 1904 г., не привели к положительным результатам и вскоре Социалистическая партия Белой Руси прекратила свое существование.

БСГ оставалась основной национальной белорусской политической партией и продолжала действовать, отстаивая интересы народа и используя возможности, которые сложились в стране в годы рево-

люции 1905–1907 гг. Тогда, как известно, возникла новая ситуация в России, царизм вынужден был либерализовать свою политику, разрешить демократические свободы, легальную деятельность политических партий. Изменилась и национальная политика, были сняты ограничения на использование местных языков в девяти Западных губерниях (Указ был издан еще в январе 1904 г.). В этих губерниях появились новые партии как консервативно-монархические, так и либерально-буржуазные. При этом в годы революции активизировали свою деятельность организации польской политической ориентации, а также «Краёвцы», т. е. те, кто отстаивал идею автономии Литвы и Беларуси в союзе с Польшей, среди которых преобладали консервативно настроенные деятели (Р. Скирмунт, Э. Вайнилович и др.). В июне 1907 г. в Вильно по инициативе краевцев был проведен съезд землевладельцев шести белорусско-литовских губерний, объявивший о создании «Краевой партии Литвы и Беларуси» (КП ЛиБ), ее программа совпадала с кадетскими установками, но в ней содержались призывы к самоопределению края, равенство всех наций, введение образования на родном языке [35, с. 251].

БСГ же по-прежнему стояла на революционно-демократических позициях. В годы революции выросла ее численность, укрепилась организационная структура, появились местные комитеты в Минске и Вильно. Центром же сплочения национально-патриотических сил стала газета «Наша Ніва», которая пришла на смену «Нашай Долі», выходявшей с сентября по декабрь 1906 г. «Наша Ніва» стала единственным легальным периодическим изданием на белорусском языке. Издателем и редактором «Нашай Нівы» с 5-го номера был Александр Власов (первые четыре номера редактировал Зигмунт Вольский). Он возглавлял газету до марта 1914 г., затем редакторский пост занял Я. Купала. Активно участвовали в создании и организации газеты «Наша Ніва» братья И. и А. Луцкевичи, В. Ластовский, И. Дроздович, молодые поэты А. Пашкевич (Цетка) и Я. Колас. Свое первое стихотворение «Наш родны край» Я. Колас опубликовал в сентябре 1906 г. в газете «Наша Доля», и здесь же использовал псевдоним – Якуб Колас (настоящая фамилия – Мицкевич).

На страницах «Нашай Нівы» публиковались самые разные материалы о жизни населения белорусских земель, культуре, истории (В. Ластовский в 1910 г. напечатал отрывки из своей книги «Кароткая гісторыя Беларусі»). Эта газета, по единодушной оценке историков, сыграла важнейшую роль в национальном пробуждении белорусского народа. Уже в первом номере она определила свою цель

словами: «*Каб усе беларусы, якія не ведаюць, хто яны, зразумелі што яны беларусы і людзі*». История газеты хорошо изучена, в 1990–2000-е гг. ей был посвящен ряд публикаций, в т. ч. книга белорусского историка А. Унучека «*Наша ніва*» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.)» (Минск, 2008).

Организаторы белорусского национального движения, как и другие общественные деятели, использовали возможности, связанные и с выборами и деятельностью Государственной думы. Это был орган парламентского типа, который придал Российской империи конституционные черты, и все возникшие тогда партии, в т. ч. и западного региона, стремились провести своих представителей в Думу.

Исследования показали, что хотя избирательный закон (в него не раз вносились изменения и дополнения) ограничивал доступ демократических сил в Думу, интерес к ней и к выборам был большой и у населения белорусских земель. *От губерний, в которых находились белорусские земли, как в I Думу, так и во все последующие (II–IV), избиралось по 36 депутатов.* Они представляли разные слои населения и разные партии как консервативно-монархические, буржуазно-либеральные, так и революционно-демократические, но соотношение их представителей менялось.

Наиболее активно в Думе обсуждался аграрный, т. е. земельный вопрос, и некоторые другие вопросы социального и общественного характера. Но депутатами Западных губерний поднимался и национальный вопрос, и делалось это в основном представителями польских, литовских и белорусских партий и общественных объединений (они объединялись в особые фракции или депутатские группы). Так, сторонники конституционно-католической партии Литвы и Беларуси (13 депутатов) в I Думе создали самостоятельную территориально-национальную парламентскую группу – «Территориальное кола» (руководители: Друцкий-Любецкий, Ледницкий (Минская губерния), Янковский (Витебская губерния)). Но почти все они придерживались краевой идеологии и их предложения сводились к предоставлению Западному региону самоуправления на автономных началах. Предложения же польских депутатов (во II Думе, например, их было 12) сводились к восстановлению Польского государства на основе земель бывшей Речи Посполитой.

Активно обсуждался и вопрос о земской реформе, имевшей отношение к местному самоуправлению, который рассматривался во II Думе. Однако законопроект о земствах в Западных губерниях не учитывал факт существования белорусской нации, и был рассчитан

на усиление «русской государственности» в Западных губерниях и ограничение польского влияния.

Острые споры развернулись по проекту о начальном образовании, внесенном правительством в Думу в октябре 1910 г., и, в частности, об использовании русского языка в школах Западных губерний. Но большинство депутатов, представлявших Западные губернии, были защитниками русского языка. Епископ Митрофан (Могилевская губерния) заявил: *«Цудоўная руская мова як дзяржаўная павінна быць ва ўсіх школах без выключэння мовай выкладання»*. Вопрос об использовании русского языка в образовании был поднят в III Думе и после того, когда Министерством народного просвещения в октябре 1912 г. был издан циркуляр, которым школьным властям предоставлялось право определять родной язык учащихся. *Белорусский же национальный вопрос как самостоятельная общественная проблема в Государственной думе не только не был поставлен, но и не сформулирован, и не обсуждался*. Сказывались разные причины: общая слабость белорусского освободительного движения, его узкая социальная база, религиозно-конфессиональные противоречия, разобщенность политических партий и организаций [36, с. 278–279].

Не имела широкого представительства в Думе и Белорусская социалистическая громада, ослаблено было ее левое крыло, а лидеры И. и А. Луцкевичи, В. Ластовский, В. Ивановский, К. Кострицкий перешли на либерально-народнические позиции. БСГ, хотя и расширила в ходе революции свое влияние, массовой политической партией не стала, а возникшие в руководстве разногласия привели к тому, что летом 1907 г. ее съезд (в Докшицах) принял решение о роспуске партии. Правда, ее местные структуры сохранялись, а лидеры и наиболее активные члены группировались вокруг газеты «Наша Ніва», сосредоточив усилия на культурно-просветительской деятельности. Решение же вопросов государственно-политических связывалось с Государственной думой. Но эти надежды не оправдались.

Назревшие в стране социальные и национальные проблемы не решались. Не менялось положение и в западном регионе, автономии для литовско-белорусских земель так и не было предоставлено. Решено (но не думским постановлением, а распоряжением правительства) лишь создать здесь земства, но появились они только летом 1911 г. в восточных губерниях – Витебской, Могилевской и Минской, несколько расширилось городское самоуправление.

Вместе с тем во всех Западных губерниях, как и в стране в целом, после поражения революции активизировалась деятельность

промонархических, религиозно-клерикальных и буржуазно-либеральных партий и объединений, появились масонские ложи. Масонство, как известно, зародившееся и оформившееся в Западной Европе, стало проникать в Россию в конце XVIII – начале XIX в., когда членами масонской ложи «вольных каменщиков» («франкмасонов») стали многие видные общественные и политические деятели эпохи Екатерины II и Александра I. В дальнейшем их деятельность усложнилась, но в начале XX в. масонство в России не только возродилось, но и активизировалось, его ядро составили представители конституционных демократов, оформившиеся в партию в ходе революции, и оказалось политизированным.

В этот же период масонство распространилось в российские регионы, значительное развитие масонское движение получило и в Западных губерниях, на территории Литвы и Беларуси. Первая масонская ложа «Единство» появилась в 1910 г. в Вильно, ее возглавил лидер местной организации кадетской партии Г.Д. Ромм. В ложу вошли представители всех национальностей региона, в т.ч. и белорусы – братья И. и А. Луцкевичи и В. Ластовский. В 1911 г. в Вильно были сформированы еще две масонские ложи – «Белый Рутений» и «Литва» [37, с. 10–19].

Таким образом, хотя обстановка в стране после поражения революции изменилась, оппозиционные самодержавию силы разной политической ориентации продолжали действовать. Сохранялись объективные факторы и субъективные возможности и для развития национального движения белорусов по пути приобретения собственной государственности. Вопросы децентрализации, самоуправления и автономии западного края становились важными фактически для всех партий как либерально-буржуазных, так и социал-демократических, пронароднических, действовавших в регионе, да и правительственные политические силы уже не могли их обойти. Накапливали опыт и белорусские национальные партии и организации, расширялось их влияние.

Но обстановка в стране резко изменилась летом 1914 г., когда началась *Первая мировая война*. Особенно усложнилась она в Западных губерниях, где уже 18 июля 1914 г. было введено военное положение, запрещены собрания и манифестации, введена цензура в печати, ряд газет и журналов был закрыт, прекратился и выход «Нашай Нівы», ее редактор Я. Купала, как и другие белорусские деятели, были мобилизованы в армию. По подсчетам белорусского историка В. Карнелюка, общее количество мобилизованных в российскую армию из пяти белорусских губерний составило более

920 тыс. человек. В том числе из Виленской губернии – 157,8 тыс. (13% от всего довоенного мужского населения), из Гродненской – 103 тыс. (12%), Минской – 236,4 тыс. (17%). В армию призывались мужчины в возрасте от 22 до 49 лет, до 1 марта 1917 г. было проведено 22 мобилизации [38, с. 179–180].

Неудачное для России развитие военных действий привело к тому, что русская армия оставила многие западные территории и почти половина территории Беларуси оказалась (летом 1915 г.) под оккупацией Германии. Изменилось само геополитическое положение Беларуси. Массовым стало беженство. В исторической литературе приводятся разные данные о численности беженцев, но их было много, а география переселений широкая. Называлась цифра даже более чем в 2 млн человек (это количество определил белорусский общественный деятель Я. Кончар в 1919 г.). Белорусские историки А. Бобков, В. Скалабан и Н. Сташкевич, ссылаясь на данные Центрального всероссийского бюро по регистрации беженцев, называли (на 1/14 февраля 1917 г.) численность беженцев из пяти белорусских губерний в 1 млн 130 тыс. человек. Имеются и другие данные, но все историки отмечают массовый характер беженства, причем многие жители по принуждению покидали свои дома [39, с. 30–43].

Безусловно, этот сложный исторический период, с которым будут связаны и российские революции 1917 г., не мог не привлечь внимание историков 1990-х – 2000-х гг. Научная и научно-популярная литература как по военной проблематике, так и по вопросам белорусского национального движения пополнилась многими публикациями. При этом белорусские историки не только развивали ранее высказанные суждения, но поставили и ряд новых вопросов с неоднозначными ответами на них. Они, в частности, касаются влияния войны на состояние белорусского движения и достижения его целей. По мнению одних, белорусское национальное движение, несмотря на неблагоприятные условия (введение военного положения, физические и материальные потери), продолжало развиваться, на взгляд других – война негативно повлияла на белорусское движение.

Однако преобладает мнение, что Первая мировая война не только не сдержала белорусское национальное движение, но и стала новым этапом в его развитии, как отмечал А. Луцкевич, она его вывела на новый уровень. Выявились и особенности, которые во многом были вызваны разделением территорий Беларуси на оккупированные и неоккупированные, но занятые российскими войсками части (используется и другая терминология для обозначения этого

раздела). Изменившаяся на белорусских землях ситуация, как уже отмечалось, сказалась как на тактике, практической деятельности белорусских партий и организаций, так и на стратегии, затронув цели и геополитическую ориентацию возрождавшейся Беларуси.

Возникли новые возможности и новые организационные структуры и не только на самой территории Беларуси, ее обеих частях, но и в России, где оказалась масса беженцев. Так, на свободной от оккупации территории лидеры белорусского движения использовали созданные по разрешению властей белорусские товарищества помощи потерпевшим от войны (БТППВ), его отделения были открыты во многих городах. Многие историки подчеркивали, что БТППВ на долгое время стало настоящим центром белорусского национального движения и не только в неоккупированной территории Беларуси, но и в российских городах, где находилось много беженцев. Результатом этого драматического для белорусского народа явления, как пишут авторы монографии «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.», «*стаў рост нацыянальнай свядомасці беларусаў, вымушаных пакінуць родны край. Занепакоенасць уласным будучым і будучыняй Беларусі павышала палітычную актыўнасць бежанцаў. Менавіта ў гэты час да беларускага нацыянальнага руху далучыліся новыя актыўныя дзеячы якія потым сталі вядомымі палітыкамі і аказалі значны ўплыў на развіццё беларускага нацыянальнага руху*» [40, с. 301].

Определенная консолидация белорусских политических сил происходила и в среде организаций, действовавших на занятых немецкими войсками территориях. Германские власти стремились использовать национальное движение народов, входивших в Российскую империю, в данном случае западного региона, в своих целях для ослабления своего противника и для укрепления оккупационного режима, для чего была создана довольно широкая сеть военно-административных органов. В определенной мере учитывались этнокультурные особенности жителей оккупированных белорусских земель, в т. ч. и самих белорусов, что находило отражение в распоряжениях и директивах германских властей. Так, согласно постановлению от 1 января 1916 г. белорусский язык официально объявлялся равноправным с другими языками. В феврале 1916 г. в Вильно начала выходить единственная в зоне оккупации белорусскоязычная газета «Гомон». Согласно распоряжению от 27 марта 1916 г. белорусы стали получать паспорта на родном языке. С учетом местных особенностей оккупированной территории строилась и образовательная политика германских властей.

Однако нет оснований переоценивать политику германских оккупационных властей в отношении белорусов. Белорусский вопрос не был признан ими как особая проблема и не занял приоритетного места в этой политике. Историки, изучавшие политику Германии на занятых ее войсками территориях России, отмечают, что она служила прежде всего немецким интересам. Ставилась цель, пишет белорусский историк В.В. Леховский, *«ізаляваць беларускія, літоўскія, латышскія землі ад культурнага ўплыву Расіі і стварыць новую сістэму афіцыйнай ідэалогіі, якая фарміравала ў тутэйшага насельніцтва становачы вобраз Германіі, прапагандавала нямецкі лад жыцця»* [41, с. 33].

Вместе с тем немецкие оккупационные власти не припятствовали деятельности белорусских, а также литовских, украинских и польских политических партий и организаций. Причем сильные позиции здесь имели те силы, которые придерживались идеологии краевости, надеявшиеся превратить Северо-Западный край в конфедерацию всех находившихся здесь этнических общностей, каждой из которых гарантировалось свободное национально-культурное развитие. Сторонниками такого подхода к национальному вопросу были многие и белорусские общественные деятели, в частности, те, что создали в 1915 г. *Белорусский Народный Комитет* (БНК). В БНК, руководителем которого был А. Луцкевич, вошли представители Белорусской социал-демократической рабочей группы (БСДРГ), Виленского комитета ВСГ, Белорусского товарищества помощи потерпевшим от войны и других организаций.

Анализ источников, отражавших программные документы БНК, показывает, что А. Луцкевич и его сторонники отказались от прежних установок о государственном самоопределении белорусского народа, связав его с краевой идеей, образованием Великого Княжества Литовского как конфедерации входивших ранее в него народов [42]. Но эта идея, как и некоторые другие предложения, касавшиеся государственной конфедерации, не получила поддержки со стороны литовских национальных организаций. Не поддержал ее и В. Ластовский, его сторонники, отстаивавшие необходимость самостоятельной реализации права белорусского народа на свою государственность. Надо заметить, что такой идеи придерживались и многие представители белорусских политических объединений и на другой стороне линии фронта, находившиеся в России.

Разошлись организаторы белорусского национального движения и в отношении тех внешних сил, точнее, тех государств, в которых следовало искать поддержку, т. е. по вопросам геополитиче-

ской ориентации независимой Беларуси. Так, многие представители белорусских национальных партий и организаций, находившихся на оккупированной части Беларуси (А. Луцкевич, В. Ластовский), стали ориентироваться на Германию или Польшу и вообще на западноевропейские страны. Для чего использовали и международные возможности, в частности, III съезд народов, проходивший в Лозанне летом 1916 г., где представители белорусов выступили с антироссийских позиций, заявив о своем полном бесправии, которое они терпели в российском государстве. Члены же партий и организаций, действовавших на не занятых немцами территориях и в российских городах, по-прежнему искали решения белорусского национального вопроса, опираясь на Россию.

Такое размежевание белорусских национально-политических сил сохранилось и после Февральской революции 1917 г., когда в России было свергнуто самодержавие. Но это уже был новый этап истории белорусского национального движения, сложилась совершенно иная политическая обстановка и новые возможности для решения как социальных, так и национальных проблем. Состояние белорусского национального движения в послефевральский период проанализировано во многих работах, в т. ч. и белорусских авторов, в числе которых надо выделить монографию белорусского ученого, академика И.М. Игнатенко, вышедшую еще в советский период. Уже тогда он высказал ряд суждений, которые не находили отражения в официальной историографии и были в 1990–2000-е гг. поддержаны и развиты другими белорусскими историками [43].

Свержение самодержавия оживило деятельность всех политических партий и организаций, как общероссийских, так и белорусских, находившихся в Минске, других городах. В марте-октябре 1917 г. на территории Беларуси действовало более 20 политических партий: белорусско-национальные, еврейские, помещичье-религиозные, буржуазно-либеральные и революционно-демократические, в программах которых отражалась и национальная проблематика, в т. ч. и та, что касалась будущего государственного обустройства белорусских земель [44, с. 3–12].

Возобновила свою деятельность (в марте 1917 г.) и Белорусская социалистическая громада (БСГ). В обновленных программных документах она заявила о своей принадлежности к социалистической ориентации и признавала классовую борьбу и социальную революцию. Но социализм членов БСГ отличался от его марксистского понимания, она оставалась приверженицей левонародническим устремлениям и полностью поддержала политику Временного

правительства, которое не решало социальные проблемы в пользу трудового народа. В БСГ по-прежнему были представлены разные социальные взгляды и течения – и правые, и левые, что привело к ее распаду. Сначала от БСГ откололись представители либерального течения. Они сформировали политические образования буржуазного толка – Белорусский христианско-демократический союз, Белорусскую партию народных социалистов и др. Левое крыло стало опираться на рабочих. Главными же задачами для БСГ оставались национальные: провозглашение автономии Беларуси в границах Российской демократической республики. При этом БСГ, по инициативе председателя ее Минской организации А. Смолича, 25 марта 1917 г. удалось провести съезд белорусских партий и организаций (присутствовало около 150 человек), в результате был образован Белорусский национальный комитет (БНК) в составе 18 человек, на смену которому в июле пришла Центральная рада белорусских организаций, преобразованная в октябре в Великую белорусскую раду (ВБР) [45]. Таким образом, произошло объединение национальных политических сил, боровшихся за государственное самоопределение Беларуси, что позволило скоординировать их деятельность. Были установлены связи с Временным правительством. Активизировалась деятельность и белорусских организаций, действовавших среди солдат Западного фронта, их возглавляла Центральная белорусская военная рада (ЦБВР), был создан также Белорусский исполком Западного фронта. Важную роль в общественно-политической жизни Беларуси после победы Февральской революции играли Советы, в частности, Минский совет рабочих и крестьянских депутатов. При Всероссийском совете крестьянских депутатов 17 ноября 1917 г. из числа делегатов от белорусских губерний, а также представителей армии и флота был создан Белорусский областной комитет (БОК), заявивший о намерении созвать чрезвычайный белорусский съезд.

Еще более активизировалась деятельность белорусских национальных партий и организаций после Октябрьской революции. Центральное советское руководство начало формировать и местные органы власти. Так, 26 ноября 1917 г. был создан аппарат власти на территории Западной области (Облисполкомзап) путем объединения исполкома съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, III съезда крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний и II съезда армий Западного фронта (но в его составе преобладали военные и было только три белоруса – левые эсеры), главная роль в нем отводилась большевикам.

Как видим, возможности для решения белорусского национального вопроса, главного его компонента – создания белорусского государства расширились, становились все более реальными. Причем фактически всеми политическими белорусскими партиями и организациями решение этого вопроса связывалось с проведением белорусского съезда. Необходимость такого съезда поддержал и Совет народных комиссаров (Совнарком) Советской России, сделав ставку на Белорусский областной комитет (БОК), созданный при Всероссийском Совете крестьянских депутатов. Политика советского правительства в национальном вопросе была определена в партийных документах и работах В.И. Ленина еще в дореволюционный период и изложена в «Декларации прав народов России» от 2 ноября 1917 г., подписанной В.И. Лениным и наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным. Центральное место в Декларации занимало право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, это относилось и к Беларуси. Однако реализация этой политики усложнялась позицией местных большевиков и руководством органов власти Западной области и фронта, многие из которых не только недооценивали роль белорусских национальных организаций, но вообще не признавали белорусов в качестве самостоятельной нации, исходили, прежде всего, из интересов мировой революции. Все это не могло не сказаться на решении вопросов, касавшихся подготовки Всебелорусского съезда, разработке документов, которые должны были приниматься.

Съезд, как известно, был создан в Минске в декабре 1917 г., на нем присутствовало 1872 делегата, в т. ч. 1167 имели мандат с правом решающего голоса и 705 – с правом совещательного голоса из Виленской, Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской и Смоленской губерний, представлявших разные политические силы, в т. ч. и те, что поддерживали советскую власть и партию большевиков (согласие на проведение съезда дал и ленинский Совнарком) [46].

Работе съезда (он вошел в историю как I Всебелорусский съезд) в 1990–2000-е гг. уделено было особенно большое внимание, выявлены многие ранее неизвестные источники, в которых отражена как подготовка съезда, так и его заседания и принятые постановления. Переосмысливалась и концепция съезда, сложившаяся уже в публикациях И.М. Игнатенко, в частности, в его монографии «Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии», вышедшей в 1992 г. Тогда же были опубликованы и новые документы. Так, в 1993 г. в «Беларускім гістарычным часопісе» В. Скалабан предста-

вил отчет о съезде его участника Я. Ярушевича, который печатался в газете «Беларуская рада» в декабре 1917 – январе 1918 г. В 1996 г. в журнале «Спадчына» были помещены мемуарно-публицистические материалы А. Цвикевича, ценные для понимания сути политических дискуссий на съезде. В 1998 г. С.А. Шупом были опубликованы протоколы съезда, выявленные в Государственном архиве Литвы. Появились и другие публикации новых источников, а также и исследовательские работы, что позволило не только уточнить и расширить фактологическую сторону Всебелорусского съезда, но и проследить ход его подготовки и работы. Обоснован вывод, что мнение о необходимости созыва съезда («агульнага краевага форуму» по словам С. Рудовича) стало распространяться в местных национальных организациях и партиях разной политической ориентации уже весной 1917 г., после Февральской революции. Решение же о проведении съезда было принято ВБР, БОК, ЦБВР и Белорусским исполнительным комитетом Западного фронта 24 ноября 1917 г. [47].

Не останавливаясь подробно на работе съезда (а он, если иметь в виду работу комиссий, фракций и само открытие съезда, проходил 7–17 декабря 1917 г.), надо отметить, что это было собрание, представлявшее тогдашнее белорусское общество, все его слои и политические силы, имевшие полномочия решать судьбу Беларуси. Однако, как в период подготовки Всебелорусского съезда, когда вырабатывались документы, которые следовало принять, так и с открытием съезда, выявились разногласия, и их не удалось преодолеть. Столкнулись два принципиальных отличия позиций, касавшихся государственного самоопределения белорусского народа – тех, кто стоял за автономию Беларуси в составе общероссийской демократической федерации, политической основой которой станут Советы, и тех, кто выступал за немедленное провозглашение самостоятельной Белорусской республики буржуазно-демократического типа. Но мнение о независимой Беларуси не имело тогда широкой поддержки, что признавали и многие участники съезда, в частности, А. Цвикевич. Преобладали настроения тех, кто видел Беларусь частью Российской федерации, такие настроения особенно широко были распространены среди крестьянства и партий, связанных с ними. Их интересовали, прежде всего, проблемы социальные, в частности, земельный вопрос, который надеялись решить с новыми властями России. Многие историки отмечали, что *«з'езд яскрава засведчыў, што дамінацыя сацыяльнага над нацыянальным застаецца галоўнай, істотнай рысай развіцця беларускага нацыянальнага руху і пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г.»* [48, с. 317].

Не способствовала успешной работе съезда позиция, занятая руководством Облисполкома и Совнаркома Западной области и фронта и местных большевиков, которые не хотели делиться властью и недооценивали значение национальных проблем.

Первый Всебелорусский съезд, как известно, был распущен, а многие историки и, в частности, И.М. Игнатенко считали, что был разогнан по распоряжению Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта. Но еще до этого делегаты успели принять только первый, но важный пункт совместно подготовленной и согласованной с лидерами фракций резолюции (она состояла из 15 пунктов), касавшийся самоопределения Беларуси и временной власти. В нем было записано, что *«замацоўваючы сваё права на самавызначэнне абвешчанае расійскай рэвалюцыяй, і ўсталёўваючы рэспубліканскі дэмакратычны лад у межах беларускай зямлі, для спасення роднага краю і засцерагаючы яго ад падзелу і адарвання ад Расійскай Дэмакратычнай Федэратыўнай Рэспублікі, з'езд пастанаўляе: неадкладна арганізаваць са свайго складу орган Краёвай улады ў асобе Усебеларускага Савета сялянскіх, салдацкіх і рабочых Дэпутатаў, які часова становіцца на чале кіравання краем, уступаючы ў дзелавыя зносіны з цэнтральнай уладай адказнай перад Саветамі Рабочых, Салдацкіх і Сялянскіх дэпутатаў»* [49, с. 347]. В резолюции предусматривалось также, что Совет должен принять меры *«да хутчэйшага склікання Беларускага ўстаноўчага сходу які павінен вырашыць судзьбу беларускага народа»*.

Как видим, это был важный политический документ, к которому шел путь от группы «Гомон» и первой национальной белорусской политической партии БСГ, созданной в начале XX в., и до Октябрьской революции 1917 г. в России. Но в полном объеме принять подготовленную резолюцию не удалось. Съезд был распущен, а точнее – разогнан, председатель съезда И. Середа и более 20 делегатов были арестованы. Решить белорусский национальный вопрос мирно, демократическим путем тогда не удалось, исторический шанс был упущен.

Но вопрос этот не был снят, несмотря на аресты, преследования, лидеры белорусского национального движения, образовав из части президиума съезда Исполком Рады съезда и опираясь на выработанные делегатами документы, продолжали деятельность по государственному самоопределению Беларуси, результатом чего стало объявление Белорусской Народной республики (БНР), что было сделано в условиях немецкой оккупации Минска и других территорий 25 марта 1918 г. Однако исторически реальным бело-

русским государством в силу сложившихся обстоятельств и причин БНР так и не стала. Белорусская государственность воплотилась в объявленной 1 января 1919 г. Советской Социалистической Республики Беларусь, переименованной в Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР). Но процесс ее оформления затянулся. Предстояло создать не только новые организационные структуры, но и включить в провозглашенную республику все этнически белорусские земли, что было сделано в межвоенный период. Решение этого важного вопроса усложнялось многими причинами, в т. ч. и условиями Рижского мирного договора 1921 г. БССР тогда была восстановлена на небольшой территории, составившей всего 52,3 тыс. км² с населением чуть более 1,5 млн человек. Поэтому вопрос о возвращении белорусских территорий, укрупнении БССР поднимался не раз и нашел решение в 1924 и 1926 гг. Это имело большое значение для развития белорусских земель, их объединения в составе национального государства, но за пределами БССР все еще находились многие этнически белорусские территории, в частности, западные, оказавшиеся в Польше. Они были возвращены в сентябре 1939 г. Фактически все историки подчеркивают, что как бы не оценивались сами события 1939 г., воссоединение Западной Беларуси с Восточной в единое государство стало актом исторической справедливости. Формирование государственной границы БССР не завершилось в 1939–1940-е гг., оно уточнялось и в послевоенный период в ходе ее демаркаций с Польшей, Литвой, Латвией. Этот важный аспект этнической истории Беларуси нашел отражение в ряде публикаций, правда, не все авторы делали верные выводы. Анализ этих публикаций посвящена статья магистра политических наук А. Архипова, которая помещена в журнале «Беларуская думка» в 2018 г. [50, с. 98–102]. Современная граница Республики Беларусь – это не только итог исторического развития белорусских земель, но и результат политических и дипломатических усилий руководства страны. Эта граница признана мировым сообществом и Беларусь является субъектом международного права, развивается как суверенное государство.

III. ПРИМЕЧАНИЯ

ТЕМА 1

1. Михнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) [под ред. П.Т. Петрикова] / В.Н. Михнюк. – Минск : Наука и техника, 1985. – 286 с.
2. Подр. см.: Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (да 70-годдзя ўтварэння) / М.П. Касцюк, М.К. Кошалеў, Л.М. Лыч [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1999. – 107 с.
3. Там же.
4. Белазааровіч, В.А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі : дапам. / В.А. Белазааровіч. – 2-е выд. – Гродна : ГрДУ, 2009. – 345 с.
5. Подр. см.: Пальчык, Г. Развитие системы аттестации научных кадров высшей квалификации / Г. Пальчык // Беларуская думка. – 2017. – № 10.
6. Корзенко, Г.В. Кадры историков Беларуси: размышляя / Г.В. Корзенко, С.В. Сафонова // Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки Беларуси : материалы Респ. науч.-практ. конф., 30 сентября 2004 г., Гродно / под ред. Е.А. Ровбы, А.Н. Нечухрина, И.П. Крени. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 404 с.
7. Там же.
8. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя (матэрыялы «круглага стала», які адбыўся 22 верасня 2006 г. у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі) // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 12.
9. Там же.
10. Подр. см.: Даніловіч, В. У авангардзе сучаснай айчыннай гістарычнай навукі / В. Даніловіч // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – Вып. 29. – 352 с.
11. Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (да 70-годдзя ўтварэння) / М.П. Касцюк, М.К. Кошалеў, Л.М. Лыч [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1999 – 107 с.
12. Подр. см.: Марзалюк, І. Фальшывая гісторыя – маці фальшывай палітыкі / І. Марзалюк // Беларуская думка. – 2010. – № 7. Надо заметить, что работы национал-радикальных историков отличались русофобской направленностью (В. Орлов, Г. Саганович, А. Тарас и др.). Наибольшей же ненавистью к России были наполнены публикации лидера БНФ З. Позняка. В книге «Беларуска-расейская вайна», вышедшей в 2005 г. в Варшаве, он писал, что «Россия, забравши Беларусь, поставила цель уничтожить белорусский народ на культурно-историческом и этническом уровне». Цит. по кн.: Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы

- взаимопонимания : монография / В.Я. Козляков [и др.]. – Минск : БГТУ, 2017. – С. 38.
13. Блок, М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – 2-е изд. доп. – М. : Наука, 1986. – 253 с.
 14. Тихомиров, М.Н. Очерки по источниковедению истории феодального периода / М.Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1963.
 15. Галубовіч, А. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі / А. Галубовіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭН, 1999. – Т. 5. – 592 с.
 16. Подр. см.: Галенчанка, Г. Метрыка Вялікага княства Літоўскага / Г. Галенчанка, М. Спірыдонаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭН, 1999. – Т. 5. – 592 с.
 17. Общий обзор издательской деятельности о публикациях источников по истории Беларуси представлен в статье: Макарэвіч, В.С. Выданне крыніц па айчынай гісторыі XIX ст. у Рэспубліцы Беларусь: здабыткі і праблемы 25-годдзе незалежнасці / В.С. Макарэвіч // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. – № 2. – С. 99–106.
 18. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) : сборник документов / сост. В.В. Врублевский [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 352 с.
 19. Подр. см.: Міхнюк, У.М. Доктарскія і кандыдацкія дысертацыі па гістарычных навукх у Рэспубліцы Беларусь (1991–2003 гг.) : бібліяграфічны паказальнік / У.М. Міхнюк. – Мінск : Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, 2006. – 66 с.
 20. Цит. по: Славяноведение. – 2001. – № 4.
 21. Подр. см.: Методология истории : учебное пособие для студентов вузов / А.Н. Нечухрин, В.Н. Сидоров, О.М. Шутова [и др.] ; под ред. А.Н. Алексеева [и др.]. – Минск : ТетраСистемс, 1996. – 240 с.
 22. Ракитов, А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. – М. : Политиздат, 1982. – 303 с.
 23. Цит. по: Осипова, Т.В. Концептуальные модели истории. Цивилизационный подход / Т.В. Осипова // Преподавание истории в школе. – 2003. – № 6. – С. 28.
 24. Филюшкин, А.И. «Постмодернистский вызов» и новые подходы к изучению русского средневекового нарратива / А.И. Филюшкин // Теоретико-методологические проблемы исторического познания : материалы к Международной научной конференции : в 2 ч. / под ред. В.Н. Сидорцова, В.С. Кошелева, Я.С. Яскевич. – Минск : РИВШ БГУ, 2000. – Ч. 1. – 201 с.
 25. Смяховіч, М. Тэорыя і прынцыпы гістарычнага пазнання ў даследаваннях па гісторыі / М. Смяховіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 4.
 26. Нечухрин, А.Н. Развитие методологической базы исторических исследований в Республике Беларусь / А.Н. Нечухрин // Актуальные

- проблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектыва развіцця : матэрыялы Рэспуб. навук. канф. : у 4 ч. ; пад рэд. І.П. Крэня, У.І. Навіцкага, І.А. Змітровіча. – Гродна : ГрДУ, 2003. – Ч. 1. – 348 с.
27. Берков, В.Ф. На путях преодоления методологического кризиса в социально-гуманитарной науке / В.Ф. Берков // Социология. – 2017. – № 2.
 28. Кошелев, В.С. Развитие гуманитарных наук и качество образования / В.С. Кошелев // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. Гуманіт. навук. – Спец. вып. – Мінск : Беларус. наука, 2007. – С. 63–67
 29. Каваленя, А.А. Некаторыя метадалагічныя праблемы айчыннай гістарыяграфіі / А.А. Каваленя // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – Вып. 28. – 310 с.
 30. Смалянчук, А.М. Доўнар-Запольскі: першыя публікацыі і першыя водгукі (1888–1891 гг.) / А.М. Смалянчук // [«Шостыя Міжнародныя Доўнарскае чытанні», міжнародная навуковая каферэнцыя (2007, Рэчыца)]. Міжнародная навуковая каферэнцыя «Шостыя Міжнародныя Доўнарскае чытанні», 14–15 лістапада 2007 [матэрыялы] : у 2 ч. Ч. 1 : М.В. Доўнар-Запольскі: жыццё і навуковая спадчына. В.М. Лебедзева (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – 186 с.
 31. Ластоўскі, В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В.Ю. Ластоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 126 с.
 32. Мелешко, Е.Н. «Нацдэмовская историография» аб історических путях белорусских земель / Е.Н. Мелешко // Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси : материалы Респ. науч.-практ. конф., 30 сентября 2004 г., Гродно / под ред. Е.А. Ровбы, А.Н. Нечухрина, И.П. Крэня. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 404 с.
 33. Касцюк, М.П. Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі: асноўныя падыходы / М.П. Касцюк // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы), Мінск, 3–5 лют. 1993 г. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. – Ч. 1 : Гісторыя Беларусі. – Мінск, 1993.
 34. Белазааровіч, В.А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі : дапам. / В.А. Белазааровіч ; пад агул. рэд. І.П. Крэня, А.Т. Нечухрына. – 2-е выд. – Гродна : ГрДУ, 2009. – 345 с.
 35. Токть, С. Обзор белорусской исторической периодики / С. Токть // Деды. Дайджест публикаций о белорусской истории. – Минск : Харвест, 2015. – Вып. 15. – 320 с.
 36. Сташкевіч, М.С. Сучасныя даследаванні гісторыі Беларусі: стан, дасягненні, праблемы і перспектывы / М.С. Сташкевіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэрыялы Рэспуб. навук. канф. : у 4 ч. / пад рэд. І.П. Крэня, У.І. Навіцкага, І.А. Змітровіча. – Гродна : ГрДУ, 2003. – Ч. 1. – 348 с.

37. Даніловіч, В. У авангардзе сучаснай айчынай гістарычнай навукі / В. Даніловіч // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – Вып. 29. – 352 с.
38. Лукашенко, А.Г. Стратегия будущего / Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. Гуманіт. навук. – Спец. вып. – Мінск : Беларус. навука, 2007.
39. Даніловіч, В.В. Прывітальнае слова ўдзельнікам Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Метадалогія даследаванняў гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы» / В.В. Даніловіч // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – Вып 28. – 310 с.
40. Там же.
41. Там же.
42. Каваленя, А.А. Некаторыя метадалагічныя праблемы айчынай гістарыяграфіі / А.А. Каваленя // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – Вып. 28. – 310 с.
43. Сяргеева, Г. Гісторыя Беларусі ў даследаваннях беларускай эміграцыі / Г. Сяргеева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭН, 1992. – Т. 3.

ТЕМА 2

1. Микулич, А. Белорусы в генетическом пространстве (Антропология этноса) / А. Микулич // Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века / сост., пер., науч. ред. А.Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2011. – 544 с.
2. В числе наиболее крупных и важных публикаций Ю.В. Бромеля надо выделить: Этнос и этнография. – М. : Наука, 1973. – 282 с.; Очерки теории этноса. – М. : Наука, 1983. – 412 с.; Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М. : Наука, 1987. – 333 с.
3. Севастьянов, А.Н. Этнос и нация / А.Н. Севастьянов. – М. : Книжный мир, 2008. – 192 с.
4. Подр. см.: Тишков, В. «Нация – это метафора» / В. Тишков // Дружба народов. – 2007. – № 7; Он же. Об идее нации // Общественные науки, 1990. – № 4; Он же. Этнология и политика. – М. : Наука, 2001. – 240 с.
5. Рогалев, А.Ф. Белая Русь и белорусы (в поисках истоков) / А.Ф. Рогалев. – Гомель : Бел. агент. нац. техн. и дел. инф., 1977. – 267 с. См. также. Мельник, В. К вопросу о точности политического лексикона / В. Мельник // Белорусская думка. – 2010. – № 3. – С. 48.
6. Цит. по: Севастьянов, А.Н. Этнос и нация / А.Н. Севастьянов. – М. : Книжный мир, 2008. – 192 с.
7. Оль, П.А. Нация (генезис понятия и вопроса правосубъектности) / П.А. Оль, Р.А. Ромашов. – СПб. : Изд-во юридического института, 2002.

8. Микулич, А. Белорусы в генетическом пространстве (Антропология этноса) / А. Микулич // Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века / сост., пер., науч. ред. А.Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2011. – 544 с.
9. Беларусы. Т. 9 : Антрапалогія / Л.І. Цягака [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – 575 с.
10. Там же.
11. Пышин, А.Н. История русской этнографии. – Т. 4 : Белоруссия и Сибирь / А.Н. Пышин. – Минск : БелЭн, 2005. – 256 с.
12. Седов, В.В. К происхождению белорусов (проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) / В.В. Седов // Советская этнография. – 1967. – № 2. – С. 112; Он же. Еще раз о происхождении белорусов) / Советская этнография. – 1969. – № 1. – С. 105; Вопросы балтского субстрата были подняты В. Седовым и в книге «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья». – М. : Наука, 1970. – С. 162–178.
13. Піліненка, М. Беларуская этналогія: што гэта такое? / М. Піліненка // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 2.
14. Науменко, Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л.И. Науменко. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 205 с.
15. Лазаревич, А.А. Беларусь: культурно-цивилизационный выбор / А.А. Лазаревич, И.Я. Левяш. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 379 с.
16. В развитии гренской культуры В.Ф. Копытин выделил два этапа: ранний – финально-палеолитический и поздний – ранне-мезолитический. Подр. см.: Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин. – Могилев, 1991. – 62 с.
17. Загорюльский, Э.М. Начало формирования населения Белоруссии / Э.М. Загорюльский. – Минск : РИВШ и ГО, 1996. – 46 с.
18. Загорюльский, Э.М. Древняя история Беларуси. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX) / Э.М. Загорюльский. – Минск : Изд-во БГУ, 1997. – 136 с.
19. Вяргей, В.С. Сучасны стан праблемы даследавання пражскай культуры ў Беларусі / В.С. Вяргей // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя : в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.] ; науч. ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец ; Нац. акад. наук Беларусі, Ин-т истории. – Мінск : Беларус. навука, 2016. – Кн. 2. – 410 с.
20. Загарульскі, Э.М. Заходняя Русь: IX–XIII стст. : вучэб. дапам. / Э.М. Загарульскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 240 с.
21. Марзалюк, И.А. Основные вопросы славянского этногенеза в трудах Л.Д. Поболя / И.А. Марзалюк // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя : в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.] ; науч. ред.

- О.Н. Левко, В.Г. Белевец ; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т історыі. – Мінск : Беларус. навука, 2016. – Кн. 1. – 506 с.
22. Левко, О.Н. Заключение / О.Н. Левко // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побоя : в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.] ; науч. ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец ; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т історыі. – Мінск : Беларус. навука, 2016. – Кн. 2. – 410 с.
 23. Цит. по: Губарев, В. «Працурцы, дзе вы?» / В. Губарев // Навука і жыццё. – 2007. – № 2.
 24. Шадыра, В.І. Беларускае Падзвінне (І тысячагоддзе н.э.) / В.І. Шадыра. – Мінск, 2006. Мненніа о том, что тэрыторыя Восточной Европы была освоена славянами неаднаўвременно, а нескількімі міграцыйнымі патокамі, шэдшымі із разнакультурых рэгіёнаў праславянскага міра, даўвольна падрабозна і абстольвельна было ізложено в работах расійскага археолага, історыка В. Седова. См.: Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов // Археология СССР / отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1982.
 25. Горскіі, А.А. «Племя» в славянском міре в раннее Средневековье (Форум) / А. Горскіі, А. Плётерскіі, В. Пузанов, П. Шувалов // «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*». – 2016. – № 1(19).
 26. Падраб. см.: Дучыц, Л.У. Балцка-славянская праблема паходжання беларусаў у гістарыяграфіі / Л.У. Дучыц // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 70-годдзю Інстытута гісторыі НАН Беларусі, Мінск, 6–7 кастрычніка 1999 г. – Мінск : Дэполіс, 2000. – 345 с.
 27. Пыліпенка, М.Ф. Вознікновенне Беларусіі. Новая канцэпцыя / М.Ф. Пыліпенка. – Мінск : Беларусь, 1991. – 142 с.
 28. Там же.
 29. Штыхаў, Г. Насельніцтва зямель Беларусі ў IX–XIII стст. (вытокі беларускай народнасці) / Г. Штыхаў // З глыбі вякоў. Наш край. Гісторыка-культуралагічны зборнік. – Мінск : Крок уперад, 1992.
 30. Беларусы. Т. 9 : Антрапалогія / Л.І. Цягака [і інш.] ; рэд. кал. Л.І. Цягака [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – 575 с.
 31. В последние годы в Украине стали появляться публикации, авторы которых украинский этнос выводят не из восточных славян, их общности, складывавшейся в древнерусский период, а из неизвестного в академической науке народа «укров». Эти «укры» («украины», «украины»), по утверждению Б. Яценко, «сформировавшись с сарматами-русами в один народ, приняли участие в этногенезе почти всех европейских народов». Однако «при многочисленных переселениях основная масса как укров, так и русов осталась в своих праотечествах. Укры – приднепровских, русы – волго-окских землях. На этих территориях формировались украинский и русский народы» (Яценко, Б. Україна і Русь у ретраспектыве / Б. Яценко // Індо-Европа. Етносфера. Історіософія. Культура. – 1991. – № 1. – С. 61–67). Падр.

- см.: Соловьев, Р.В. Этнонациональные мифы и псевдоисторические концепции этногенеза славян на современной стадии изучения / Р.В. Соловьев // Романовские чтения – 8 : сб. статей Междунар. науч. конф. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – С. 76–78. Рекомендуется также статья: Бондаренко, Н.С. Украинская историография о проблеме славянского этногенеза и формирования украинского народа / Н.С. Бондаренко // Романовские чтения – 3 : сб. трудов Междунар. науч. конф. / под ред. И.А. Марзалюка. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. – 176 с.
32. Дорогенский, А.В. Принятие Русью христианства как процесс самоорганизации цивилизационной системы / А.В. Дорогенский // Романовские чтения – 8 : сб. статей Междунар. науч. конф. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – 236 с.
 33. Старостенко, В.В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.) : монография / В.В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. – 200 с.
 34. В письменных источниках Древней Руси отражено также понимание того, что «русские люди» как славянская общность являлись основой «Русских земель» как единого государства. Подроб. см.: Рогов, А.И. Формирование самосознания древнерусской народности / А.И. Рогов, Б.Н. Флоря // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М. : Наука, 1982. – С. 26–120.
 35. См.: Златоструй. Древняя Русь X–XIII в. / сост., авторский текст, коммент. А.Г. Кузьмина, А.Ю. Карпова ; оформл. худож. Ю.В. Игнатьева, В.В. Ситникова. – М. : Мол. гвардия, 1990. – 302 с.
 36. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М. : Учпедгиз, 1949. – 510 с.
 37. Круглый стол: Древнерусское единство: парадоксы восприятия / Родина. – 2002. – № 11–12. См. также: Седов, В.В. Формирование восточнославянской народности / В.В. Седов // Средневековая археология Восточной Европы. Вып. 198 (КСИА). – М., 1989; Толочко, П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная / П.П. Толочко. – СПб. : Алапей, 2005. – 218 с.
 38. Загарульскі, Э.М. Заходняя Русь: IX–XIII стст. : вучэб. дапам. / Э.М. Загарульскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 240 с.
 39. Марзалюк, І.А. Этнаканфесійныя і сацыяльна-культурныя стэрэатыпы насельніцтва беларускіх зямель у X–XVII стст. : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук. – Мінск, 2003.
 40. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1996. – 453 с.
 41. Насевич, В. Основные вехи этногенеза белорусов / Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века / сост., пер., науч. ред. А.Е. Тараса / В. Насевич. – Минск : Харвест, 2011. – 544 с.

42. Карский, Е.Ф. Белорусы / Е.Ф. Карский. – Минск, 2001. – Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности.
43. Лабынцаў, Ю.А. Пачатак Скарынам: Беларус. друк. літ. эпохі Рэнесансу / пер. з рускамоўн. арыг. С. Шупы / Ю.А. Лабынцаў. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 333 с.
44. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
45. Павловец, Ю.С. Этапы формирования современной белорусской идентичности / Ю.С. Павловец // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв. : мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Новозыбков, Брянская обл., 18 мая 2018). – Аверс, 2018. – 280 с. Русофобские взгляды нашли отражение и в призывах отказаться от названия «Беларусь», «белорусы», а использовать термины «Литва», «литвины», которые отражались в ряде публикаций.
46. Галенчанка, Г.Я. Да пытання аб этнічных і канфесійных катэгорыях Вялікага княства Літоўскага XIV–XVI стст.: «Беларусцы», «літвіны» і «русіны» ў дыскурсах сучасных даследчыкаў і нісьмовых крыніцах / Г.Я. Галенчанка // *Stadia Historica Europae Orientaeis* Исследования по истории Восточной Европы. – Мінск, 2008. – Вып. 1; См. такжэ: Галенчанка, Г.Я. Царква, канфесія і нацыянальная свядомасць беларусаў у XV–XVI стст. / Г.Я. Галенчанка // Наш радавод : матэрыялы Міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.» // рэдкал.: Д. Караў, Г. Галенчанка, У. Конан [і інш.]; Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1992. – Гродна, 1992. – Кн. 4 (частка 1). – 745 с.; См. такжэ: Левшун, Л. Концепт «литвины» в этнокультурном самосознании белорусов / Л. Левшун // *Беларуская думка*. – 2009. – № 11. – С. 102–109; Марзалюк, І.А. Міфы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі : манаграфія / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2009. – Раздзелы II, III.
47. Чаквін, І.В. Этногенетические процессы в XIII–XVI вв. / И.В. Чаквин // *Белорусы: Народы и культура*. – М. : Наука, 1998. – 503 с.
48. Чернявская, Ю. Белорусское самосознание: парадокс как путь к генеалогии / Ю. Чернявская // *Всемирная литература*. – 2008. – № 4.
49. Цит. по: Чаквін, І.У. Формы этнічнага і нацыянальнага самавызначэння беларускага насельніцтва XIV–XVIII стст. (да праблемы станаўлення нацыянальнай самасвядомасці беларусаў) / І.У. Чаквін // *Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў*, Мінск, 3–5 лютага 1993 г. : тэзісы дакладаў і паведамленняў. Частка 1 : *Гісторыя Беларусі*. – Мінск, 1993. См. такжэ: Макарэвіч, В. Эвалюцыя форм нацыянальнай ідэнтычнасці шляхты Беларусі ў XVI–XIX стст. / В. Макарэвіч // *Беларус. гіст. час.* – 2007. – № 1. – С. 31–35.

50. Марзалюк, І. Ад этнасу да нацыі / І. Марзалюк // Гістарычны альманах. – Гародня, 2002. – Т. 7.
51. Чаквін, І.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV – начало XX вв.) / И.В. Чаквин, П.В. Терешкович [и др.] // Советская этнография. – 1990. – № 6.
52. Цит. по: Хрестоматия по истории Беларуси : учеб. пособие : в 2 ч. – Ч. 1 : С древнейших времен до 1917 г. / сост.: Я.И. Трещенок [и др.] ; под науч. ред. К.М. Бондаренко. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – 623 с.
53. Таблица представлена из материалов статьи: Латышева, В.А. Дэмаграфічная структура насельніцтва Беларусі па выніках перапісу 1897 г. / В.А. Латышева // Весці НАН Беларусі. Сер. гуман. навук. – 2007. – № 1.
54. Біч, М.В. Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / М.В. Біч // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 4; См. также: Рацько, А. Нацыянальны склад насельніцтва гарадоў Беларусі па матэрыялах Першага Усерасійскага перапісу 1897 г. / А. Рацько // Взаимосвязь города и деревни в их историческом развитии : тезисы докладов и сообщений. – Минск, 1998.
55. Багдановіч, А.І. Навуковая і культурна-асветніцкая дзейнасць інтэлігенцыі Беларусі (1861–1900 гг.) / А.І. Багдановіч. – Мінск : БНТУ, 2012. – 153 с.
56. Эцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 1. – 494 с.
57. Подр. см.: Каханоўскі, А.Г. Узровень нісменнасці жыхароў Беларусі на мяжы XIX–XX ст. // А.Г. Каханоўскі // Весці БДУ. Сер. 3. Гісторыя. – 2006. – № 1. – С. 28–30; Стэльмах, Н.І. Адукацыйны ўзровень сялянства Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / Н.І. Стэльмах // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры : материалы II Междунар. науч.-теоретич. конф., г. Минск, 25 апреля 2008 г. – Минск : БГПУ, 2008. – 386 с.
58. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва, 2005. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 519 с.
59. Подроб. см.: Шахотько, Л.П. Население Республики Беларусь в конце XX века / Л.П. Шахотько. – Минск, 1996. – 251 с.
60. Беларусы. Т. 4 : Вытокі, этнічнае развіццё. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 433 с.
61. Лазаревич, А.А. Беларусь: культурно-цивилизационный выбор / А.А. Лазаревич, И.Я. Левяш ; науч. ред. И.Я. Левяш. – Минск : Белорус. наука, 2014. – 379 с.
62. Науменко, Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л.И. Науменко. – Минск : Белорус. наука, 2012. – 202 с.

ТЕМА 3

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 и 17 октября 2004 г. – 3-е изд. стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь, 2008.
2. Соловьев, С.М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 1. Т. 1, 2 / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев / С.М. Соловьев. – М. : Мысль, 1988. – 797 с.
3. Пономарева, Е.Г. Республика Беларусь: внутренние и внешние факторы развития государственности / Е.Г. Пономарева // Государственность. – Национальная идея Беларуси. – М. : Книжный мир. – 384 с.
4. Цит. по: Темушев, С.Н. Налоги и дань в Древней Руси / С.Н. Темушев. – Минск : БГУ, 2008. – 279 с.
5. Смехович, Н. Белорусская государственность: истоки и формы / Н. Смехович // Беларуская думка. – 2013. – № 11. – С. 74–81.
6. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. / А.А. Каваленя [і інш.] ; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
7. Подр. см.: Григорьев, В.В. Готы и другие народы в «государстве Эрманариха» / В.В. Григорьев // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы II Междунар. науч.-теор. конф., г. Минск, 25 апреля 2008 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: В.В. Тугай (отв. ред.), А.П. Житко, Г.А. Космач [и др.]. – Минск : БГПУ, 2008. – 386 с.
8. Подр. см.: Горский, А.А. Политические центры восточных славян и Киевская Русь / А.А. Горский // Отечественная история. – 1993. – № 6.
9. Дук, Д.У. Асноўныя дасягненні археалагічнай навукі ў вывучэнні Полацка / Д.У. Дук // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–23 мая 2012 г.). – Мінск : Беларуская навука, 2012. – 639 с. См. также: Дук, Д. Полацк IX–XI ст.: шлях да дзяржаўнасці / Д. Дук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 5. – С. 4–8.
10. Заяц, Ю.А. У истоков белорусской государственности / Ю.А. Заяц // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы), Мінск, 3–5 лютага 1993 г. : тэзісы дакладаў і паведамленняў. Частка 1 : Гісторыя Беларусі. – Мінск, 1993.
11. О формировании территории Полоцкого княжества подр. см.: Семянчук, Г.Н. Пачатковы этап фарміравання Полацкай зямлі (IX–X стст.) / Г.Н. Семянчук // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1991. – № 3. – С. 66–74; Он же. Формирование границ Полоцкой земли в XI веке / Археология и история Пскова и Псковской земли. – 1989. – Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1990. – С. 53–55; Он же. Полацкая зямля ў XII – першай

- палове XIII ст. (змены ў адміністрацыйна-палітычнай і тэрытарыяльнай структуры) / Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1992. – № 3–4. – С. 41–44. Необходимо отметить, что в процессе формирования государственной территории княжеств определилось и самопонимание их границ, что нашло отражение в терминах «межа», «рубеж». См.: Алексеев, Л.В. О топонимах «межа» и «рубеж» в Восточной Европе / Л.В. Алексеев // Славяне и Русь. – М., 1986.
12. Алексеев, Л.В. Полацкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.) / Л.В. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 296 с.
 13. Лысенко, П.Ф. Киев и Туровская земля / П.Ф. Лысенко // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. : сб. статей. – Минск : Наука и техника, 1982. – 127 с. См. также: Лысенко, П.Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П.Ф. Лысенко. – Минск : Беларус. наука, 1999. – 268 с.
 14. Штыхаў, Г. Дзяржаўны лад у Полацкім княстве (IX–XIII стст.) / Г. Штыхаў // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 21–23 красавіка 1997 г. – Полацк, 1998.
 15. Ганцова, С.К. Сведкі беларускай мінуўшчыны (зборнік дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі VI–XV стст.) / С.К. Ганцова, В.А. Чамярыцкі, Г.В. Штыхаў. – Мінск, 1996. – 167 с.
 16. Ляўко, В. Раннесярэднявечнае грамадства на тэрыторыі Беларусі (структура, служылыя арганізацыі, павіннасці) / В. Ляўко // Штогоднік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, 1999. – Мінск, 1999.
 17. Горский, А. Дружинное государство / А. Горский // Родина. – 2002. – № 9. Необходимо, однако, заметить, что современные исследователи указывают и на важную роль горожан в составе и деятельности княжеской дружины. «Скорее всего, – пишет А.Н. Поляков, – княжеская дружина в собственном смысле – это не личное его войско, и вообще не войско, а городская старшина (старшие люди), которая вместе с князем принимала участие в управлении государством». См.: Поляков, А.Н. Древнерусская цивилизация: основы политического строя / А.Н. Поляков // Вопросы истории. – 2007. – № 3. – С. 62.
 18. Более подробно вопросы об организации власти и управления на белорусских землях в период зарождения и развития государственности изложены в статье: Дмитричков, П.Ф. О становлении и организации власти и управления на белорусских землях в древнерусский период / П.Ф. Дмитричков // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2008. – № 6. – С. 11–17.
 19. Риер, Я.Г. Европа I – начала II тыс.: опыт синхронизации политогенеза / Я.Г. Риер // Романовские чтения – 9 : сб. статей Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Н.М. Пурышевой. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2013. – 228 с.
 20. Белазаровіч, В.А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі : дапам. / В.А. Белазаровіч. – 2-е выд. – Гродна : ГрДУ, 2009. – 345 с.

21. См.: Голубеў, В. Агляд беларускай гітарыяграфіі гісторыі. Вялікае княства Літоўскае (канец XX – пачатак XXI ст.) / В. Голубеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 1–2.
22. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 397 с.
23. Риер, Я. Факторы формирования территории литовского государства на фоне исторического развития Европы в I – начале II тыс. н.э. / Я. Риер // Вялікае княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура : зб. навук. арт. : у 2 ч. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – Ч. 2. – 498 с.
24. Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі. – Мінск : Беларусь, 1991. – 190 с.
25. Насевіч, В. Дзейнасць першых вялікіх князёў літоўскіх і рускіх / В. Насевіч // Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага. – 688 с.
26. П'этра Дзіні. Роля беларускіх зямель у Вялікім княстве Літоўскім / Дз. П'этра // Ад Полацка і Нясвіжа – да Падуі і Венецыі : матэрыялы ўрачыстага адкрыцця мемарыяльнай дошкі Ф. Скарыны ў Падуанскім універсітэце і Першай беларуска-італьянскай канферэнцыі. Венецыя, кастрычнік 1992. – Мінск, 1994.
27. Галенчанка, Г. Гітарыяграфія / Г. Галенчанка // Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага. – 688 с.
28. Беларусістыка. Беларусь у Вялікім княстве Літоўскім. Стэнаграма пасяджэнняў Міжнароднага «круглага стала», які адбыўся ў Мінску 6–7 красавіка 1992. – Мінск, 1992.
29. Несцяровіч, Ю.У. Пра ўжыванне этналагічнага метаду ў даследаваннях па гісторыі Беларусі / Ю.У. Несцяровіч // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы навук. канф. (Мінск, 6–7 снежня 2001 г.). – Мінск : Дэполіс, 2001. – 378 с.
30. Рахуба, А. Вялікае княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг. / А. Рахуба ; пер. з польск. мовы М. Раманоўскі ; навук. рэд. Г. Салановіч. – Мінск : Медысонт, 2008. – 424 с.
31. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск : БелЭН, 1994. – 510 с.
32. Грыцкевіч, А.П. Палітычнае становішча Беларусі ў эпоху Скарыны / А.П. Грыцкевіч // Спадчына Скарыны : зб. матэрыялаў першых Скарынаўскіх чытанняў, 1986 / укл. А.І. Мальдзіс. – Мінск, 1989.
33. Малиновский, В.И. История белорусской государственности : учеб. пособ. / В.И. Малиновский. – Минск : Беларусь, 2003. – 199 с.
34. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск : БелЭН, 1994. – 510 с.

35. Там же.
36. Таблица составлена по материалам издания: Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – Т. 1. – С. 225.
37. Мясешка, В.І. Беларусь у канцы XV – сярэдзіне XVI ст. / В.І. Мясешка, З.Ю. Капыскі, П.А. Лойка // Скарына і яго эпоха. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 479 с.
38. О порядке замещения должности полоцкого воеводы, его функций подр. см.: Галубовіч, В. Полацкія ваяводы ў XV ст. / В. Галубовіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 11. – С. 37–42.
39. Варонін, В. Палітычны лад Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст. / В. Варонін // Беларускі гістарычны агляд. – Т. 5. – Ст. 1(8). – Чэрвень, 1988.
40. Юхо, И.А. Правовое положение населения Беларуси в XVI в. / И.А. Юхо. – Минск, 1970. Более подр. о развитии самоуправления на белорусских землях см.: Дмитрачков, П.Ф. О самоуправлении в государственной жизни белорусских земель (IX–XVI вв.) / П.Ф. Дмитрачков // Романовские чтения – 5 : сб. тр. Междунар. науч. конф. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – 200 с.
41. Голенченко, Г. «Шляхетская демократия» в Великом княжестве Литовском XVI–XVIII вв. / Г. Голенченко // Белоруссия и Россия: общества и государства : сб. докладов ; отв. ред.-сост. Д.Е. Фурман. – М. : Права человека, 1998. – С. 31–56.
42. Цит по: Вішнеўская, І.У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / І.У. Вішнеўская. – Мінск : Тэсей, 2004. – 272 с.
43. Конон, В.М. Гуманистические истоки Статута Великого княжества Литовского 1529 г. / В.М. Конон // Первый Литовский Статут 1529 г. – Вильнюс, 1982.
44. Подр. см.: Лазутка, С. Літоўскія Статуты (1529, 1566, 1588), іх стваральнікі і эпоха / С. Лазутка // КРАЙ – KRAJ. POLONICA – ALBARUTHENICA – LITHUANICA. 1-2 (2-3). – Мінск : Маладзёжнае навуковае таварыства, 2001.
45. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск : БелЭН, 1994. – 510 с.
46. Падалінскі, У. Праблемы даследавання земскага прадстаўніцтва Вялікага княства Літоўскага на вальных соймах Рэчы Паспалітай (на прыкладзе заключанага этапа Люблінскага сойма 1569 г.) / У. Падалінскі // Вялікае княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура : зб. навук. арт. : у 2 ч. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – Ч. 1. – 505 с.
47. О содержании проекта, представленного делегацией ВКЛ, см.: Саверчанка, І. Улада пячаткі / І. Саверчанка // Палымя. – 2016. – № 12. Для более подробного изучения предпосылок, подготовки и условий Люблинской унии рекомендуются статьи: Дмитрачков, П. К вопросу о Люблинской унии и образовании Речи Посполитой /

- П. Дмитрачков // Беларуская думка. – 2006. – № 6. – С. 140–148; Гарматны, В.П. Люблінская унія 1569 г. / В.П. Гарматны // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці (Да 90-годдзя ўтварэння БССР) : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 27 лютага 2009 г. : у 2 ч. – Мінск : БДПУ, 2009. – Ч. 1 : Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. – С. 49–53.
48. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. / В.И. Пичета. – М. : АН СССР, 1961. – 815 с.
49. Чаропка, В. Братэрская любоў / В. Чаропка // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 1.
50. Хрестоматия по истории Беларуси : учеб. пособие : в 2 ч. / сост.: Я.И. Трещенок [и др.] ; под науч. ред. К.М. Бондаренко. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – Ч. 1 : С древнейших времен до 1917 г. – 623 с.
51. Рахуба, А. Вялікае княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1566–1763 гг. / А. Рахуба. – Мінск, 2008. – 424 с.
52. Подр. см.: Падалінскі, У. Галоўны з’езд Вялікага княства Літоўскага: генезіс, функцыі, гістарычнае развіццё / У. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 1.
53. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. : Тэксты. Даведнікі. Каментарыі. Раздзел 3. Арт. 4. – Мінск, 1988.
54. Лойка, П.А. Рэалізацыя акта Люблінскага сойма 1569 г. у гістарычнай рэчаіснасці другой паловы XVI – пачатку XVII стст. / П.А. Лойка // Выбраныя навуковыя працы БДУ, Мінск. См. такжэ: Дземідовіч, А.В. Станаўленне шляхты Вялікага княства Літоўскага: ад узаемастановаў дзвюх частак Рэчы Паспалітай у апошнія трэці XVI – першая трэці XVII ст. / А.В. Дземідовіч // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці (Да 90-годдзя ўтварэння БССР) : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 27 лютага 2009 г. : у 2 ч. – Мінск : БДПУ, 2009. – Ч. 1 : Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. – С. 53–56.
55. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
56. Емельянчык, У. Дзяржаўныя рэформы другой паловы XVIII ст. / У. Емельянчык // Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва, 2004. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). – 344 с.
57. Подробнее о работе Сейма, принятой Конституции, см.: Гарматны, В.П. Канстытуцыя трэцяга мая 1791 г. / В.П. Гарматны // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці (Да 90-годдзя ўтварэння БССР) : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 27 лютага 2009 г. : у 2 ч. – Мінск : БДПУ, 2009. – Ч. 1 : Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. – 384 с.; Грыцкевіч, В.П. Два погляды на адну Канстыту-

- цью / В.П. Грышкевіч // Полымя. – 1993. – № 9. – С. 178–192; Макарова, Т.И. Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 г. (к 200-летию принятия) / Т.И. Макарова // Веснік БДУ імя У.І. Леніна. Сер. 3. – 1997. – № 2. – С. 55–58.
58. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах. – Мінск : Палітмаг, 2002. – 459 с.
59. Там же.
60. Голенченко, Г. «Шляхетская демократия» в Великом княжестве Литовском XVI–XVIII вв. / Г. Голенченко // Белоруссия и Россия: общества и государства : сб. докладов ; отв. ред.-сост. Д.Е. Фурман. – М. : Права человека, 1998. – С. 31–56.
61. Хрестоматия по истории Беларуси : учеб. пособие : в 2 ч. / сост. Я.И. Трещенок [и др.] ; под науч. ред. К.М. Бондаренко. – Минск : Издательский центр БГУ, 2008. – Ч. 1 : С древнейших времен до 1917 г. – 623 с.
62. Насытка, Я. Этнічная тэрыторыя, сацыяльны і эканамічны склад насельніцтва / Я. Насытка // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці канец XVIII – пачатак XXI ст. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 584 с.
63. Хрестоматия по истории Беларуси : учеб. пособие : в 2 ч. / сост.: Я.И. Трещенок [и др.] ; под науч. ред. К.М. Бондаренко. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – Ч. 1 : С древнейших времен до 1917 г. – 623 с.
64. Зенчанка, С. Усталяванне расійскай сістэмы кіравання / С. Зенчанка // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
65. Там же.
- Там же. Рекомендуются и специальные научные публикации: Токць, С.М. Асабовы склад дзяржаўнага апарату Расійскай імперыі ў Беларусі (30–60-е гг. XIX ст.) / С.М. Токць // Весці АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук, 1996. – № 2. – С. 70–73; Киселев, А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. : монография / А.А. Киселев. – Минск : Военная академия Республики Беларусь, 2007. – 171 с.; Шпилевская, И.Н. Становление и особенности делопроизводства в канцелярии Минского губернатора / И.Н. Шпилевская // Беларускі археалагічны штогоднік, 2003. – Вып. 4 – С. 147–156; Кліз, Г.С. Губернатарскія канцылярыі ў Беларусі 30–60-х гадоў XIX ст. / Г.С. Кліз // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Мінск : БДУ, 2010. – Вып. 5. – С. 56–65.
66. Грышкевіч, Т. Самакіраванне ў беларуска-літоўскіх губернях / Т. Грышкевіч, І. Дрывень, А. Жытко, С. Талмачова // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
67. Забаўскі, М. Праблемы аўтаноміі беларускіх губерняў у перыяд выбараў і дзейнасці расійскай думы (1906–1917) / М. Забаўскі //

- Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку ХХІ ст. : у 2 кн. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
68. Подр. см.: Навагродскі, В.Я. Грамадска-палітычная барацьба вакол увядзення земства ў Беларусі / В.Я. Навагродскі // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці (Да 90-годдзя ўтварэння БССР) : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 27 лютага 2009 г. : у 2 ч. – Мінск : БДПУ, 2009. – Ч. 1 : Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. – С. 584.
69. Кошелев, В.С. Концептуальные подходы Н.С. Сташкевича к изучению отечественной истории / В.С. Кошелев // Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале ХХІ века : избранные труды Н.С. Сташкевича / под науч. ред. А.Н. Данилова, В.С. Кошелева. – Минск : РИВШ, 2012. – 242 с.

ТЕМА 4

1. Марзалюк, И.А. Беларусь – от этнографической общности к нации. Истоки и генезис белорусской национальной идентичности / И.А. Марзалюк // Государственность – национальная идея Беларуси. – М. : Книжный мир, 2016. – 384 с.
2. Ластоўскі, В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В.Ю. Ластоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 126 с.
3. Цвікевіч, А. «Западно-русизм» / А. Цвікевіч // Спадчына. – 1991. – № 6.
4. Латышонак, А. Нацыянальнасць – Беларусь / А. Латышонак. – Вільня, 2009. – 558 с. Рекомендуюцца такжэ матэрыялы, отражавшыя взгляды О. Латышонка на происхождение и распространение названия «Белая Русь», опубликованные в журнале «Беларуская думка»: «Краіна Беларусь існуе з XVI стагоддзя» // Беларуская думка. – 2010. – № 1.
5. Цит. по: На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 311 с.
6. Цит. по: Мушыньскі, М.І. Заходнебеларуская думка пачатку ХХ ст.: аб справядлівасці этнічных зносін / М.І. Мушыньскі // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы навук. канф. (Мінск, 6–7 снежня 2001 г.). – Мінск : Дэполіс, 2001. – С. 159.
7. Даніловіч, В.В. У авангардзе сучаснай айчыннай гістарычнай навукі / В.В. Даніловіч // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – Вып. 29. – 352 с.
8. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала ХХ вв. в контексте Центрально-Восточной Европы / П.В. Терешкович. – Минск : БГУ, 2004. – 223 с.
9. Подр. см.: Унучак, А.У. Беларуская нацыянальна-дзяржаўная ідэя ў канцы XIX ст. – 1917 г. / А.У. Унучак // На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 261 с.

10. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / пад рэд. М.П. Касцюка. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 519 с.
11. Там же.
12. Гринблат, М.Я. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории / М.Я. Гринблат. – Минск : Наука и техника, 1968. – 286 с.
13. Багдановіч, М. Творы : у 2 т. / М. Багдановіч. – Мінск, 1927–1928. – Т. 2.
14. Цит. по: На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 311 с.
15. Цит. по: Гарэцкі, М. Гісторыя беларускай літаратуры / уклад. і падрыхт. тэксты Т.С. Голуб / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 479 с. Следует заметить, что высоко оценивал роль Ф. Богушевича в национальном возрождении Беларуси и М. Богданович. Он писал: «У прадмовах да сваіх кніжак Багушэвіч бадай ці не першы стаў прапаведнікам усебаковага адраджэння беларусаў, даказваючы, што яны прадстаўляюць асобны самастойны народ». См.: Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – Т. 2. – С. 273. Вместе с тем нельзя и преувеличивать «белорусскость» Ф. Богушевича. Он вообще не считал себя белорусом. Имелся письменный источник (текст, написанный в 1885 г. для польского журнала «Крај», выходившего в Санкт-Петербурге), где Ф. Богушевич назвался литвином. «А вось знайсці хоць бы адну згадку, хоць бы адну дакументальную крыніцу, – пішэ І. Марзалюк, – у якой Францішак Багушэвіч акрэсліў сябе беларусам па нацыянальнасці, ніхто так і не здолеў». См.: Марзалюк, І. Фальшывая гісторыя – маці фальшывай палітыкі / І. Марзалюк // Беларуская думка. – 2010. – № 7. – С. 75.
16. Парашкоў, С.А. Адукацыя і асвета на Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С.А. Парашкоў // Романовские чтения – 5 : сб. трудов Междунар. науч. конф. 27–28 ноября 2008 г., г. Могилев. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – 200 с. См. также: Сарока, С. Беларуская мова ў інфармацыйнай прасторы паўночна-заходняга краю Расійскай імперыі XIX ст. / С. Сарока // Роднае слова. – 2011. – № 2.
17. Подр. см.: Снапкоўская, С.В. Ля вытокаў нацыянальнай педагогікі. З гісторыі школы і педагогічнай думкі Беларусі канца XIX – пачатку XX ст. / С.В. Снапкоўская. – Мінск : Нар. асвета, 1995. – 128 с.
18. Гісторыя Беларускай ССР у пяці тамах. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – Т. 2 : Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.). – 688 с. См. также: Улащик, Н.Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии / Н.Н. Улащик // История СССР. – 1968. – № 1. – С. 41–45; Каханоўскі, А.Г. Узровень пісьменнасці жыхароў Беларусі на мяжы XIX–XX ст. / А.Г. Каханоўскі // Весці БДУ. Серыя 3. Гісторыя. – 2006. – № 1. – С. 28–30.

19. Снапкоўская, С.В. Ля вытокаў нацыянальнай педагогікі. 3 гісторыі школы і педагогічнай думкі Беларусі канца XIX – пачатку XX ст. / С.В. Снапкоўская. – Мінск : Нар. асвета, 1995. – 128 с.
20. Там же.
21. Браншэвіч, А. Палітычныя праекты адраджэння Рэчы Паспалітай і Вялікага Княства Літоўскага ў палітыцы расійскага царызму напярэдадні вайны 1812 г. / Гістарычны альманах. – Гародня, 2002. – Т. 6; Он же. К вопросу о возрождении Великого Княжества Литовского Наполеоном в 1812 г. / Французская революция и судьбы мира. – Минск, 1999.
22. Грыцкевіч, А. Паўстанне 1794 года: перадумовы, ход і вынікі / А. Грыцкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 1; См. такжэ: Кулакевіч, Т.М. Касцюшка і Каліноўскі – нацыянальныя героі Беларусі / Т.М. Кулакевіч // Славянскі свет: мінулае і сучаснасць : матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канф. Мінск, 26 сакавіка 2004 г. : у 3 ч. – Мінск : Вучэб.-наук. цэнтр БДПУ. – Ч. 1. – 240 с.
23. Цит. по: Гісторыя Беларусі : у 6 т. / пад рэд. М.П. Касцюка. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 519 с. См. такжэ: Біч, М.В. Кастусь Каліноўскі як рэвалюцыйны дэмакрат / М.В. Біч // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1988. – № 1. Он же. Нацыянальныя і аграрныя пытанні ў час паўстання 1863–1864 гг. / Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 3. Он же. «І думай аб самастойнасці Літвы» // Беларуская мінуўшчына. – 1997. – № 5.
24. Фірановіч, А.Е. Месца крыніцы ў гістарыяграфічным дыскурсе аб паўстанні 1863–1864 гг. / А.Е. Фірановіч // Российские и славянские исследования : сб. научных статей. – Минск : БГУ, 2013. – Вып. VIII. – 318 с.
25. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. : у 2 кн. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
26. Цит. по: На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 311 с.
27. Марзалюк, І. Фальшывая гісторыя – маці фальшывай палітыкі / І. Марзалюк // Беларуская думка. – 2010. – № 7.
28. Публіцыстыка беларускіх народнікаў / сост., подгот. текстов С.Х. Александрович и И.С. Александрович ; предисловие и коммент. И.С. Александрович. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 134 с.
29. Там же.
30. Там же.
31. Цит. по: Рагойша, В. Францішак Багушэвіч у інтэр’еры стагоддзя / В. Рагойша // Беларуская думка. – 2010. – № 3.
32. Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI века : избранные труды Н.С. Сташкевича / под науч. ред. А.Н. Данилова, В.С. Кошелева. – Минск : РИВШ БГУ, 2012. – 242 с.

33. Там же.
34. Там же.
35. Сташкевіч, М. Пытанне беларускай дзяржаўнасці ў праграме і дзейнасці палітычных партый і арганізацый у пачатку XX ст. / М. Сташкевіч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
36. Подр. см.: Забаўскі, М.М. Праблемы аўтаноміі беларуска-літоўскіх губерняў у перыяд выбараў і дзейнасці Расійскай Дзяржаўнай думы (1906–1917 гг.) // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. / А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Кн. 1 – С. 274–294.
37. Подр. см.: Лавринович, Д.С. Политическое масонство в общественно-политической жизни России и Беларуси в 1905–1917 гг. / Д.С. Лавринович // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2017. – № 3. – С. 10–19; Смалянчук, А. 3 гісторыі віленскага масонства XX ст. / А. Смалянчук // Спадчына. – 1998. – № 5. – С. 50–58.
38. Карнялюк, В.Р. Пра колькасць прызваных у расійскае войска з Віленскай, Віцебскай, Гарадзенскай, Мінскай і Магілёўскай губерняў у часы Першай сусветнай вайны (1914–1918) // В.Р. Карнялюк // Гістарычны альманах. – Гародня, 2000. – Т. 3. – С. 179–180.
39. Волкава, В. Дэмаграфічны змены на акупаванай тэрыторыі Беларусі падчас Першай сусветнай вайны / В. Волкава // Беларускі гістарычны часопіс. – 2018. – № 1. – С. 30–43.
40. См. такжэ: Хоміч, С.М. Беларускі нацыянальны рух ва ўмовах Першай сусветнай вайны (жнівень 1914 – люты 1917 гг.) / С.М. Хоміч // Октябрь 1917 года в судьбе мировой цивилизации (к 90-летию Октябрьской революции). – Минск : Беларус. навука, 2008. – С. 368–391. См. такжэ: Шавлинский, Н.Б. Государственно-политическое и национально-культурное самоопределение Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Минск, 2009.
41. Подр. см.: Ляхоўскі, У. Адукацыйная палітыка грамадскіх улад на акупіраванай тэрыторыі Беларусі (1915–1918) / У. Ляхоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 12. – С. 31–41.
42. Подр. см.: Антон Луцкевіч: ад краёвасці да незалежнасці (1916–1918): агляд крыніцаў // АРСНЕ. – 2006. – № 1–2(41–42). Рэкамендуецца такжэ статья: Марозаў, С.П. Ідэя адраджэння Вялікага Княства Літоўскага ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (канец XVIII – першая чвэрць XX ст.) / С.П. Марозаў // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 1. Т. 8. – № 2. – 2016; Багалейша, С. Канфедэрацыя ВКЛ: праекты і здзяйсненні / С. Багалейша // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 7. – С. 22–26.
43. Игнатенко, И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Минск : Наука и техника, 1986. – 343 с.

44. Подр. см.: Богданович, Е.Г. Национально-государственная идея в общественно-политическом движении Беларуси (март-октябрь 1917 г.) / Е.Г. Богданович // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. – Мінск : БДУ, 2008. – Вып. 3. – 251 с.
45. Для более полного ознакомления с историей создания БСГ, ее программными установками, деятельностью в марте-октябре 1917 г. рекомендуется статья Н.С. Сташкевича «Белорусская социалистическая громада», помещенная в сборнике «Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI века: избранные труды Н.С. Сташкевича». – С. 101–113.
46. Лазько, Р. Супрацоўніцтва ленінскага Саўнаркома з беларускім нацыянальным рухам напярэдадні Усебеларускага з'езда 1917 / Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 1.
47. Для изучения работы съезда необходимо использовать не только общие работы по истории Беларуси, но и специальные научные публикации. Рекомендуется, в частности, статья: Рудовіч, С. Усебеларускі з'езд 1917 г. – першы агульнанацыянальны форум беларускага народа // Штогоднік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Мінск : ІГ, 1999. – 176 с.
48. Ладысеў, У. I Усебеларускі з'езд 1917 г. / У. Ладысеў // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
49. Там же.
50. Архипов, А. Формирование государственной границы Беларуси / А. Архипов // Беларуская думка. – 2018. – № 5.

IV. РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэрыялы Рэспуб. навук. канф. : у 4 ч. / пад рэд. І.П. Крэня, У.І. Навіцкага, І.А. Змітровіча. – Гродна : ГрДУ, 2003. – Ч. 1. – 348 с.
2. Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці (Да 90-годдзя ўтварэння БССР : матэр. Рэспуб. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 27 лютага 2009 г.) : у 2 ч. – Мінск : БДПУ, 2009. – Ч. 1 : Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. – 244 с.
3. Анішчанка, Я.К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796 гады) / Я.К. Анішчанка ; пад рэд. У.А. Сосны. – Мінск : Веды, 1998. – 220 с.
4. Біч, М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. Гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993.
5. Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя : матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 18–19 красавіка 2003 г. / БДПУ імя М. Танка ; навук. рэд. П.І. Брыгадзін [і інш.]. – Мінск, 2004.
6. Беларуская ідэя і Вялікае княства Літоўскае (круглы стол) // Беларуская думка. – 1992. – № 10.
7. Беларусы. Т. 3 : Гісторыя этналагічнага вывучэння. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 365 с.
8. Беларусы. / В.В. Бандарчык, В.М. Бялявіна, Г.І. Каспяровіч [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 4 : Вытокі і этнічнае развіццё. – 432 с.
9. Беларусы. Т. 9 : Антрапалогія / Л.І. Цягака [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – 575 с.
10. Беларусы: Этнаграфія. Дэмаграфія. Дыяспара. Канфесіі : атлас / рэд. С.А. Польскі. – Мінск, 1996. – 32 с.
11. Беларусь на мяжы тысячагоддзяў / адказ. рэд. І.П. Хаўратовіч. – Мінск : БелЭн, 2000. – 432 с.
12. Беларусь: Народ. Государство. Время. / Нац. АН Беларусі ; редкол. А.А. Коваленя. – Мінск : Бел. навука, 2009. – 879 с.
13. Беларусы: страницы истории / Нац. АН Беларусі ; редкол. А.А. Коваленя, Г.Я. Голенченко, А.И. Груша, В.В. Данилович, М.Г. Жилинский. – Минск : Белорус. наука, 2011. – 408 с.
14. Бондаренко, К.М. Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.) : монография / К.М. Бондаренко. – Могилев : УО «МГУ имени А.А. Кулешова», 2010. – 412 с.

15. Булгакаў, В. Гісторыя беларускага нацыяналізму / В. Булгакаў. – Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2006. – 326 с.
16. Васілевіч, Р.А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р.А. Васілевіч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. – Мінск : Права і эканоміка, 2001. – 362 с.
17. Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг. : матэр. Міжнар. круглага стала, Гродна, 16–18 мая 2003 г. – Мінск, 2006. – 540 с.
18. Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура : зб. навук. артыкулаў : у 2 ч. / Нац. АН Беларусі, Ін-т гісторыі ; [уклад. А.А. Скеп'ян]. – Мінск : Беларус. навука, 2017.
19. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь : матэр. круглага стала, які адбыўся 22 верасня 2006 г. у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі / Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 10 ; 2007. – № 1.
20. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст.: праблемы, здабыткі, перспектывы / Н.В. Анофранка [і інш.] ; навук. рэд. В.В. Яноўская. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – 447 с.
21. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 70-годдзю Ін-та гісторыі НАН Беларусі (Мінск, 6–7 кастр. 1999 г.) / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі ; рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Дэполіс, 2000. – 345 с
22. Гісторыя Беларусі / гал. рэд. М.П. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2000. – Т. 1 : Старажытная Беларусь: Ад першاپачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – 351 с.
23. Гісторыя Беларусі / гал. рэд. М.П. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага. – 688 с.
24. Гісторыя Беларусі / гал. рэд. М. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2004. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). – 344 с.
25. Гісторыя Беларусі / гал. рэд. М. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 519 с.
26. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку ХХІ ст. : у 2 кн. / А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
27. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку ХХІ ст. : у 2 кн. / гал. рэд. А.А. Каваленя. – Мінск : Бел. навука, 2012. – Кн. 2. – 654 с.
28. Государственность – национальная идея Беларуси : пер. с англ. / [пер. А. Гракович]. – Москва : Кн. мир, 2016. – 378 с.
29. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А. Унучак [і інш.] ; рэдкал.: В.В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 573 с.

30. Дзярновіч, А.І. Фрэскі гісторыі: артыкулы і эсэ па гісторыі і цывілізацыі Беларусі і Цэнтральна-Усходняй Еўропы. – Мінск : РІВШ, 2011. – 246 с.
31. Дмитрачков, П.Ф. Белорусский этнос: истоки, становление и развитие : методические материалы и рекомендации для студентов исторических специальностей / П.Ф. Дмитрачков. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2010. – 153, [2] с.
32. Дмитрачков, П.Ф. История зарождения и развития государственности на белорусских землях (IX–XVIII в.) : учебно-методические материалы и рекомендации / П.Ф. Дмитрачков. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2008. – 76 с.
33. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
34. Думин, С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) / С.В. Думин // История Отечества. Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / сост. С.В. Мироненко. – М. : Политиздат, 1991. – 367 с.
35. Ермаловіч, М.І. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М.І. Ермаловіч. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – 448 с.
36. Жытко, А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 / А.П. Жытко. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.
37. Забаўскі, М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917) / М.М. Забаўскі ; Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск : БДПУ, 1999. – 212 с.
38. Загорульский, Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века / Э.М. Загорульский. – 2-е изд., доп. – Минск : Четыре четверти, 2014. – 529 с.
39. Загорульский, Э.М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси / Э.М. Загорульский. – Минск : БГУ, 2012. – 367 с.
40. Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры : материалы Междунар. научн. конф., Минск, 8–9 декабря 2011 г. / редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2012. – 769 с.
41. Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі: (Да 70-годдзя ўтварэння) / М.П. Касцюк, М.К. Кошалеў, Л.М. Лыч [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1999. – 107 с.
42. Карев, Д.В. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д.В. Карев. – Вильнюс, 2007. – 312 с.
43. Касцюк, М.П. Шлях да ісціны. Гістарычная навука Беларусі ў канцы XX – пачатку XXI ст. / М.П. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2015. – 251 с.
44. Кахановіч, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Кахановіч. – Мінск : БДУ, 2014. – 335 с.

45. Киселев, А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. / А.А. Киселев. – Минск : Воен. акад. Респ. Беларусь, 2007. – 171 с.
46. Корзенко, Г.В. Подготовка научных кадров в Беларуси. Взгляд сквозь годы / Г.В. Корзенко. – Минск : Хата, 1998. – 168 с.
47. Краўцэвіч, А.К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 208 с.
48. Культурна-нацыянальныя працэсы на Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. : зб. навук. прац. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1998. – 188 с.
49. Лавринович, Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.) : монография / Д.С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2015. – 328 с.
50. Ладзеў, У.Ф. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У.Ф. Ладзеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 2003. – 307 с.
51. Лазаревич, А.А. Беларусь: культурно-цивилизационный выбор / А.А. Лазаревич, И.Я. Леваш. – Минск : Белорус. наука, 2014. – 379 с.
52. Латышонак, А. Нацыянальнасць – Беларусь / А. Латышонак. – Вільня : Інстытут беларусістыкі ; Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. – 558 с.
53. Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–23 мая 2012 г.) ; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В.М. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – с.
54. Левко, О.Н. Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Беларуси. Формирование и развитие / О.Н. Левко. – Минск : Белорус. наука, 2004. – 280 с.
55. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / пер. з ням. Л. Варшчэўскага ; нав. рэд. Г. Сагановіча. – 2-е выд. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.
56. Лойка, П.А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. Мінск, 2002. – 99 с.
57. Луговцова, С. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в. – Минск, 1997. – с.
58. Луцкевіч, А. Да гісторыі беларускага руху (выбраныя творы) / А. Луцкевіч. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – 287 с.
59. Лыч, Л. Беларуская нацыянальная ідэя: тэарэтычны і практычны аспекты / Л. Лыч. – Мінск : [б. в.], 2010. – 447 с.
60. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский ; подгот. к печати Д.В. Карев. – Минск : Белорус. наука, 2012. – 397 с.

61. Малиновский, В.И. История белорусской государственности : учебное пособие / В.И. Малиновский. – Минск : Беларусь, 2003. – 199 с.
62. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) : манаграфія / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
63. Марзалюк, І.А. Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі : манаграфія / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2009. – 148 с.
64. Марзалюк, І.А. Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI–XVIII стст.: (этнаканфесійны склад насельніцтва, этнічныя і канфесійныя стэрэатыпы беларускіх гараджан) : манаграфія / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – 164 с.
65. Міхнюк, У.М. Доктарскія і кандыдацкія дысертацыі па гістарычных навуках у Рэспубліцы Беларусь (1991–2003 гг.) : бібліяграфічны паказальнік / У.М. Міхнюк. – Мінск : Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, 2006. – 66 с.
66. Міхнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) / В.Н. Міхнюк ; под ред. П.Т. Петрикова. – Минск : Наука и техника, 1985. – 286 с.
67. Мікуліч, А.І. Беларусы ў генетычнай прасторы: антрапалогія этнасу / А.І. Мікуліч. – Мінск : Тэхналогія, 2005. – 138 с.
68. На скрыжаванні думак: вучоныя аб «белых плямах» гісторыі Беларусі / [складальнік Я.І. Бараноўскі]. – Мінск : Беларусь, 1990. – 117 с.
69. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М.П. Касцюк [і інш.] ; рэдкалегія: А.А. Каваленя (галоўны рэдактар) [і інш.] / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 614, [1] с.
70. Насевіч, В.Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы / В.Л. Насевіч. – Мінск : Палымя, 1993. – 160 с.
71. Насевіч, В. Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя / В. Насевіч. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. – 526 с.
72. Науменко, Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л.И. Науменко. – Минск : Белорус. наука, 2012. – 205 с.
73. На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / В.В. Яновская [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 311 с.
74. Падолінскі, В.А. Представительство Великого княжества Литовского на Люблинском сейме 1569 г.: участие в работе первого вольного сейма Речи Посполитой. – Мн., 2017. – 240 с.
75. Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск – Навагрудак, 23–24 лістапада 2007 г.) / навук. рэд. С.Ф. Сокал, А.М. Янушкевіч. – Мінск : БПН-С Плюс, 2008. – 374 с.

76. Петриков, П.Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е – начало 2000-х годов) / П.Т. Петриков. – Минск : Белорус. наука, 2007. – 292 с.
77. Пилипенко, М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция / М.Ф. Пилипенко. – Минск : Беларусь, 1991. – 143 с.
78. Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI века : избранные труды Н.С. Сташкевича / под науч. ред. А.Н. Данилова, В.С. Кошелева. – Минск : РИВШ БГУ, 2012. – 242 с.
79. Публицистика белорусских народников: нелегальные издания белорусских народников (1881–1884) / сост. С.Х. Александрович. – Минск : БГУ, 1983. – 134 с.
80. Радзік, Р. Беларусь (Погляд з Польшчы) / Р. Радзік. – Мінск, 2012.
81. Рахуба, А. Вялікае княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг. : пер. з польск. / А. Рахуба. – Мінск : Медысонт, 2008. – 424 с.
82. Рудовіч, С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 201 с.
83. Сарока, С.М. Архітэктоніка інфармацыйнай прасторы беларускай культуры XIX – пачатку XX стагоддзя / С.М. Сарока. – 2-е выд., са змян. і дап. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2016. – 292 с.
84. Сачанка, Б. Беларуская эміграцыя / Б. Сачанка. – Мінск, 1991. – 111 с.
85. Свиб, А.Ф. Государственно-правовой статус Беларуси в составе России в пореформенный период (1861–1900) : монография / А.Ф. Свиб. – Минск : БИП-С, 2004. – 120 с.
86. Седов, В.В. Славяне. Древнерусская народность : историко-археологическое исследование / В.В. Седов. – Москва : Знак, 2005. – 944 с.
87. Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / сост. А.Г. Кузьмин. – 4-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2001. – 488 с.
88. Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побоя : в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.] ; науч. ред. О.Н. Левко, В.Г. Белец ; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск : Бел. наука, 2016. – Кн. 1. – 506 с. ; Кн. 2. – Минск : Белорус. наука, 2016. – 410 с.
89. Слобожанин, В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917) / В.П. Слобожанин ; Ин-т философии и права АН Беларуси. – Минск : [б. и.], 1994. – 85 с.
90. Современная мировая историческая наука : Информ.-аналит. обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков и X Международ. конф. «История и компьютер» – Монреаль. Август–сентябрь 1995 г.) ; ред. кол.: А.Н. Алпеев [и др.]. – Минск : Тетра-Системс, 1996. – 196 с.

91. Соколова, М.А. Общественные движения на территории Беларуси (XIX – начало XX в.): историография, методологические принципы исследования / М.А. Соколова. – Минск : Белорус. наука, 2011. – 448 с.
92. Старостенко, В.В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.) : монография / В.В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулепова, 2001. – 200 с.
93. Сяменчык, М.Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) : у 2 ч. / М.Я. Сяменчык ; Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск : [б. в.], 2001. – 360 с.
94. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы / П.В. Терешкович. – Минск : БГУ, 2004. – 223 с.
95. Турук, Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов / предисл. А. Кавки. – Минск : [б. и.], 1994. – 144 с.
96. Унучек, А. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915). – Мінск, 2008. – 186 с.
97. Фірыновіч, А.Э. Паўстанне 1863–1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў / А.Э. Фірыновіч. – Мінск : Бел. навука, 2013. – 315 с.
98. Цьвікевіч, А. “Западно-руссизм” : нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
99. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996 гг.) : монография / М.Ф. Чудаков. – Минск : Акад. управ. при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 327 с.
100. Швед, В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.) / В.В. Швед. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 415 с.
101. Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы навук. канф. (Мінск, 6–7 снеж. 2001 г.) / навук. рэд.: У. Навіцкі, М. Сташкевіч. – Мінск : Дэполіс, 2001. – 387 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
I. ПЛАН ПРОХОЖДЕНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.....	5
II. ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ ИЗУЧЕНИЮ	7
Тема 1. Состояние и особенности развития белорусской исторической науки в постсоветский период: задачи, актуальные проблемы	7
Тема 2. Этнонациональная проблематика отечественной истории в исследованиях белорусских ученых: научные выводы, достижения	44
Тема 3. Современные научные подходы к изучению истории белорусской государственности.....	86
Тема 4. Возникновение и развитие белорусского национального движения: разрабатываемые проблемы, дискуссионные аспекты	146
III. ПРИМЕЧАНИЯ.....	184
IV. РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	204

Учебное издание

Дмитрачков Петр Фролович

**СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ**

**Курс лекций
для магистрантов**

**Технический редактор А. Л. Позняков
Компьютерная верстка А. Л. Позняков
Корректор И. И. Толкачева**

Подписано в печать 27.12.2018.

Формат 60x84/16. Гарнитура SchoolBook.

Усл.-печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 45 экз. Заказ № 411.

**Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова», 212022, Могилев, Космонавтов, 1**

Свидетельство ГРИИРПИ № 1/131 от 03.01.2014 г.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

МГУ имени А. А. Кулешова. 212022, Могилев, Космонавтов, 1